РЕВОЛЮЦІОННЫЙ

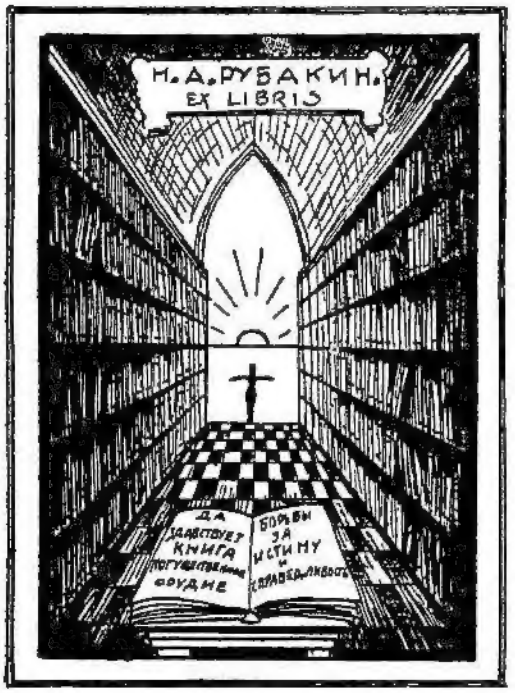
КОНСЕРВАТИЗМЪ.

Книга Р. Фадѣева „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ“ и предположенія Петербургскихъ дворянъ объ организаціи всесословной волости

Ю. Самарина и Ѳ. Дмитріева.

BIBLIOTHEQUE DES ETRANGERS

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
37. UNTER DEN LINDEN. 37.
1875.



114454-48

2007059327

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ читателямъ . . . . . стр. 1.

Письмо къ Р. Фадѣеву по поводу его книги „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (чѣмъ намъ быть)“ Ю. Самарина . . . . . 9.

Всесословная волость по проэктамъ Петербургскихъ дворянъ Ѳ. Дмитріева . . . . . 77.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ этой брошюрѣ читатели найдутъ двѣ статьи критическаго содержанія, писанныя разновременно, по разнымъ поводамъ, двумя лицами и безъ предварительнаго между ними соглашенія. Издаются же онѣ вмѣстѣ подъ общимъ заголовкомъ потому, что обѣ имѣютъ предметомъ характеристику небольшой партіи, школы или группы (пусть она сама выберетъ названіе наиболѣе къ ней подходящее), представляющей собою, въ современномъ движеніи Русскаго общества, какъ бы отдѣльную струйку бѣгущую противъ теченія. Политическая ея окраска опредѣляется двумя терминами сопоставленными въ заголовкѣ. Понятія ими выражаемыя очевидно одно другому противорѣчатъ и вся суть направленія о которомъ идетъ рѣчь заключается именно въ непониманіи логической беззаконности ихъ совокупленія. Какъ только это противорѣчіе будетъ сознано, самое направленіе утратитъ свою raison d'être; группа сплотившаяся подъ знаменемъ его распустится и наше общество пріобрѣтетъ нѣсколькихъ честныхъ, по своему положенію вліятельныхъ дѣятелей, которымъ ничто не помѣшаетъ занять подобающія имъ мѣста въ рядахъ людей скромно посвящающихъ свое время и свои труды злобѣ дня.

Дѣло въ томъ, что консерватизмъ заключается въ *намѣреніяхъ*, а революціонность въ рекомендуемыхъ *средствахъ* и въ употребляемыхъ *пріемахъ*. Итакъ, эта послѣдняя черта, то есть революціонность, въ настоящемъ случаѣ, нисколько не служитъ признакомъ неисцѣльной порчи ума и воли; она является невольнымъ, непредусмотреннымъ, даже несознаннымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ, роковымъ послѣдствіемъ глубокаго разлада между данными условіями той національной среды, въ которой волею неволею приходится жить, и тѣми со стороны навѣянными идеалами всякаго рода, которыми всегда такъ легко увлекаются общественныя группы слишкомъ изолированныя и страдающія нѣкоторымъ оскудѣніемъ историческаго смысла. Въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ чище и безукоризненнѣе намѣренія, чѣмъ искреннѣе вѣра въ идеальные типы предносящіеся воображенію, тѣмъ менѣе причинъ останавливаться передъ сложившимся порядкомъ вещей, когда въ немъ не обрѣтается ничего похожаго на искомое. Кто не ощущаетъ въ себѣ самомъ, въ національномъ своемъ *темпераментѣ присутствія тѣхъ самыхъ* соковъ, которыми создался и питается историческій бытъ цѣлаго народа, кто видитъ въ немъ одну лишь отрицательную его сторону, отсутствіе чего то желаннаго и кажущагося необходимымъ, тотъ естественно не можетъ имъ дорожить; тому простительно также не испытывать страха при мысли о томъ отпорѣ, которымъ могло-бы быть встрѣчено слишкомъ безцеремонное посягательство на свободу и своеобразность этого быта, ибо тотъ даже не въ состояніи подозрѣвать его устойчивости и живучести. Жалѣть нечего, да и бояться нечего.

Отсюда эта широта и безоглядочность преобразовательнаго размаха — свойство, въ которомъ наши доморощенные псевдоконсерваторы могли бы смѣло потягаться съ нашими доморощенными нигилистами. Отсюда же эта простодушная дѣтски-наивная дерзость, съ которою люди на видъ серьезные

ворочаютъ вопросами и задаютъ себѣ задачи, передъ которыми дрогнула бы ширококостая натура Петра I. — Покончить съ сельскою общиною и искрошить мірскую землю на недѣлимые дворы, чтобъ наконецъ завелись и у насъ фольбауеры и кнехты — это имъ нипочемъ. Отсюда же это болѣзненное раздраженіе на какихъ-то воображаемыхъ враговъ и это вошедшее въ привычку клеймѣніе цѣлыхъ классовъ общества, иногда даже своихъ же неопознанныхъ братьевъ, обидными прозвищами. Кто, напримѣръ, запамятовалъ, что онъ не болѣе какъ служилый человѣкъ и мысленно пожаловалъ себя въ аристократа - помѣщика, по образцу Англійскаго лорда или Нѣмецкаго юнкера, тому конечно нельзя не предположить противъ себя, какъ человѣка другой породы, историческаго своего ненавистника — бюрократа.

Если его не оказывается въ наличности, то такъ какъ онъ всеже необходимъ для полноты обстановки, то остается изобрѣсти его и потому, за неимѣніемъ субъекта болѣе подходящаго къ роли, ярлыкъ бюрократа привѣшивается къ спинѣ другаго дворянина, такого же служилаго человѣка гражданскаго чина, предки котораго, какъ и всѣ дворяне, правдою и неправдою, выслужили себѣ вотчину и сдѣлались помѣщиками. Стоило бы, конечно, взглянуть на всѣ эти переряженныя фигуры нѣсколько спокойно и добросовѣстно, и тогда сейчасъ же узнали бы въ призракѣ бюрократа *каррикатуру* на чиновника, въ pendant къ которой пущена въ ходъ такая же каррикатура на помѣщика подъ ярлыкомъ *крѣпостника;* но бѣда въ томъ, что при революціонномъ настроеніи, спокойствіе и безпристрастіе не мыслимы. Оттого, люди приходящіе въ негодованіе когда передъ ними проносится каррикатура на дворянина-помѣщика, никогда не отказываютъ себѣ въ удовольствіи вставлять въ свои рѣчи, въ видѣ иллюстраціи, каррикатуру на дворянина - чиновника. Это обыкновенный пріемъ. Въ былыя времена, во Франціи, ни одно патріоти-

ческое воззваніе не обходилось безъ валовой анаѳемы на всѣхъ аристократовъ и всѣхъ священниковъ; у насъ теперь, почти въ томъ же тонѣ, кстати и некстати, клянутъ бюрократовъ.

Существенная разница заключается конечно въ томъ, что революціонный консерватизмъ, въ современномъ Русскомъ обществѣ, не имѣетъ корней. Самому дворянству, въ массѣ, его идеалы не менѣе несочувственны и чужды, чѣмъ простонародію и если бы непремѣнно понадобилось отискать для нихъ историческую генеологію, то пришлось бы вѣроятно связать ихъ съ программою *верховниковъ* XVIII вѣка, такъ торжественно отвергнутою тогдашнимъ шляхетствомъ. Такое сопоставленіе было бы однако натяжкою: политической традиціи, преемственной передачи убѣжденій и цѣлей черезъ три или четыре поколѣнія у насъ не бываетъ и предполагать нельзя въ общественной средѣ, въ которой отцы и взрослые дѣти живутъ всегда двумя розными жизнями и даже не понимаютъ другъ друга; но не подлежитъ сомнѣнію, что и въ настоящую минуту, чаянія и стремленія революціонно-консервативной группы расходятся съ потребностями и желаніями огромнаго большинства дворянства не менѣе рѣзко чѣмъ въ ту знаменательную эпоху, когда нарождавшаяся у насъ аристократія столкнулась съ исторически сложившимся служилымъ сословіемъ и навсегда разбилась.

Теперешняя группа революціонеровъ-консерваторовъ образовалась на нашихъ глазахъ. Она обозначилась въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отрицательно-пассивнымъ отношеніемъ своимъ къ крестьянской реформѣ и вольнымъ своимъ самоустраненіемъ отъ дѣла, въ которомъ все Русское общество принимало участіе. Она не отрицала въ принципѣ необходимости отмѣны крѣпостнаго права, но не одобряла способа исполненія. Ей представлялись какіе то другіе выходы изъ прежнихъ отношеній, другія общественныя, хозяйственныя и административныя формы,

долго остававшіяся невыясненными, по крайней мѣрѣ для непосвященныхъ. Затѣмъ, она обзавелась спеціальнымъ органомъ, покойною газетою „Вѣсть“, которая, какъ извѣстно, читалась сочувственно и имѣла успѣхъ на нашихъ окраинахъ, но не нашла отголоска собственно въ Русской читающей публикѣ. Не смотря на талантъ издателей, на сильную поддержку со стороны нѣкоторыхъ министерствъ и на щедрыя субсидіи нѣсколькихъ меценатовъ, газета эта пала подъ общимъ, къ ней равнодушіемъ. Одновременно смолкли въ провинціальныхъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ немногіе одинокіе голоса безотзывно вторившіе ея ропоту. Въ провинціи, революціонный консерватизмъ рѣшительно не нашелъ почвы и теперь онъ окончательно сосредоточился въ Петербургѣ. Это можно было предвидить заранѣе; всѣ корни его въ высшей правительственной и придворной средѣ и только при этихъ, чисто мѣстныхъ условіяхъ, онъ и можетъ существовать; въ этихъ же связахъ заключается его относительная сила.

Въ послѣднее время въ немъ стали замѣтны признаки какого-то пробужденія, вызваннаго вѣроятно стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Талантливый писатель, Генералъ Фадѣевъ, оказалъ ему и всей нашей публикѣ неоцѣненную услугу, взявъ на себя трудъ формулировать теорію революціоннаго консерватизма, въ связи съ настоящимъ и будущимъ. Въ книгѣ его раскрылась наконецъ полная программа исподоволь подготовляемой перестройки всего нашего общества. Затѣмъ, обсуждавшіеся въ нынѣшнемъ году на съѣздѣ дворянъ Петербургской губерніи проэкты такъ называемой всесословной волости дали намъ первый опытъ примѣненія теоріи къ дѣлу.

Итакъ, наступила самая благопріятная минута для всесторонней оцѣнки какъ самой доктрины, такъ и практическихъ изъ нея выводовъ. Мы попытались это исполнить; высказали

наше мнѣніе съ полною откровенностью, нисколько не скрывая нашего радикальнаго разномыслія, но отдавая должную справедливость намѣреніямъ нашихъ противниковъ, по внимательномъ изученіи ихъ трудовъ, добросовѣстно постаравшись вникнуть въ ихъ образъ мыслей и предупредить всякія недоразумѣнія. Переубѣдить ихъ мы не надѣемся; но, кто знаетъ? быть можетъ возраженія наши наведутъ хоть кого нибудь изъ нихъ на разнаго рода невозможности, очень замѣтныя со стороны, и, какъ это часто случается, ускользающія отъ вниманія исключительно сосредоточеннаго на одной цѣли.

Москва, Іюнь 1875.

Ю. САМАРИНЪ.

Ѳ. ДМИТРІЕВЪ.

Письмо къ Р. Фадѣеву.

Милостивый Государь,

Ростиславъ Андреевичъ!

Я конечно ничѣмъ лучше не докажу Вамъ моего глубокаго уваженія къ Вашему труду и моей признательности за присылку его какъ послѣдовавъ Вашему приглашенію и высказавъ Вамъ съ полною откровенностью мои сомнѣнія, скажу прямо — тотъ страхъ, отъ котораго я не могъ защититься по прочтеніи Вашей книги. Это Васъ конечно не удивитъ: Вы сами не ожидали отъ меня единомыслія. Дѣйствительно, мы расходимся радикально почти во всемъ, въ пониманіи нашего прошедшаго, въ оцѣнкѣ настоящаго и, болѣе всего, въ представленіяхъ о желательной будущности. То, въ чемъ Вы видите наше спасеніе и ничѣмъ незамѣнимое условіе нормальнаго развитія нашей общественности пугаетъ меня какъ программа изподоволь подготовляемой *революціи*, притомъ революціи худшаго свойства, вызванной какимъ то, на мой взглядъ, незаслуженнымъ недовѣріемъ къ обществу и къ учрежденіямъ, которыми оно наиболѣе дорожитъ.

Я позволилъ себѣ краткости ради употребить выраженіе рѣзкое и въ то же время довольно неопредѣленное, а потому требующее немедленнаго объясненія: конечно ни Вы, ни я

несчитаемъ испорченной мостовой, оборванныхъ блузниковъ, растрепанныхъ женщинъ и красныхъ знаменъ существенными принадлежностями всякой революціи и не отождествляемъ ея нетолько съ уличнымъ бунтомъ, но даже съ болѣе широкимъ понятіемъ о беззаконномъ и насильственномъ посягательствѣ на существующій порядокъ вещей. Не переставая быть тѣмъ что она есть въ существѣ своемъ, она можетъ исходить какъ сверху такъ и снизу и, въ первомъ случаѣ, оставаться въ предѣлахъ формальной законности. По моимъ понятіямъ, революція есть не иное что какъ *раціонализмъ въ дѣйствіи*, иначе: формально правильный силлогизмъ обращенный въ стѣнобитное орудіе противъ свободы живаго быта. Первою посылкою служитъ всегда абсолютная догма выведенная апріорнымъ путемъ изъ общихъ началъ, или полученная обратнымъ путемъ — обобщеніемъ историческихъ явленій *извѣстнаго рода*.

Вторая посылка заключаетъ въ себѣ подведеніе подъ эту догму данной дѣйствительности и приговоръ надъ послѣднею, изрекаемый исключительно съ точки зрѣнія первой — дѣйствительность не сходится съ догмою и потому осуждается на смерть.

Заключеніе облекается въ форму повелѣнія, ВЫСОЧАЙШАГО *или* нижайшаго, исходящаго изъ бель-этажныхъ покоевъ или изъ подземелій общества и, въ случаѣ сопротивленія, приводится въ исполненіе посредствомъ винтовокъ и пушекъ или вилъ и топоровъ — это не измѣняетъ сущности операціи предпринимаемой надъ обществомъ.

Откинувъ изъ Вашей книги все вводное (въ томъ числѣ нѣсколько очень вѣрныхъ мыслей, напоминающихъ ученіе отпѣтыхъ Вами Славянофиловъ, много мѣткихъ наблюденій и счастливыхъ словъ) можно бы, нисколько не искажая основной мысли произвольнымъ ея расширеніемъ или стѣсненіемъ, добраться до слѣдующаго силлогизма, составляющаго какъ бы оставъ ея.

Первая посылка: степень живучести и устойчивости всякаго общества зависитъ безусловно отъ толщины и цѣльности верхняго, культурнаго слоя, иначе: отъ силы сознательнаго консерватизма сдерживающаго бродящія подъ нимъ стихійныя силы, всегда готовыя прорваться сквозь всякую разсѣлину и затопить поверхность.

Вторая посылка: у насъ, въ Россіи, культурный, охранительный слой не иное что какъ дворянство — „другаго нѣтъ“. Но преобразованіями послѣдняго тринадцатилѣтія (предоставленіемъ крестьянамъ полнаго самоуправленія, введеніемъ начала всесословности въ земскія и судебныя учрежденія и т. д.) дворянство, какъ сословіе, было расшатано, искрошено и распущено въ массѣ“.

Заключеніе: для спасенія Русскаго общества отъ угрожающей ему анархіи, нужно прежде всего сплотить разбитое дворянство, поставить его во главѣ общества, какъ сословіе *властное*, и надѣлить его новыми правами соотвѣтствующими потребностямъ времени. Дойдя до этого заключенія, Вы вѣроятно на минуту призадумались — предъ Вами открывались два пути. Можно было, для составленія потребнаго капитала дворянскихъ привиллегій, урѣзать кое-что отъ полноты правительственныхъ правъ; но Вы убѣдились, что это было бы несогласно съ національнымъ характеромъ и историческимъ призваніемъ нашего единодержавія, какъ понимаетъ его Россія.

Можно было также сколотить этотъ капиталъ насчетъ другихъ, низшихъ сословій, или по просту обобрать ихъ, на примѣръ: отнявъ у крестьянъ и передавъ дворянамъ выборъ волостныхъ начальниковъ, лишивъ учащуюся молодежь недворянскаго происхожденія права на казенныя стипендіи, устранивъ земскія собранія въ выборѣ мировыхъ судей и т. д.

Этотъ путь былъ глаже и Вы естественно предпочли его. Такимъ образомъ, изъ двухъ посылокъ и заключенія сложилось нѣчто вполнѣ законченное, плѣняющее своею гармоническою стройностью.

Ознакомившись съ цѣлымъ, всмотримся ближе въ части и, слѣдуя тому же логическому порядку, начнемъ съ первой посылки.

На вопросъ прежде всего возникающій въ умѣ читателя: откуда взялся и какъ сложился начертанный Вами образъ общества вообще, стало быть всякаго общества, съ твердымъ, культурнымъ слоемъ на верху, застроеннымъ, засаженнымъ и цвѣтущимъ, и съ растопленною, кипучею лавою внизу? — дастъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ Ваша вторая глава. Вы всматривались въ общества Французское, Англійское, Нѣмецкое, (въ Швецію Вы конечно не заглядывали: тамошній общественный складъ нетолько не далъ бы матеріала для догмы, которую Вы вырабатывали, а напротивъ заставилъ бы усомниться въ ея всеобщности); Вы изучали съ особеннымъ вниманіемъ ихъ прошедшее въ минуты пережитыхъ ими кризисовъ, когда составные элементы общества, здоровые и больные, творческіе и разрушительные, вызывались обстоятельствами на борьбы, исходъ которыхъ, наглядным образомъ, обнаруживалъ ихъ относительную силу, и плодомъ Вашихъ наблюденій явилось представленіе о площади вулканической формаціи, мѣстами цѣльной, мѣстами треснувшей и угрожающей провалом. Итакъ, Вы просто вывезли изъ западноевропейскаго историческаго музея готовую картину, и предъ тѣмъ какъ повѣсить ее въ Петербургѣ, Вы наклеили на нее два ярлыка. Подъ верхнимъ, консервативнымъ слоемъ Вы написали „дворянство“, подъ нижнимъ, стихійнымъ — „простонародіе“ и для окончательнаго вразумленія публики, не упустили прибавить: „если на западѣ прочность государственнаго общественнаго устоя зависитъ вполнѣ отъ крѣпкой связи культурнаго слоя, какъ несомнѣнно доказываетъ новая исторія, то это непремѣнное условіе существуетъ еще въ большей мѣрѣ для насъ.“

Здѣсь, прежде чѣмъ задавать себѣ вопросъ о томъ, похожа ли выставленная Вами картина на нашу дѣйствительность, читатель сколько нибудь внимательный непремѣнно

вспомнитъ только что пройденныя имъ Ваши же прекрасныя страницы, въ которыхъ Вы такъ ясно раскрыли главный источникъ „всѣхъ промаховъ нашего воспитательнаго періода сверху и снизу, вплоть до новѣйшаго нигилизма“. — „Наше образованное общество (говорите Вы) воспиталось на иностранной жизни, то есть на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ, нестолько мысли, какъ названія, съ подведенными подъ нихъ заключеніями, а потомъ, не задумываясь, примѣняло эти названія и заключенія къ своему домашнему быту, къ явленіямъ русской жизни имѣющимъ совсѣмъ иное содержаніе. Эта переноска названій и готовыхъ выводовъ на неподходящіе къ нимъ предметы спутала наши понятія до хаоса“ и т. д.

Нельзя было охарактеризовать вѣрнѣе употребленнаго Вами пріема и произнести надъ Вашею книгою болѣе строгаго приговора.

Особенно замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что обладая какъ не многіе способностью отрѣшаться мысленно отъ опредѣленій и выводовъ заносимыхъ намъ со стороны, Вы пользуетесь ею *иногда* и, на нѣкоторыя явленія нашей дѣйствительности, смотрите совершенно прямо, приберегая *для другихъ* притомъ всегда для однихъ и тѣхъ же, такъ сознательно отвергнутый Вами пріемъ безоглядочнаго примѣненія готовыхъ прозвищъ и результатовъ чужаго опыта. Приведенное выше мѣсто, въ которомъ Вы предостерегаете насъ отъ опасности угрожающей западноевропейскимъ обществамъ снизу, т. е. отъ стихійныхъ силъ, оканчивается словами: „мы не можемъ считать себя исключеніями изъ рода человѣческаго“.

Черезъ нѣсколько страницъ, мы однако узнаемъ „что Россія представляетъ *единственный въ исторіи* примѣръ государства, въ которомъ весь народъ безъ изъятія, всѣ сословія, не признаютъ никакой самостоятельной общественной силы внѣ верховной власти; что съ другой стороны *въ одной*

лишь Россіи осуществилась верховная власть всесословная, несвязанная особыми личными отношеніями ни съ какою гражданскою группою, почему она внушаетъ одинаковое довѣріе людямъ всѣхъ общественныхъ подраздѣленій; что въ этомъ послѣднемъ отношеніи, *мы составляемъ единственное исключеніе;* что *у насъ однихъ* только мнѣніе разъ вызрѣвшее никогда не оставалось безъ удовлетворенія; что такого учрежденія (какъ наша земская всесословная монархія) *не существовало еще нигдѣ кромѣ Россіи; что въ одной Россіи* осуществилась *впервые* истинная народная монархія, народная въ смыслѣ всесословности верховной власти, одинаково безпристрастной и доброжелательной ко всѣмъ разрядамъ подданныхъ, народная по отсутствію какихъ либо насильственныхъ формъ, навязанныхъ извнѣ завоеваніемъ" и т. д. Многократное повтореніе этой мысли въ Вашей книгѣ доказываетъ, что Вы особенно ею дорожите, и конечно не безъ основанія. Практическій изъ выводъ Вами указанъ: будучи сама небывалымъ въ исторіи, единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ, верховная власть сложившаяся у насъ имѣетъ полное основаніе и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ ожидать исключительнаго къ себѣ довѣрія. Къ такой власти не было бы причины относиться подозрительно и примѣнять къ ней общепринятые въ западной Европѣ мѣры предосторожности, на которыя тамошнее общество наведено было своимъ мѣстнымъ, историческимъ опытомъ. Стало быть, въ этомъ отношеніи, мы нетолько можемъ, а непремѣнно должны считать себя исключеніемъ. Далѣе, мы узнаемъ „что такого учрежденія какъ нашъ культурный наслѣдственный слой (то есть наше дворянство) также *не существовало еще нигдѣ кромѣ Россіи.* Европѣ *оно неизвѣстно,* въ своемъ родѣ *единственно,* дѣло *въ исторіи новое*" и т. д. Особенность его заключается въ томъ, что дворянство наше, во первыхъ, никогда не было общественною силою по себѣ, независимою отъ правительства — „а было всегда исключительно его орудіемъ, принадлежащимъ ему въ собственность, въ буквальн-

номъ смыслѣ совокупностью *его* людей“ во-вторыхъ, будучи всегда открыто снизу и обновляясь постояннымъ притокомъ оттуда, оно тѣмъ самымъ застраховывалось отъ всякихъ односторонникъ, исключительно сословныхъ поползновеній. Таковы историческія его права на полное довѣріе сверху и снизу — „противъ подобнаго дворянства (заключаете Вы) трибуны не нужны“. Итакъ, вотъ уже второе исключеніе изъ рода человѣческаго, которымъ насъ благословила судьба. —

Не оказалось ничего исключительно намъ свойственнаго только въ стихійной нашей силѣ, въ русскомъ простонародьѣ. Вы такъ увѣрены въ этомъ, что даже не сочли нужнымъ всмотрѣться въ его физіономію съ тѣмъ вниманіемъ съ какимъ Вы изучали наше единодержавіе и наше дворянство. Въ примѣненіи къ народу, слово „стихія“ употребляется Вами не какъ метафора, а какъ самое точное опредѣленіе. Никто не предполагаетъ разницы между углеродомъ XVI вѣка и углеродомъ XIX.; никто не спрашиваетъ чѣмъ отличается кислородъ Нѣмецкій отъ кислорода Французскаго. Такова же, по Вашему, и народная стихійная сила; она вездѣ одинакова и всегда тождественна себѣ самой. Никакихъ идеаловъ въ ней нѣтъ и быть не можетъ и потому, разсуждая строго послѣдовательно, Вы не допускаете даже возможности такого явленія въ народной жизни, которое имѣло бы свой корень *въ сознаніи* общихъ началъ составляющихъ внутреннее ея содержаніе. Это равносильно отрицанію въ ней того что называется духомъ. Привожу подлинныя Ваши слова: „эти слои представляющіе собою почти допотопный человѣческій бытъ, даже въ случайныхъ проявленіяхъ своей силы, движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками, изъ исторически созрѣвшихъ верхушекъ — все равно: на Парижскихъ ли баррикадахъ, на Французскомъ ли или Нѣмецкомъ всенародномъ голосованіи, или въ рѣшеніяхъ Русскихъ гласныхъ отъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ“ а такъ какъ

стихійная сила во Франціи, Германіи и Англіи уличена въ поползновеніяхъ прорваться черезъ культурные слои и вообще, всегда вела себя дурно, то — практическіе выводы угадать не трудно и мы съ ними встрѣтимся ниже.

Какимъ же однако чудомъ могла Русская стихійная сила, ничѣмъ въ существѣ своемъ не отличающаяся отъ такой же силы Французской и Нѣмецкой, ознаменовать себя въ исторіи рядомъ явленій совершенно новыхъ и въ своемъ родѣ небывалыхъ, каковы указанныя Вами выше? — Положимъ даже (по Вашему) что не она ихъ создала; кто-нибудь, помимо ея, придумалъ и осуществилъ ихъ; но все же она себѣ ихъ усвоила, по крайней мѣрѣ она, и она одна, ужилась съ ними или подчинилась имъ? На этомъ вопросѣ стоило бы пріостановиться, но Вы благополучно пронеслись мимо.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ тремя общественными факторами: верховною властью, дворянствомъ и стихійною силою — вся книга Ваша посвящена изысканію формулы исторически нормальной ихъ комбинаціи. Къ послѣднему изъ этихъ факторовъ Вы, не задумываясь ни минуты, примѣняете готовыя опредѣленія и сужденія и приговоры взятые изъ западноевропейскаго, преимущественно французскаго опыта, и строго воздерживаетесь отъ примѣненія совершенно однородныхъ результатовъ того же опыта къ двумъ первымъ факторамъ, но совершенной ихъ исключительности. Это естественно приводитъ Васъ къ результатамъ не особенно благопріятнымъ для стихійной силы. Отъ нея требуется, чтобъ она, не смущаясь никакими долетающими до нея изъ другой среды общими наговорами на верховную власть и на дворянство, относилась къ *своей* мѣстной верховной власти и къ *своему* мѣстному дворянству съ тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, на которое даетъ имъ право ихъ исключительная, доселѣ невиданная въ исторіи безукоризненность; въ то же время, прислуживаясь къ того же рода наговорамъ на стихійную силу вообще, идущимъ изъ

той же чужой для насъ среды, Вы пишите цѣлую книгу для возбужденія недовѣрія къ *нашей* стихійной силѣ и возводите его на степень политической догмы. Логическая произвольность Вашего пріема разрѣшилась вопіющею несправедливостью.

Но если безъ вулканическаго элемента такъ ужь обойтись нельзя и если Вы сочтете совершенно необходимымъ дать ему мѣсто въ изображеніи нашего общества (хотя, признаюсь Вамъ, я въ немъ его не высматриваю), то я позволилъ бы себѣ обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ, которое, на первый взглядъ, можетъ быть покажется Вамъ нѣсколько страннымъ.

Попробуйте опрокинуть выставленную Вами картину такъ, чтобъ растопленная лава очутилась на верху, а твердый материкъ внизу. Тогда символическое ея значеніе можетъ быть раскрылось бы передъ зрителями безъ всякихъ комментаріевъ. Публика увидала бы на поверхности общества образъ силы движущей, во всѣхъ ея видахъ, отъ разумнаго прогресса до революціоннаго зуда, и узнала бы въ ней дворянство или, пожалуй, культурную среду, а подъ нею — простонародье, въ образѣ силы умѣряющей движеніе, охраняющей равновѣсіе и, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, переходящей въ коснѣніе. Само собою разумѣется, что и въ такомъ видѣ картина эта, какъ всякій символъ, грѣшила бы односторонностью и, въ извѣстномъ смыслѣ, былабы натяжкою. Она не могла бы служить полною характеристикою ни дворянства, ни народа, но это потому, что содержаніе общественной жизни нигдѣ и никогда не исчерпывается комбинаціею двухъ силъ; по крайней мѣрѣ, она дала бы, мнѣ кажется, болѣе вѣрное понятіе о взаимномъ ихъ отношеніи въ нашемъ обществѣ.

Призваніе дворянства и его историческая роль, какъ Вы сами говорите, заключались въ государственной службѣ.

Свойство ея естественно должно было опредѣляться характеромъ правительственной дѣятельности, а дѣятельность эта, со временъ Петра направленная къ достиженію, подъ

разными перекрестными вліяніями, преобразовательныхъ или, какъ Вы ихъ называете, воспитательныхъ цѣлей, никогда, какъ извѣстно, не грѣшила чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ историческимъ преданіямъ и не задумывалась слишкомъ долго передъ сложившимися фактами. Какъ покорное орудіе, безоговорочно приспособлявшееся именно къ такого рода дѣятельности, дворянство „обезличилось“ — я повторяю Ваше слово; оно омылось въ купели западно-европейской культуры отъ всего національнаго закала. Въ этомъ, коли хотите, была всего рода заслуга, которой я нисколько не думаю умалять; но едвали послѣдовательно, выставляя ее ребромъ, въ тоже время выдавать наше дворянство за сословіе по преимуществу *„охранительное* и проникнутое, не только государственными но и общественными преданіями исторической Россіи“.

Никто бы конечно не затруднился отвѣтить на вопросъ: *что создало и что пріобрѣло культурное дворянство для* Россіи; но чтоже оно уберегло? —

Вы признаете въ Русской жизни только два начала „стоящія охраненія“ — Православіе и всесословное державство, сосредоточенное въ одномъ полновластномъ лицѣ.

Обратимся же къ нимъ. Вспомните: устаивало ли когда нибудь наше догматическое и обрядовое преданіе, хотя-бы въ границахъ семейнаго, частнаго быта, при встрѣчѣ его съ Латинствомъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ и мѣстностяхъ, гдѣ къ обереганію чистоты Православія призывалась, силою вещей, не стихійная сила, а дворянская культурность? —

Вспомните еще: не изъ высшихъ ли, наикультурнѣйшихъ сферъ исходили покушенія, которымъ, всегда безъ участія и вѣдома народа, подвергалась именно всесословная цѣльность верховной власти, начиная отъ перваго царя изъ дома Романовыхъ (по свидѣтельству Котошихина), потомъ при Аннѣ Іоанновнѣ, до катастрофы 14 Декабря, и не оттого ли всѣ *попытки ограничить ее въ пользу одного чина одной* группы или одного сословія, были такъ рѣдки, такъ несосто-

ятельны и наконецъ на всегда прекратились, что культурная наша среда, какъ въ XVII. такъ и въ XVIII. вѣкахъ, болѣе или менѣе ясно сознавала, а въ наше время уразумѣла вполнѣ, что стихійная сила никогда бы не допустила осуществленія ея политическихъ идеаловъ? Въ концѣ концевъ, не она-ли, не эта-ли заподозрѣнная сила уберегла для Россіи и то историческое понятіе о земскомъ, (не сословномъ) державствѣ, въ которомъ мы, культурные люди, такъ недавно начали опознавать существенное условіе нормальнаго прогресса безъ внутренняго раздвоенія? — Вспомните наконецъ сколько разъ, подъ вліяніемъ понятій взращенныхъ культурнымъ же слоемъ, въ умахъ самыхъ носителей верховной власти мутилось сознаніе ея національнаго призванія и образъ земскаго царя вытѣснялся наноснымъ идеаломъ Монарха-дворянина — roi et premier gentilhomme? Даже въ книгѣ Вашей не мелькаютъ ли слѣды этого послѣдняго представленія, тамъ гдѣ вы заявляете право дворянъ на какое то особенное къ себѣ довѣріе, какъ къ людямъ по отношенію къ власти *своимъ* какъ будто забывая, что у насъ, для верховной власти, нѣтъ и не должно быть людей *не своихъ?*

Проходя исторію нашего дворянства для отысканія въ ней какого нибудь подвига свойства консервативнаго, я нахожу одинъ — въ прошлое царствованіе, дворянская оппозиція три раза сдерживала преобразовательный починъ покойнаго Императора въ дѣлѣ упраздненія или ограниченія крѣпостнаго права. Ужь не въ этомъ ли усмотрѣли Вы проявленіе того сосредоточеннаго мнѣнія, которое по Вашимъ наблюденіямъ, недавно еще у насъ существовало, а теперь исчезло?

О крѣпостномъ правѣ Вы говорите вообще очень неохотно и слегка, умаляя его значеніе и увѣряя даже, что оно было „*насильно* навязано помѣщикамъ“ чего я, признаюсь Вамъ, даже не понимаю. Во всякомъ случаѣ, дворянство, какъ видно, усвоило его себѣ глубже и оцѣнило его выше многихъ другихъ своихъ правъ, какъ на примѣръ со-

словнаго выбора изъ своей среды начальниковъ уѣздной полиціи и предсѣдателей Судебныхъ палатъ. За первое оно въ свое время все-таки постояло, насколько это было возможно, а утраты послѣдняго оно какъ будто и не замѣтило. Мнѣ кажется, что государственное сословіе проникнутое духомъ политическаго консерватизма (котораго Вы конечно не смѣшиваете съ умѣніемъ оберегать свои карманные интересы) поступило бы обратнымъ порядкомъ.

Отъ общей темы, или отъ первой Вашей посылки, перехожу ко второй, и именно къ діагностикѣ нашей современной общественности. Такъ какъ Вы подводите ее подъ норму заимствованную изъ чужой исторической среды, то не трудно предусмотрѣть, что Вы осудите въ ней нетолько слабость и неполноту практическаго осуществленія началъ положенныхъ въ ея основаніе, но самыя эти начала, самую сущность учрежденій шестидесятыхъ годовъ, въ особенности самостоятельность крестьянскаго общественнаго управленія и всесословный характеръ мироваго суда и земскихъ учрежденій. Радикальная несостоятельность нашего общественнаго устройства представляется Вамъ настолько общепризнанною и безспорною, что Вы не находите нужнымъ тратить словъ на серьезную критику, а отдѣлываетесь указаніями на фельетонныя статьи, двумя или тремя анекдотами и нѣсколькими брошенными свысока насмѣшками — исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только глава VI посвященная разбору военной организаціи.

Я позволю себѣ однако усомниться нетолько въ справедливости, но даже и прежде всего въ своевременности Вашего приговора. Всякое изъ опыта выведенное сужденіе о какомъ бы то ни было учрежденіи предполагаетъ предварительное испытаніе его въ продолженіи достаточнаго срока и при нормальныхъ условіяхъ. Спрашивается: можно ли считать этотъ срокъ истекшимъ для сельскихъ и волостныхъ учрежденій введенныхъ въ дѣйствіе двѣнадцать лѣтъ тому

назадъ, для земскихъ учрежденій постепенно открывавшихся съ 1864 года, для Мироваго Суда созданнаго годомъ позднѣе. и не рано ли теперь ставить вопросъ о томъ быть имъ или не быть? Въ отношеніи къ другимъ учрежденіямъ мы были не въ примѣръ терпѣливѣе и воздержнѣе въ нашихъ требованіяхъ. Безъ малаго сто лѣтъ ожидало Правительство, что дворянскіе выборы дадутъ Россіи сносную полицію и честный судъ — они дали только неисчерпаемую тему нашей обличительной литературѣ отъ Капниста и фонъ-Визина до Гоголя и Щедрина. Вы сами, проэктируя перестройку всей системы волостной, уѣздной и отчасти губернской организаціи предупреждаете читателей, что ожидаемые отъ нея результаты обнаружатся не ранѣе какъ лѣтъ черезъ тридцать, когда народится другое поколѣніе дворянъ, сложившееся при новыхъ условіяхъ въ политическое сословіе. Кажется, простая справедливость требовала бы покрайней мѣрѣ на такой же срокъ воздержаться отъ окончательнаго приговора надъ „мужичьимъ самоуправленіемъ“ какъ Вы выражаетесь. Нельзя-же не знать, что въ настоящее время должности старостъ, старшинъ, судей и гласныхъ отъ крестьянъ занимаютъ люди сорока и пятидесятилѣтніе, сложившіеся умственно и нравственно подъ прессомъ крѣпостнаго права, люди, которыхъ понятія и практика представляютъ достаточныя данныя для окончательнаго сужденія развѣ только о просвѣтительномъ и воспитательномъ вліяніи вотчинныхъ конторъ. Теперь принято указывать на такъ называемое полновластіе „плутоватыхъ писарей“ какъ на какую то язву прирожденную „мужицкому“ самоуправленію и Вы не побрезгали этою истасканною темою; но вольно-же не вѣдать, что въ общественной средѣ безграмотной, личность грамотная, какъ единственная личность владѣющая ключемъ къ писанному закону и способная сноситься съ начальствомъ, естественно и неизбѣжно пріобрѣтаетъ надъ массою, въ дѣлахъ извѣстнаго рода, рѣшительный авторитетъ, который однако также неизбѣжно и естественно будетъ постепенно падать, по мѣрѣ

распространенія въ той-же массѣ умѣнія читать и писать? Совершенно параллельное явленіе встрѣчается иногда до сихъ поръ, на самой вершинѣ культурнаго слоя, въ фактическомъ порабощеніи государственныхъ сановниковъ не привыкшихъ въ молодости къ умственному труду, состоящимъ при нихъ секретарямъ, читающимъ, пишущимъ и думающимъ за нихъ. Между волостнымъ сходомъ, молча ставящимъ кресты подъ приговоромъ, который подсовывается ему „плуватымъ писаремъ“ и тѣмъ высокопоставленнымъ сановникомъ, который, по выслушаніи бумаги, спрашивалъ у своего докладчика: „мы-ли это пишемъ или къ намъ пишутъ?“ — вся разница въ томъ, что мужики чистосердечно называютъ себя людьми темными, до поры до времени нуждающимися въ наемной помощи для узнанія своихъ правъ и своихъ обязанностей, тогда какъ чиновный баринъ считаетъ себя какъ будто кѣмъ то обиженнымъ и ропщетъ на деспотизмъ своего секретаря, не будучи даже въ состояніи понять, что вся сила послѣдняго заключается въ собственной его умственной немощи. Крестьяне, современемъ и притомъ скорѣе чѣмъ мы думаемъ, станутъ на ноги; но очень сомнительно, чтобы чиновный баринъ о которомъ идетъ рѣчь и легіонъ ему подобныхъ когда нибудь вышли изъ подъ опеки. Имъ останется одно утѣшеніе: поблагодарить Васъ за тѣ страницы Вашей книги, въ которыхъ они услышатъ отголосокъ своихъ безплодныхъ жалобъ на всевластіе бюрократовъ.

Вы затронули также вскользь и другую тему, на которую покойная газета „Вѣсть“ въ свое время разъиграла столько варіацій: сами де крестьяне до нельзя тяготятся своимъ общественнымъ управленіемъ, жалуются на своихъ судей и предпочли бы помѣщичью расправу. Если-бъ такъ было дѣйствительно, то аргументъ заслуживалъ бы полнаго вниманія; но вѣдь когда мы принимаемъ на себя роль истолкователей сужденій, предпочтеній и сочувствій народа, котораго никто въ массѣ не опрашивалъ и который самъ не имѣетъ никакихъ

органовъ для заявленія своихъ желаній, мы поневолѣ основываемся на своемъ личномъ опытѣ, всегда очень ограниченномъ, или на частныхъ же наблюденіяхъ другихъ лицъ. Въ подобныхъ дѣлахъ крайняя осторожность была бы умѣстна. Вы сами спрашиваете: „кто возьмется говорить отъ имени всего народа, даже одной губерніи, даже одного уѣзда, а если возьмется, не будетъ ли такая рѣчь явною ложью?“ Дѣйствительно: подвести безошибочно итогъ подъ множество подслушанныхъ, отрывочныхъ сужденій, которыхъ никто не считалъ; отличить подсказанное или вызванное тономъ опроса отъ неподдѣльнаго и свободнаго выраженія мысли опрошеннаго; откинуть слова естественно вырывающіяся подъ вліяніемъ моментальнаго впечатлѣнія и сохранить изрѣченія, въ которыхъ кристаллизуется отстоявшійся, многолѣтній опытъ; уловить вѣрно основныя мотивъ нестройнаго гула и, такъ сказать, переложить на ноты народный говоръ — очень и очень не легко. Не говоря уже о томъ, что для этого требуется со стороны истолкователя народнаго настроенія полное отсутствіе всякой предвзятой темы и необыкновенно вѣрный слухъ, всѣ мы знаемъ, что по многимъ причинамъ и, прежде всего, благодаря давленію крѣпостнаго права, этого (по Вашимъ понятіямъ) „незначительнаго нароста случайно вскочившаго на поверхности Русскаго общества“ или (по моимъ понятіямъ) этой отравы испортившей надолго всѣ его соки — стихійный слой сталъ къ культурному слою въ отношенія до крайности затрудняющія откровенныя между ними объясненія. Отвѣчая на вопросъ предлагаемый ему человѣкомъ изъ другой среды, крестьянинъ прежде всего старается угадать ту затаенную цѣль (она всегда предполагается) съ которою его опрашиваютъ, и уяснить себѣ заранѣе какія послѣдствія можетъ имѣть для него тотъ или другой отвѣтъ. Въ результатѣ перебора разныхъ догадокъ, оказывается обыкновенно, что во всякомъ случаѣ безопаснѣе пожаловаться на свое положеніе чѣмъ признать себя довольнымъ, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ лучше при-

кинуться бѣднякомъ тѣмъ обнаружить свою состоятельность. Это тѣмъ удобнѣе, что въ причинахъ быть недовольнымъ дѣйствительно нѣтъ недостатка. Крестьянину не даетъ покоя податной гнетъ лежащій на его плечахъ; онъ ощущаетъ его въ каждую минуту своего бытія — это главный поводъ къ [illegible] Не отражая ихъ, онъ почти никогда строго не различаетъ причинъ и не уяснятъ самъ себѣ отъ чего и отъ [illegible]происходитъ и изъ чего слагается ощущаемая имъ тягота. Наконецъ, эти сѣтованія крестьянъ на теперешнее ихъ положеніе вообще имѣли бы прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу только въ томъ случаѣ, еслибъ они вытекали изъ сравненія существующаго порядка вещей съ прежнимъ и заключали въ себѣ хоть какой нибудь признакъ предпочтенія послѣдняго или чего нибудь на него похожаго. Я позволяю себѣ думать противное и еслибъ это было возможно, предложилъ бы выбрать для опыта любое селеніе наименѣе знакомое съ произволомъ помѣщичьей власти и наиболѣе натерпѣвшееся отъ неурядицъ общественнаго самоуправленія. Пусть бы въ такомъ селеніи дали предварительно мірскому сходу полную свободу вдоволь нажаловаться на выборныхъ старостъ, старшинъ и судей, и затѣмъ предложили бы ему на выборъ: остаться при теперешнемъ порядкѣ или подчиниться расправѣ помѣщика, хотя бы и переименованной въ попечительство, при томъ не помѣщика излюбленнаго самимъ обществомъ, а *мѣстнаго* помѣщика, кто бы онъ ни былъ, или помѣщика избраннаго въ попечители дворянствомъ, и я думаю, что за исключеніемъ можетъ быть какого нибудь прикащика, старосты или нарядчика былаго времени, въ отвѣтъ на такой вопросъ раздался бы дружный хохотъ. Это конечно мое личное убѣжденіе, выводъ изъ частныхъ моихъ наблюденій, котораго я никому не навязываю и о которомъ даже не сталъ бы упоминать по поводу Вашей книги, если-бы въ ней же я не находилъ ему косвеннаго подтвержденія, въ моихъ глазахъ далеко не лишеннаго важности. Вы выдаете

за несомнѣнный фактъ, „что мужичье управленіе становится для самаго народа нестерпимымъ, что крестьяне въ своего брата, то есть въ выборныхъ изъ своей среды, не вѣрятъ, и полагаются больше на правду *господъ*, считая господиномъ не какаго либо забредшаго на ихъ сторону студента или либеральнаго чиновника, а своего мѣстнаго, коренаго помѣщика". Это повторяется болѣе шести разъ. Стало быть, думаетъ читатель, Ваша программа (установленіе вотчиннаго попечительства и передача всего земскаго управленія въ руки дворянства) совпала бы черта въ черту съ стремленіями и желаніями народа. Между тѣмъ, нѣсколькими страницами далѣе, Вы оканчиваете проектъ перекройки нашего земства словами: „съ сохраненіемъ земскихъ собраній хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ составѣ, переходъ къ новому виду самоуправленія совершился бы легко *и былъ бы мало замѣтенъ для народа, что также важно*" и наконецъ, общему перечню всѣхъ предлагаемыхъ Вами мѣръ, Вы предпосылаете такую же рекомендацію: „переводъ изъ нынѣшней Русской безформенности въ благонадежный общественный организмъ можетъ быть осуществленъ нѣсколькими *мало замѣтными для нашего народа и Европы дополненіями къ дѣйствующимъ постановленіямъ*". Я не спрашиваю въ какой мѣрѣ это дѣйствительно возможно; не спрашиваю также сообразно ли съ достоинствомъ правительства, путемъ незамѣтныхъ дополненій и поясненій, выскабливать изъ свода законовъ торжественно оглашенныя права — прошлое царствованіе такаго пріема не знало: сколько мнѣ извѣстно, онъ испытанъ былъ въ первый разъ при безгласной отмѣнѣ въ Лифляндіи предбрачныхъ обязательствъ и этотъ первый опытъ едва ли могъ поощрить къ дальнѣйшимъ; но, повторяю, вопросъ покуда не въ этомъ.

Двукратно выраженный Вами совѣтъ, которому, какъ видно, приписывается особенная важность, останавливаетъ на себѣ вниманіе еще по другой причинѣ. — Доживъ до одной изъ тѣхъ счастливыхъ и рѣдкихъ минутъ когда верховной

власти давались бы въ руки возможность поднять высоко одно сословіе, нетолько не оскорбляя другихъ и не требуя отъ нихъ никакихъ жертвъ, а напротивъ исполняя тѣмъ самымъ завѣтныя желанія всего народа, съ чего бы стало правительство притаться отъ взоровъ Россіи и Европы, стыдливо прикрывать свои намѣренія и какъ будто уклоняться отъ всеобщей признательности? Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно палятъ изъ пушекъ и бьютъ во всѣ колокола. На оборотъ. если дѣйствительно считается нужнымъ и особенно важнымъ осуществить замышляемое преобразованіе безъ огласки и не замѣтно, то не высказывается ли тѣмъ самымъ невольное признаніе неправды приписываемыхъ народу желаній и рѣшительнаго противорѣчія между задуманными мѣрами и его дѣйствительными стремленіями?

Ваше осужденіе мужицкаго самоуправленія содержитъ въ себѣ еще одинъ намекъ, котораго я не могу пропустить. Вы говорите: „одновременно съ освобожденіемъ крѣпостныхъ руками ихъ же помѣщиковъ, *были приняты мѣры для огражденія освобожденнаго народа отъ прямаго вліянія помѣщиковъ*“ вслѣдствіе чего и руководство безграмотнаго народа во всѣхъ отношеніяхъ, съ отстраненіемъ *оффиціальнаго культурнаго класса*, стало переходить въ руки одной бюрократіи“ и въ другомъ мѣстѣ: „хотя самый трудный шагъ въ этомъ дѣлѣ (??) личное освобожденіе — былъ совершенъ самимъ дворянствомъ, мѣстными помѣщиками, но тѣмъ не менѣе понятно, что въ тѣ годы считалось болѣе удобнымъ *разъединять сословія*, чтобъ окончательно упрочить самостоятельный бытъ освобожденныхъ. Эта мѣра: *разъединеніе сословій и между собою и самихъ въ себѣ (?)*, установилась на долго и обратилась въ руководящее начало“ и т. д.

Стало быть: разъединеніе сословій, соціальный антагонизмъ и т. д. все это было даже не непредусмотрѣннымъ послѣдствіемъ невольнаго, законодательнаго промаха, а *цѣлью*, сознательно поставленною тѣми полунигилистами, (какъ Вы

ихъ называете) въ руки которыхъ попала подготовка крестьянскаго положенія. Здѣсь критика дѣла переходитъ уже въ критику намѣренія. Признаюсь, въ первую минуту, этотъ полемическій пріемъ меня нѣсколько удивилъ. Не потому чтобъ онъ былъ новъ, а потому напротивъ, что онъ истасканъ и даже нѣсколько опозорѣнъ, я не думалъ, что встрѣчусь съ нимъ въ Вашей книгѣ; казалось, что легко бы было и обойтись безъ него при обиліи припасеннаго Вами иного рода оружія и при Вашемъ умѣніи владѣть имъ, но, какъ видно, авторская свобода въ выборѣ средствъ не безусловна и, въ извѣстной мѣрѣ, ограничивается самимъ существомъ защищаемаго дѣла. Какъ бы то ни было, свойство обвиненія пущеннаго Вами въ людей теперь уже частью умершихъ, частью стоящихъ въ сторонѣ отъ всякой оффиціальной дѣятельности, требовало бы кажется предъявленія какихъ нибудь доказательствъ, уликъ или, по крайней мѣрѣ, справокъ. Вы разсудили иначе, разчитывая вѣроятно, что большинство читателей повѣритъ на слово. Дѣйствительно, въ наше время, все какъ то неимовѣрно быстро изглаживается изъ людской памяти. То что происходило на виду у всѣхъ, о чемъ спорила, что̀ читала и комментировала вся грамотная Россія 15 лѣтъ тому назадъ, теперь уже на столько позабыто, что нѣтъ такой небылицы, такой напраслины и такаго поклепа на опальные года и опальныхъ людей, которыхъ бы нельзя было пустить въ оборотъ съ надеждою, что они по крайней мѣрѣ благополучно сойдутъ съ рукъ, не вызвавъ ни негодованія ни протестовъ.

Позвольте мнѣ однако сдѣлать Вамъ одно предложеніе: не угодно ли Вамъ будетъ, во второмъ, вѣроятномъ и очень желательномъ изданіи Вашей книги, или теперь же, не выжидая втораго изданія, указать тѣ мѣста въ докладахъ бывшей редакціонной коммиссіи, или въ проэктѣ ея, или въ объяснительной къ нему запискѣ, или въ разборѣ возраженій губернскихъ депутатовъ, или тѣ статьи ВЫСОЧАЙШЕ утвер-

жденнаго положенія 19-го Февраля 1861 года, или тѣ пояснительные къ нему циркуляры вышедшіе до перемѣны фронта въ общемъ направленіи крестьянскаго дѣла, въ которыхъ, хотя бы косвенно, обнаружилось *намѣреніе* оградить освобожденный народъ отъ прямаго вліянія помѣщиковъ и разъединить оба сословія. Съ своей стороны, я охотно принимаю на себя обязательство отвѣтить на Ваши указанія печатно и доказать, что нѣтъ нетолько причины, но даже благовиднаго предлога приписывать такое намѣреніе или желаніе кому либо изъ дѣятелей конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, сотрудничествомъ которыхъ въ то время пользовалось правительство.

Теперь же, въ виду всеобщей забывчивости, я ограничусь короткою справкою, съ единственною цѣлью напомнить въ немногихъ словахъ исторію общественнаго мнѣнія по занимающему насъ вопросу. Всѣ слѣдившіе за нею сколько нибудь внимательно могли замѣтить въ ней два періода, отличавшіеся одинъ отъ другаго, болѣе или менѣе рѣзко, смотря по мѣстностямъ. Первый, начавшійся съ обнародованія ВЫСОЧАЙШИХЪ рескриптовъ и съ открытія губернскихъ комитетовъ, продолжался до тѣхъ поръ пока большинство помѣщиковъ, гдѣ раньше а гдѣ позднѣе, окончательно убѣдилось въ безповоротности сдѣланнаго правительствомъ и ими самими шага, то есть въ совершенной невозможности, какъ въ былыя времена, затормазить дѣло не доведя его до конца.

Программа большинства въ этомъ періодѣ могла бы быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: пожертвовавъ съ перваго слова правомъ на личность (о которомъ не было почти и споровъ, такъ какъ это была *самая легкая* сторона вопроса), продлить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; отвести надѣлъ возможно скудный и на возможно ограниченный срокъ; разстянуть елико возможно срокъ обязательной барщины, по крайней мѣрѣ воспомогательной (сгонные дни); наконецъ: сохранить въ возможно широкихъ

предѣлахъ помѣщичью расправу и вотчинную юридикцію надъ крестьянами. Послѣднее требованіе обусловливалось первыми; оно имѣло значеніе и цѣну не само по себѣ, не въ смыслѣ политическаго права, а какъ средство, какъ гарантія помѣщичьихъ, имущественныхъ интересовъ при обязательныхъ отношеніяхъ и особенно при издѣльной повинности; оттого имъ дорожили гораздо менѣе въ мѣстностяхъ издревле оброчныхъ. Въ этомъ духѣ составлена была большая часть проэктовъ представленныхъ большинствами губернскихъ комитетовъ (извѣстно, что каждой группѣ разрѣшилось представить свой проэктъ и что обыкновенно ихъ поступало изъ губерніи два а иногда и болѣе). Но какъ только для всѣхъ стало ясно, что дѣло на сей разъ не окончится на словахъ, а непремѣнно перейдетъ въ жизнь, дворянская программа измѣнилась. Не было конечно формальныхъ отреченій отъ прежнихъ условій; но они отошли далеко на задній планъ, отчасти даже были брошены, сознательно и вмѣсто нихъ сказалось новое, громкое требованіе, обращенное къ правительству: дайте намъ скорѣе возможность развязаться съ крестьянами на чистоту.

Быстрота съ которою произошла эта перемѣна фронта въ рядахъ помѣщиковъ составляетъ самую характерную черту крестьянской реформы у насъ въ Россіи, въ отличіе отъ параллельныхъ реформъ въ разныхъ частяхъ Германіи и на нашей Балтійской окраинѣ. Объясненіе этой особенности лежитъ глубоко въ народномъ Русскомъ темпераментѣ, отчасти въ прирожденной намъ смѣлости духа и сравнительно большей готовности на жертвы всякаго рода для достиженія высокихъ цѣлей, отчасти же (этого также отрицать нельзя) въ нерасположеніи нашемъ къ законному сутяжничеству и къ той кропотливой, настойчивой и ежечасной борьбѣ съ препятствіями, въ которой наши Остзейскіе сограждане не имѣютъ себѣ равныхъ. Какъ бы то ни было, поворотъ былъ такъ неожиданъ и крутъ, что правительство стало въ тупикъ.

Не задолго передъ тѣмъ оно приходило въ раздраженіе при малейшемъ намекѣ на возможность выкупа, а тутъ ему пришлось почти со дня на день отложить свое предубѣжденіе и уступить давленію общественнаго мнѣнія. Можно сказать, что положеніе о выкупѣ было исторгнуто у него дворянствомъ. Подъ развязкою на чистоту разумѣлось, прежде всего, прекращеніе повинностей; но такъ какъ и прежде помѣщики держались за вотчинную полицію главнѣйшимъ образомъ какъ за средство обеспечить свои законные доходы, то, съ открытіемъ выхода изъ обязательныхъ отношеній въ области хозяйственныхъ интересовъ, естественно должно было измѣниться и прежнее воззрѣніе на вопросъ о сельской администраціи. Въ книгѣ Вашей разъ десять повторяется, что дворянство *„пользовалось довѣріемъ народа, вело его за собою"* и что это водительство было у него отнято заговоромъ бюрократовъ, стакнувшихся съ славянофилами и съ нигилистами. Позвольте Вамъ сказать, что Вы ошибаетесь. Въ то время когда разрѣшался крестьянскій вопросъ, всѣ стояли къ правдѣ лицемъ къ лицу и тѣшить себя подобнаго рода фикціями положительно было некогда; всѣмъ, какъ сторонникамъ такъ и противникамъ реформы, было хорошо извѣстно, что ожиданія крестьянъ шли очень далеко; что новое положеніе ни въ какомъ случаѣ не могло удовлетворить ихъ; что въ минуту его обнародованія наступитъ критическій моментъ; что если народъ увидитъ въ новомъ законѣ произведеніе „своей же собственной организованной нравственной и умственной силы" какъ Вы называете дворянство, то разочарованіе его должно было принять опасную форму и что, на оборотъ, можно было надѣяться на мирный исходъ дѣла въ томъ лишь случаѣ, если этотъ законъ будетъ принятъ массою какъ непосредственное выраженіе личной мысли и воли Царя, помимо всякихъ дворянскихъ внушеній. Повторяю; никому не могло придти на умъ увѣрять себя и другихъ будтобы дворянство, не только въ то время, но и прежде, когда нибудь, располагало

довѣріемъ народа и вело его за собою — минута была слишкомъ серьезна. Послѣ долгихъ совѣщаній и по зрѣломъ обсужденіи, выработался слѣдующій планъ: поставить крестьянъ передъ лицемъ правительства и людей отъ него назначенныхъ, дѣйствующихъ его именемъ, по уполномочію отъ него, хотя и взятыхъ изъ мѣстной дворянской среды*); разграничить сельское и волостное общественное управленіе съ вотчиннымъ и тѣмъ предупредить всякія между ними столкновенія въ области администраціи и суда; въ то же время, въ области хозяйственныхъ интересовъ, открыть широкій просторъ всякаго рода соглашеніямъ, возможнымъ лишь при обоюдной независимости договаривающихся сторонъ, а внѣ круга этихъ интересовъ, нетолько *не ограждать* крестьянъ отъ вліянія помѣщиковъ, а напротивъ вызвать, облегчить и узаконить его, предоставивъ послѣднимъ право третейскаго суда, право ходатайства и заступничества за крестьянъ, право попечительства и т. д.

Я утверждаю, вопервыхъ, что эти главныя основанія были выдержаны въ положеніи въ той мѣрѣ въ какой это было возможно; во вторыхъ, что они вызвали со стороны *настоящихъ* помѣщиковъ, то есть людей лично управлявшихъ своими имѣніями и по опыту знакомыхъ съ практикою сельскаго быта, гораздо менѣе возраженій чѣмъ всѣ остальныя части положенія; въ третьихъ, что систематически враждебно отнеслась къ нимъ только небольшая группа Петербургскихъ квази-консерваторовъ, въ государственномъ совѣтѣ и внѣ его,

---

*) Въ первоначальномъ проэктѣ редакціонныхъ коммиссій предполагалось, придерживаясь того понятія, которое выражается въ самомъ названіи *Посредника*, предоставить выборъ мировыхъ посредниковъ крестьянамъ, но непремѣнно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ то время трудно было предосмотрѣть, что крестьяне на первыхъ порахъ, отнесутся къ положенію вообще недовѣрчиво и пассивно и что, отказавшись отъ участія въ выборахъ, они тѣмъ самимъ могли бы затормозить исполнительную операцію. Это была важная ошибка, въ пору исправленная государственнымъ совѣтомъ. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ заявить это, что я лично, едва ли не настойчивѣе прочихъ членовъ коммиссіи, защищалъ (противъ мнѣнія покойнаго Н. А. Милютина) первоначальное предположеніе.

группа, въ ту страдную пору осторожно державшаяся въ сторонѣ, не принимавшая на свою отвѣтственность никакихъ точно формулированныхъ и практически осуществимыхъ предположеній, и всплывшая на поверхность для спасенія Россіи гораздо позднѣе, когда всѣ трудности исполненія были благополучно побѣждены безъ ея участія. Ту же самую роль разиграла она и передъ лицемъ Польскаго мятежа.

Въ ожиданіи доказательствъ противнаго, перехожу къ земскимъ учрежденіямъ. Вы къ нимъ относитесь еще безпощаднѣе чѣмъ къ „мужицкому управленію“. Съ голоса какого то большинства какихъ то опытныхъ и знающихъ людей, Вы признаете ихъ безъ дальнихъ справокъ мертворожденными. Съ самаго начала дѣло не пошло. Всѣмъ и все стало даже хуже и дороже прежняго: дороги, мосты, больницы и т. д. Эта позорная для нашего общества неудача объясняется конечно всесословнымъ характеромъ земскихъ учрежденій, то есть въ сущности, допущеніемъ въ ихъ составъ гласныхъ отъ крестьянъ или *„изъ батраковъ“* какъ Вы для большаго эффекта ихъ называете, хотя вамъ не безизвѣстно, что батраки въ гласные не выбираютъ и не выбираются. Чужимъ опытомъ дознано, что на Парижскихъ баррикадахъ и на нѣмецкихъ избирательныхъ митингахъ стихійная сила служила чужой мысли и творила чужую волю; стало быть, разсуждаете Вы, и наши гласные отъ крестьянъ дѣляютъ тоже на земскихъ собраніяхъ, то есть „голосуютъ безсознательно. Попавъ въ такую компанію, дворянство обидѣлось и устранилось отъ дѣла.

Вся бѣда произошла оттого, что правительство не устояло противъ общественнаго повѣтрія господствовавшаго у насъ послѣ крымской войны „и подчинилось сборному голосу всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, требовавшему въ то время всесословности“ этой, — какъ Вы ее называете: „вопіющей, сочиненной и опасной лжи противъ Русской дѣйствительности“.

Здѣсь я долженъ начать съ исторической справки. Мнѣ кажется, что выведенная Вами генеологія всесословности, отъ общественнаго настроенія пяти- и шестидесятыхъ годовъ и отъ нигилизма въ особенности, не совсѣмъ вѣрна. Еще въ Московскомъ періодѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, у насъ выработалась, и ужь конечно не по какому либо готовому образцу, не путемъ подражанія, а отъ собственнаго корня, самородная форма государственнаго представительства всей Русской земли, такъ называемыя земскія Думы или земскіе соборы, иногда созывавшіеся царями на совѣтъ, а иногда, въ эпохи междуцарствій, собиравшіеся для возстановленія верховной власти. Вы сами на нихъ указываете, но Вы прибавляете „что верховная власть относилась къ народу въ лицѣ его выработанныхъ слоевъ“ изъ чего можно заключить, что простой народъ участвовалъ на соборахъ какъ бы подразумѣвательно, а не самолично. Я не знаю на чемъ основано это мнѣніе. Сколько мнѣ извѣстно, въ составъ земскаго собора входили цѣликомъ, какъ готовыя учрежденія, соборъ церковный и боярская Дума, а около нихъ собирались выборные отъ всѣхъ чиновъ и состояній безъ исключенія, въ томъ числѣ и отъ самыхъ, по Вашей терминологіи, невыработанныхъ слоевъ, т. е. отъ черныхъ людей. Это былъ чистѣйшій типъ собранія всесословнаго въ полномъ смыслѣ слова. Прибавлю, что по духу нашей исторіи, никакое иное, ни одно — ни многосословное собраніе не могло бы прослыть за представительство всей земли. Вглядываясь безъ предвзятой мысли въ это знаменательное явленіе, не трудно высмотрѣть тѣсную, органическую связь его съ историческимъ характеромъ Русской верховной власти, которая (повторяю Ваши слова): „сама выросла на всесословной почвѣ и не видала противниковъ, а потому и не нуждалась никогда въ союзникахъ внутри государства“. Такая въ своемъ родѣ дѣйствительно единственная въ мірѣ власть, призывая всю землю на совѣтъ, не могла никого обходить; она измѣнила

бы своей собственной природѣ и отреклась бы отъ своего историческаго призванія, еслибъ она признала за однимъ сословіемъ право загородить собою простонародіе, подавать за него голосъ и, такъ сказать, перервать его непосредственное, прямое тяготѣніе къ Самодержцу. „Всякій народъ (говорите Вы) отражается въ своей верховной власти". — Принимая безусловно этотъ вѣрный и удачно выраженный афоризмъ, я прибавляю: и на оборотъ — власть отражается въ народѣ, вслѣдствіе чего верховная власть *всесословная* естественно могла признать за представительство народа только собраніе *всесословное.* Такъ было на Руси до тѣхъ поръ пока наши предки жили своимъ умомъ и руководились собственнымъ опытомъ. Позднѣе, въ концѣ XVIII вѣка, когда правительство въ первый разъ приступило серьезно къ приведенію въ порядокъ внутренняго хаоса произведеннаго Петровскою революціею, начало всесословности выступило опять довольно ярко. — Всѣ сословія должны судиться, если не исключительно равными, то при участіи выборныхъ изъ своей среды, а въ дѣлахъ общаго, мѣстнаго интереса, предоставленныхъ вѣдѣнію общества, всѣ чины и состоянія должны имѣть голосъ — эти двѣ мысли легли въ основаніе Екатерининскихъ учрежденій. Первая побудила ввести засѣдателей отъ однодворцевъ, черносошцевъ и государственныхъ крестьянъ въ нижній земскій и въ совѣстный суды, рядомъ съ исправникомъ и съ засѣдателями отъ дворянства, и засѣдателей отъ купечества и мѣщанства въ губернскій магистратъ, словесный судъ, управу благочинія и т. д. Вторая нашла полное и стройное осуществленіе въ Городовомъ положеніи, въ общей и шестигласной думахъ, отъ всѣхъ шести городскихъ сословій, съ выборнымъ головою.

Вы утверждаете, что выборное начало введенное Екатериною II. было „лишь либеральною формальностью и не пошло въ прокъ; выборные отъ мѣщанъ топили печи въ присутствіи, а выборные отъ крестьянъ мели дворъ". Дѣй-

ствительно, при господствовавшей у насъ до послѣдняго времени системѣ формальнаго суда и исключительно письменнаго дѣлопроизводства во всѣхъ коронныхъ мѣстахъ, въ нихъ не могло быть для людей большею частью безграмотныхъ настоящаго дѣла; но вѣдь Императрица Екатерина II. строила свои учрежденія не на одинъ день; она имѣла привычку заглядывать довольно далеко впередъ и на своихъ засѣдателей отъ крестьянъ и мѣщанъ смотрѣла вѣроятно такими же глазами какими Вы смотрите теперь на отношенія культурнаго слоя къ народу и на окончательное ихъ сочетаніе, то есть: „не въ настоящемъ, не черезъ туманъ переходнаго состоянія, *а въ ожиданіи*“ лучшаго въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, важенъ самъ по себѣ поставленный ею принципъ всесословности въ общественномъ предѣавительствѣ, важенъ особенно потому, что въ этомъ отношеніи. западная Европа (за исключеніемъ Швеціи, съ которою мы въ то время перестали уже справляться) кажется не давала готовыхъ образцевъ. Прибавлю, что изданное въ прошлое царствованіе городовое положеніе для Петербурга было не нововведеніемъ, а простымъ обновленіемъ Екатерининскаго, отчасти выродившагося учрежденія, и возстановленіемъ именно всесословнаго его характера, который въ теченіи времени на практикѣ сгладился. Изъ этого слѣдуетъ, вопервыхъ, что всесословность ведетъ свое начало не отъ нигилизма и „призрачныхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ“, а родилась гораздо раньше и отъ другаго корня, ибо, сколько извѣстно, ни Императрицы Екатерины II., ни Императора Николая I. никто до сихъ поръ не заподозривалъ въ нигилизмѣ; слѣдуетъ во вторыхъ, что въ шестидесятыхъ годахъ не было повода „*сочинять*“ а оставалось только признать всесословность, какъ одну изъ немногихъ, твердо и издавна установившихся у насъ законодательныхъ традицій. Типъ для земскихъ учрежденій, по отношенію къ ихъ составу изъ собранія гласныхъ отъ всѣхъ сословій заинтересованныхъ въ земскомъ дѣлѣ, и изъ распоря-

дительной инстанціи избираемой этимъ собраніемъ, данъ былъ Николаевскимъ учрежденіемъ городской общей и распорядительной Думы 1846 года; при проэктированіи и обсужденіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, вопросъ о допущеніи или недопущеніи въ нихъ выборныхъ изъ крестьянъ, кажется даже и не возникалъ. Онъ считался въ существѣ давно разрѣшеннымъ, а если бы кто нибудь въ то время вздумалъ возбудить его, то вотъ въ какомъ видѣ пришлось бы его формулировать: не слѣдуетъ ли теперь, то есть послѣ и по поводу упраздненія крѣпостнаго права со всѣми его послѣдствіями, лишить крестьянъ того самостоятельнаго голоса въ дѣлахъ общаго интереса, который, въ принципѣ, былъ за ними признанъ еще въ то время когда крѣпостное право давало тонъ всему управленію и когда даже крестьяне казеннаго вѣдомства считались крѣпостными правительства? Вся вина дѣятелей шестидесятыхъ годовъ сводится окончательно къ тому, что на этотъ вопросъ, еслибъ онъ былъ въ то время поставленъ, они, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣтили бы отрицательно. Смѣю думать, что въ этой винѣ своей ни одинъ изъ нихъ не покаялся бы и въ настоящее время, не смотря на измѣнившееся настроеніе въ высшихъ кругахъ.

Посмотримъ теперь на практику. Перебирая тѣ мѣста Вашей книги, въ которыхъ Вы такъ рѣшительно утверждаете, что темная толпа (то есть гласные отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ) „подаетъ голосъ безсознательно, по произволу своего инстинкта, а не по разуму, который въ ней не зрѣетъ, рѣшаетъ дѣла на три четверти ей недоступныя и увлекается случайными теченіями, перебрасывающими ее со дня на день въ противоположныя стороны“ и т. д. я невольно припоминалъ одинъ случай изъ собственной моей земской практики, который позволю себѣ передать Вамъ для дальнѣйшихъ соображеній. На одномъ изъ первыхъ земскихъ собраній Самарскаго уѣзда (второмъ или третьемъ) подлежали разрѣшенію, между прочимъ, два вопроса первостепенной важ-

ности: объ основаніяхъ поземельнаго обложенія и о переложеніи земскихъ натуральныхъ повинностей на деньги. Явились къ назначенному сроку и посѣщали собраніе: дворянъ-помѣщиковъ, со включеніемъ предсѣдателя, 5 вмѣсто 29, чиновниковъ отъ вѣдомствъ Удѣльнаго и Государственныхъ имуществъ 2, купцовъ отъ города 3, вмѣсто 9, священникъ 1, колонистъ 1, крестьянъ 18, вмѣсто 21. По принятой Вами терминологіи, представители стихійной силы къ представителямъ культурности, (причисляя къ послѣдней и колониста и горожанъ) относились какъ 1 : $^2/_3$. Управа состояла изъ двухъ помѣщиковъ, одного чиновника и одного крестьянина, бывшаго удѣльнаго волостнаго писаря, первенствовавшаго въ Управѣ по своимъ способностямъ и по своей дѣятельности. Изъ этого собранія, по большинству избирательныхъ голосовъ, вышла приготовительная коммиссія, въ которую вошли 2 помѣщика, 2 чиновника и 6 крестьянъ. Для яснаго уразумѣнія комбинаціи тамошнихъ мѣстныхъ интересовъ, остается прибавить, что въ большей части Самарскаго уѣзда, бывшіе крѣпостные крестьяне владѣютъ одною, полученною ими въ даръ усадебною осѣдлостью, такъ называемымъ сиротскимъ надѣломъ, слѣдовательно, сравнительно съ другими мѣстностями, менѣе заинтересованы въ правильности и умѣренности обложенія земли. Упомянутая коммиссія, конечно не безъ труда и не безъ продолжительныхъ преній, выработала основанія обложенія недвижимыхъ имуществъ вообще: земли, съ раздѣленіемъ всего уѣзда на полосы, мельницъ и другихъ оброчныхъ статей; собраніе приняло ея проэктъ и, хотя съ тѣхъ поръ, на послѣдующихъ съѣздахъ, относительное число наличныхъ членовъ по сословіямъ измѣнялось и большинство иногда переходило на сторону помѣщиковъ, принятыя въ то время основанія не возбуждали протестовъ и оставались въ существѣ нетронутыми. На сей разъ „разрушительная и вѣтренная стихійность“, какъ видно, отнеслась къ дѣлу серьезнѣе чѣмъ „консервативная и солидная куль-

турность“ и въ то же время первая не употребила во зло рѣшительнаго перевѣса, который она получила благодаря безпечности послѣдней. Тому же съѣзду предстояло разрѣшить слѣдующее, довольно оригинальное предложеніе сдѣланное въ предъидущемъ собраніи: независимо отъ установленія общаго всесословнаго сбора, въ замѣнъ натуральныхъ земскихъ повинностей со дня ихъ переложенія на деньги, вознаградить податныя сословія за все истекшее время, въ продолженіи котораго они одни отбывали ихъ за весь уѣздъ. Авторомъ этого предложенія былъ дворянинъ-помѣщикъ и, признаюсь, я ожидалъ результатовъ голосованія не безъ нѣкотораго безпокойства. Но дѣло не дошло даже до преній; предложеніе было отвергнуто единогласно и ни одинъ крестьянинъ въ пользу его не вымолвилъ слова. Давши этотъ урокъ культурности, стихійная сила разѣхалась по домамъ. — На Парижскихъ баррикадахъ дѣла, кажется, обходятся несовсѣмъ такъ.

Я привелъ этотъ частный случай только потому, что онъ не имѣетъ въ себѣ ничего исключительнаго и совершенно подходитъ подъ общій выводъ изъ всѣхъ моихъ наблюденій надъ участіемъ гласныхъ отъ крестьянъ въ ходѣ земскаго дѣла. При самомъ открытіи земскихъ учрежденій, крестьяне вошли въ ихъ составъ съ точно опредѣленною и, сколько мнѣ извѣстно, почти повсемѣстно одинаковою программою, заключавшею въ себѣ два требованія: установить общій денежный сборъ, для замѣны наймомъ натуральныхъ земскихъ повинностей, или для выдачи вознагражденія за ихъ отбываніе, и привлечь всѣ земли, кому бы онѣ ни принадлежали, къ равномѣрному обложенію. На первыхъ съѣздахъ, пока обсуждались эти вопросы имѣвшіе для нихъ первостепенную важность, гласные отъ крестьянъ являлись въ значительномъ числѣ, иногда даже въ полномъ комплектѣ. Оба требованія, какъ извѣстно, не встрѣтили нигдѣ принципіальнаго сопротивленія со стороны привиллегированныхъ сословій и были повсемѣстно удовлетворены въ мѣру возможности и крайняго

разумѣнія. Съ тѣхъ поръ, крестьяне какъ будто успокоились и стали показываться на земскихъ съѣздахъ, особенно Губернскихъ, сравнительно съ первыми годами, въ меньшемъ числѣ. Въ настоящее время, ихъ занимаютъ болѣе всего вопросы о размноженіи сельскихъ школъ, на которыя они вообще не скупятся, о способѣ оцѣнки строеній для взаимнаго страхованія и о направленіи дорогъ. Немногіе гласные отъ крестьянъ, постоянно пріѣзжающіе на губернскіе съѣзды, посѣщаютъ собранія вообще исправно, рѣдко пропуская засѣданія, говорятъ мало, никогда не напрашиваются на занятія имъ непосильныя, но слушаютъ внимательно и очень вѣрно отличаютъ дѣло отъ либеральной болтовни и консервативнаго пустословія. Къ тому и другому они относятся одинаково равнодушно.

Такого случая, въ которомъ бы ихъ участіе оказалось вреднымъ и помѣшало осуществленію полезнаго дѣла, я положительно не знаю; но могу заявить, что сами они извлекли изъ послѣдовательнаго посѣщенія собраній двоякую пользу: во первыхъ, оно сблизило ихъ съ людьми культурнаго слоя и замѣтно стало пересиливать въ нихъ старое, взрощенное крѣпостнымъ правомъ предубѣжденіе мужиковъ противъ господъ; во вторыхъ, оно поставило ихъ лицемъ къ лицу съ разнаго рода трудностями и невозможностями, встрѣчаемыми на пути ко многимъ желаннымъ улучшеніямъ и заключающимися въ самомъ существѣ дѣлъ, а не въ недостаткѣ доброй воли со стороны орудующихъ ими, какъ могло казаться прежде, людямъ не отдававшимъ себѣ яснаго отчета въ причинахъ отсрочки или устраненія ихъ справедливыхъ ожиданій. Таково вообще воспитательное вліяніе земскихъ учрежденій, которымъ на мой взглядъ пренебрегать нельзя, на гласныхъ отъ крестьянъ, а черезъ нихъ, на все простонародіе. Независимо отъ этого, ихъ участіе приноситъ самому дѣлу прямую пользу, очевидную для всякаго наблюдателя способнаго отрѣшиться отъ готовыхъ представленій и привести свои требованія въ разумную мѣру.

Предложенія идущія отъ крестьянъ свидѣтельствуютъ подъ часъ о незнаніи законовъ и объ ограниченности кругозора, но онѣ всегда имѣютъ свою цѣну, какъ правдивыя заявленія дѣйствительно ощущаемыхъ потребностей и, въ этомъ смыслѣ, служатъ важными указаніями, на которыя можно смѣло полагаться. Ихъ возраженія на мѣры обсуждаемыя въ собраніяхъ очень часто происходятъ отъ недоразумѣній, которыя легко устраняются, но за то нерѣдко служатъ къ обнаруженію такихъ сторонъ и обстоятельствъ, которыя, безъ этого, положительно не обращали бы на себя вниманія, а на практикѣ, при первомъ приступѣ къ исполненію, тормазили бы все дѣло или давали бы ему фальшивое направленіе. Имѣя дѣло преимущественно съ народомъ, земскіе дѣятели хорошо понимаютъ необходимость соображать свои распоряженія, даже свой языкъ, съ его понятіями, обычаями и потребностями, а возможность такой предварительной повѣрки, избавляющей отъ многихъ и многихъ промаховъ, дается въ лицѣ присутствующихъ въ собраніяхъ гласныхъ изъ среды крестьянъ. Наконецъ, никто вѣроятно не станетъ оспоривать, что земскимъ учрежденіямъ потому только и удалось въ короткое время собрать значительныя средства на предметы необязательныхъ расходовъ, никогда и нигдѣ не встрѣчая систематической оппозиціи, даже не возбуждая ропота въ средѣ податныхъ классовъ и безъ того не по силамъ обложенныхъ, что требованія исходили не изъ другой среды, не отъ „*властнаго*“ сословія, а отъ всесословнаго, открытаго для нихъ учрежденія, въ которомъ и они, наравнѣ съ прочими, имѣли самостоятельный голосъ.

Я уже оговорилъ выше невозможность окончательнаго сужденія о состоятельности или несостоятельности нашего земства по десятилѣтнему опыту; тѣмъ не менѣе, я не вижу причины уклоняться отъ вопроса о томъ что сдѣлано земствомъ въ этотъ короткій періодъ времени. Сдѣлано слѣдующее: вопервыхъ, выработаны основанія обложенія земли, ко-

торыми уже теперь (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ) пользуются кредитныя учрежденія при опредѣленіи размѣра ссудъ подъ залогъ имѣній, и которыми воспользуется высшее правительство при предстоящемъ ему установленіи поземельнаго государственнаго налога въ замѣнъ подушнаго.

Во вторыхъ, почти весь грузъ натуральныхъ земскихъ повинностей, лежавшій на однихъ податныхъ классахъ, разложенъ на всѣ сословія въ видѣ денежнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ.

Въ третьихъ, введено взаимное страхованіе отъ пожаровъ въ деревняхъ.

Въ четвертыхъ, по поводу правительственнаго проэкта объ отмѣнѣ подушнаго налога, предъявлено ходатайство о привлеченіи къ участію въ платежѣ податей всѣхъ сословій безъ исключенія и указано на возможность этой нынѣ всѣми ожидаемой реформы — (я не могу объяснить себѣ почему Вы приписываете это заявленіе одному дворянству).

Въ пятыхъ, двинуто дѣло начальнаго народнаго образованія, о которомъ, до открытія земскихъ учрежденій, никто серьезно не помышлялъ, и, въ короткое время, открыто довольно много сельскихъ школъ.

Въ этомъ перечнѣ указано только то, что сдѣлано во всѣхъ губерніяхъ и преднамѣренно опущены дѣйствія земства въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на примѣръ: открытіе учительскихъ семинарій, педагогическихъ съѣздовъ, сберегательныхъ кассъ, земскихъ почтъ и новыхъ шоссейныхъ дорогъ.

Я вовсе не оптимистъ и далекъ отъ мысли, чтобы нигдѣ, при болѣе благопріятныхъ, даже при тѣхъ же условіяхъ, нельзя было сдѣлать больше и лучше того что сдѣлано; но думаю, что безпристрастно судить о степени состоятельности одного учрежденія можно только по сравненію его съ другимъ, однороднымъ, взятымъ изъ той же или изъ близкой среды. Почему бы, напримѣръ, не составить такого же перечня

Государстве
ордена Ле
БИБЛИОТЕКА

главныхъ результатовъ дѣятельности дворянства, даже не за 10, а хоть бы за 70 или 80 лѣтъ, разумѣя конечно не исключительно сословную, а земскую его дѣятельность, въ области такъ называемыхъ „общихъ пользъ и надобностей“, той дѣятельности, которая, не только разрѣшалась ему, но на которую оно даже вызывалось своимъ учрежденіемъ. По сравненіи обоихъ перечней, я охотно предоставилъ бы Вамъ самимъ рѣшить: есть ли основаніе укорять земскія учрежденія въ бездѣйствіи и такъ положительно утверждать, что ввѣренное имъ дѣло не пошло и не пойдетъ? Мнѣ кажется, также опять таки по моимъ наблюденіямъ, что и физіономія дворянства въ современномъ Русскомъ обществѣ схвачена въ Вашей книгѣ не совсѣмъ вѣрно, не потому чтобъ отдѣльныя черты Вами собранныя не были сняты съ натуры, а потому что Вы списали ихъ съ небольшой, сидѣвшей передъ Вами и вдохновлявшей Васъ группы, которую Вы приняли за типъ цѣлаго сословія.

По Вашему представленію, дворянству въ шестидесятыхъ годахъ нанесена была незаслуженная обида, которую оно глубоко почувствовало. По призыву правительства, оно совершило великій подвигъ гражданскаго самопожертвованія: отреклось отъ крѣпостнаго права на личность и этимъ само разрѣшило часть вопроса, притомъ самую трудную — такою Вы ее признаете неизвѣстно почему, вопреки общему мнѣнію. За такое безкорыстіе, оно въ правѣ было ожидать вознагражденія и правительству, вслѣдъ за крестьянскою реформою, ничего бы не стоило предоставить ему замѣщеніе въ волостяхъ и уѣздахъ судебныхъ, полицейскихъ и вообще всѣхъ „властныхъ“ должностей, сосредоточивъ исключительно въ его рукахъ земское самоуправленіе. Вмѣсто этого, подъ вліяніемъ тогоже нигилистическаго повѣтрія, о которомъ было говорено выше, дворянство было „глубоко потрясено, даже въ общественномъ отношеніи, какъ будто въ чемъ то заподозрѣно, оттерто и принесено въ жертву всесословности“. Тогда,

почувствовавъ себя оскорбленнымъ, само дворянство устранилось отъ дѣлъ, въ которыхъ ему предоставлялось участіе слишкомъ ограниченное и, по его и Вашимъ понятіямъ, не сообразное съ его достоинствомъ. Вслѣдствіе этого „земству пришлось довольствоваться однимъ *оборышемъ* людей.“—Уѣзды опустѣли; въ нихъ уже не встрѣчается тѣхъ образованныхъ и, что важнѣе — уважающихъ себя людей, которыхъ Вы знавали во всѣхъ захолустьяхъ до призыва ихъ къ самоуправленію“.

Отсюда общія жалобы на безлюдіе; но люди не перевелись, они только стали невидны, потому что разбрелись, махнувъ на все рукою и эмигрировали за границу или же неизвѣстно куда; отсюда же какое то оскудѣніе общественнаго духа и отсутствіе всякаго связнаго мнѣнія, по Вашимъ наблюденіямъ, характеризующее настоящую минуту въ отличіе отъ недавняго времени, лѣтъ десять тому назадъ.

Жалѣя о такомъ добровольномъ самоустраненіи дворянства, Вы однако находите его естественнымъ и оправдываете его. „Нельзя, говорите Вы, винить прямо разъѣхавшихся за границу помѣщиковъ въ безплодіи Русскаго слова или прямо ставить въ укоръ остающимся безжизненность земскихъ учрежденій, въ которыхъ они представляютъ только свой классъ. Не добиваться же имъ въ мѣстномъ обществѣ преобладанія, которымъ они хотятъ пользоваться какъ своимъ законнымъ правомъ?“ Правительство передъ ними провинилось, а потому ему же предстоитъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

Съ другой стороны, отъ Васъ не могло укрыться, и дѣйствительно не укрылось, что не смотря на всесословный характеръ новѣйшихъ учрежденій, фактическое первенство въ нихъ осталось все-таки за дворянами. Нетолько должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, но и должности мировыхъ судей, попечителей школъ, выборныхъ отъ земства въ училищные совѣты, предсѣдателей приходскихъ попечительствъ, предсѣдателей и членовъ множества народив-

шихся недавно комитетовъ и коммиссій замѣстились людьми, которыхъ общественный выборъ выдвинулъ впередъ преимущественно изъ дворянской среды. То же самое видимъ мы и въ значительныхъ городахъ. Всѣмъ извѣстно, что это сдѣлалось естественно, само собою, безъ особенныхъ настояній со стороны избирателей, безъ притворнаго ломанія со стороны избираемыхъ, не въ силу закона, нисколько не стѣснявшаго свободы выборовъ, не подъ вліяніемъ административнаго давленія сверху и не благодаря какой либо искусственной агитаціи, о которой никто и не помышлялъ. Мудрено ли, что при такомъ никогда и нигдѣ небываломъ запросѣ на людей, въ нихъ оказывается недостатокъ? Мнѣ кажется, что если принять еще въ соображеніе опасную конкурренцію, встрѣчаемую какъ правительствомъ такъ и земствомъ, со стороны желѣзнодорожныхъ компаній, банковъ и разнаго рода промышленныхъ предпріятій, то въ этомъ чрезвычайномъ требованіи на личный, интеллигентный трудъ мы найдемъ самое простое объясненіе двухъ однородныхъ и параллельныхъ явленій, изъ которыхъ одно обратило на себя Ваше вниманіе, именно: значительнаго числа офицерскихъ ваканцій въ арміи и недостатка священниковъ для замѣщенія праздныхъ приходовъ.

По Вашему, выходитъ, что дворянство надуло губы, скрестило руки и стало къ общественному дѣлу спиною; въ то же время: дворянство добровольно усвоило себѣ новое призваніе, указанное ему довѣріемъ общества, взяло въ свои руки земское дѣло и стало во главѣ мѣстнаго самоуправленія — Вы и это заявляете. Чему же вѣрить?

Дѣло въ томъ, что преобразованія шестидесятыхъ годовъ дѣйствительно поразили что-то на смерть, только не *дворянство* а *барство*. При новой нашей общественной обстановкѣ, стало конечно не такъ легко какъ прежде, въ домашнемъ быту, жить безъ бюджета и расточать не собирая, даже не считая; еще труднѣе стало первенствовать въ губерніи,

въ городѣ или въ уѣздѣ, не имѣя ни способностей, ни навыка, ни охоты къ умственному труду, а въ случаѣ надобности пробиваясь чужимъ умомъ и заказною работою; наконецъ стало почти невозможно прослыть дѣловымъ человѣкомъ, никогда не прилагая руки ни къ какому серьезному дѣлу.

Такого рода притязанія теперь очень скоро осаживаются. Съ этой точки зрѣнія, нельзя дѣйствительно не признать, что общественныя условія, сложившіяся на нашихъ глазахъ, были для всего дворянства своего рода испытаніемъ, которому пришлось подвергнуться не передъ экзаменаціонною коммиссіею, а въ самой жизни, на практикѣ, у себя въ имѣніи, въ земскихъ собраніяхъ, на мировыхъ съѣздахъ, на выборахъ и т. д. Уклонившіеся сами надъ собою изрекли приговоръ. Разсудите въ самомъ дѣлѣ: во что цѣнить консервативную силу тѣхъ помѣщиковъ, которые, не выдержавъ непріятностей двухлѣтняго переходнаго состоянія, обратились въ бѣгство изъ своихъ имѣній передъ грозными фигурами мѣстнаго мироваго посредника и волостнаго старшины? Чему могли служить охраною такого рода охранители и что̀ охраняли они въ дѣйствительности, кромѣ своего личнаго комфорта? Или тѣ Вами упоминаемые „стойкіе господа, полные уваженія къ своему званію и доброжелательные къ низшимъ, къ которымъ ходилъ судиться весь околодокъ“ и которые не захотѣли балотироваться въ мировые судьи, находя рискованнымъ или унизительнымъ для своего величія вызвать гласное заявленіе общественнаго къ себѣ довѣрія, которымъ они повидимому пользовались? Не доказали ли они тѣмъ самымъ, что ихъ домашняя расправа была для нихъ не болѣе какъ потѣхою отъ скуки, пріятно щекотавшею ихъ барскую спѣсь?

Въ извѣстномъ смыслѣ, Вы совершенно правы утверждая, что наше дворянство утратило свою прежнюю цѣльность; дѣйствительно, въ средѣ его произошла своего рода естественная браковка, нѣчто похожее на такъ называемую раздѣлку, предпринимаемую надъ вымолоченнымъ зерномъ, для от-

дѣленія чела отъ ухвостья. Часть дворянства, къ нашему счастью значительнѣйшую, можно бы назвать дѣловою. Люди этого разбора свыклись уже съ новою обстановкою, въ которой и мѣстъ и занятій оказалось для нихъ вдоволь; они давно перестали жаловаться на отсутствіе твердой почвы подъ ногами, потому что они на ней стоятъ, и не увлекаются гоньбою за сборнымъ мнѣніемъ, потому что они сами, каждый въ своемъ скромномъ кругу и всѣ вмѣстѣ за общимъ дѣломъ, сознательно или безсознательно, творятъ его. Эти люди окончательно приросли къ земству; они, дѣйствительно, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ народъ и пріучаютъ его къ своему руководству, но это удалось имъ именно потому, что они отнеслись къ нему не какъ члены „*властнаго*“ сословія, а какъ *выборные* отъ земства, выдвинутые впередъ его довѣріемъ. Признаюсь, я не вижу, чтобъ это была потеря для нихъ и не убѣждаюсь, чтобъ объ этомъ слѣдовало скорбѣть съ консервативной точки зрѣнія. Другую, къ счастью очень немногочисленную, но, къ несчастью, вліятельную и безпокойную группу я не рѣшаюсь назвать бездѣльною только потому, что это слово утратило свое первоначальное, этимологическое значеніе. Эта группа boude et ne se recueille pas. Въ Вашей книгѣ ея довольно нескладный ропотъ въ первый разъ нашелъ себѣ отчетливое выраженіе.

Остается познакомиться съ ея чаяніями и узнать чѣмъ бы можно было удовлетворить ее. Болѣзнь современнаго Русскаго общества, говорите Вы, выражается однимъ словомъ — *разбродъ*, разумѣя подъ этимъ отсутствіе связнаго мнѣнія и общихъ идеаловъ возможныхъ только при связности людей, то есть при прочной сословной организаціи культурнаго слоя. Къ несчастью, какъ Вамъ кажется,, мы, въ послѣднее время, разбросали собственными руками начатки готовые сложиться въ организованное цѣлое; общественныя группы, которыя и прежде у насъ были слабы, были совсѣмъ выполоты при новой перепашкѣ Русской почвы — стало быть, чтобъ полу-

чить опять сборное мнѣніе надобно сложить органъ для его проявленія, собрать людей въ коллективную личность, иначе: организовать сословіе изъ культурныхъ слоевъ нашего общества. Такова главная, насущная задача настоящей минуты".

Пусть такъ — я готовъ признать, что діагностика Ваша вѣрна, хотя она и не исчерпываетъ всѣхъ признаковъ болѣзни и не указываетъ на первую ея причину. Нельзя также отрицать, что во всякомъ здоровомъ обществѣ, *на извѣстной степени развитія*, существуетъ всегда какъ сборное мнѣніе, такъ и форма для его проявленія; но вопросъ въ томъ: по какимъ законамъ и какимъ порядкомъ совершается это развитіе? Внутреннее ли единство частныхъ убѣжденій, взаимно опознавшихся и сплотившихся органически въ нѣчто цѣльное, вырабатываетъ себѣ соотвѣтственную форму и облекается въ образъ собирательной личности, или на оборотъ? Вы склоняетесь ко второму мнѣнію и ожидаете несомнѣннаго образованія внутренняго единства въ понятіяхъ, взглядахъ и убѣжденіяхъ отъ внѣшняго совокупленія личностей въ одно сословіе, прежде даже чѣмъ онѣ ощутятъ потребность сблизиться. Эта мысль пропущена какъ красная нитка черезъ всю Вашу книгу. Приведу подлинныя слова: „разбродъ мнѣній всегда доказываетъ между прочимъ разбродъ людей: одно связано съ другимъ нераздѣльно". Далѣе: „нельзя выработать сознанія безъ связности между людьми, разрѣшающейся въ связность мнѣній. По этому, задача текущаго времени заключается для насъ преимущественно въ осуществленіи связности общественныхъ группъ. — „Наша сознательная сила нравственная еще вовсе не сложилась; а *главное* — въ настоящее время у насъ не видно даже органовъ, способныхъ выработать и установить ее. — Надобно, чтобъ свѣжая сила была *готова* въ видѣ сплоченнаго Русскаго общества, *сплоченнаго на первыхъ порахъ хотя бы только положительнымъ закономъ. Это цѣльное тѣло не замедлитъ проявить и цѣльный духъ.*"

Итакъ, Вы вѣрите въ чудодѣйственную силу формы, въ способность ея творить изъ себя духъ. Глубинѣ и искренности этой вѣры могли бы позавидовать даже покойные Славянофилы, такъ насмѣшившіе Васъ своею „вѣрою въ сокровенную мощь Русскаго народа“. По Вашимъ словамъ, они мечтали о такомъ свободномъ обществѣ, какого еще не существовало на свѣтѣ; прибавлю: подобно тому какъ Вы мечтаете о безпримѣрномъ въ исторіи дворянствѣ и о небывалой въ мірѣ монархіи. Въ этомъ отношеніи, Вы и они стоите на одной почвѣ; есть однако между ихъ вѣрою и Вашею существенная разница. Они, по Вашимъ словамъ, уповали на сокровенную мощь народа; Вы же возлагаете свои надежды на проявленную и Вами самими засвидѣтельствованную немощь дворянства. Что говоря это я отнюдь не навязываю Вамъ своей мысли, въ этомъ Вы, я думаю, убѣдитесь дослушавъ меня до конца. Въ книгѣ Вашей нѣсколько разъ повторяется сравненіе нашего народа съ неподвижнымъ тѣломъ безъ головы, а нашего культурнаго дворянства съ головою безъ тѣла — я привожу подлинныя слова. Вы совѣтуете приставить отвалившуюся голову къ оспротѣвшему туловищу и тогда организмъ заживетъ полною жизнью. При этомъ однако упущено изъ виду одно, довольно серьезное обстоятельство Вами же дознанное. Вы подвергли дворянскую голову самой добросовѣстной, внимательной аускультаціи; Вы переворачивали ее во всѣ стороны, приставляли къ ней ухо, постукивали въ нее пальцемъ, въ надеждѣ вытрясти изъ нея что нибудь, и въ результатѣ констатировали сами, что живая личность, когда то въ ней обитавшая, окончательно вывѣтрилась. — „Дворянство, какъ сословіе, *обезличилось*“ — это мѣткое выраженіе повторяется въ Вашей книгѣ нѣсколько разъ. Но безличная голова уже не голова, а просто черепъ или гипсовая форма головы, и эту то форму насаживаете Вы теперь на туловище, въ твердой увѣренности, что подъ нею непремѣнно и въ скоромъ времени выраститъ настоящая го-

лова. Я воображаю себѣ какъ обрадуются и въ то же время какъ изумятся, дочитавъ Вашу книгу до этого мѣста, бѣдные бюрократы, на которыхъ Вы наступаете такъ безпощадно, противопоставляя имъ дворянъ, какъ людей другой породы, и забывая, что у насъ бюрократъ есть тотъ же дворянинъ въ вицъ-мундирѣ, а дворянинъ тотъ же бюрократъ въ халатѣ. Съ чего Вашъ гнѣвъ? Вѣдь и бюрократы, по крайней мѣрѣ культурные, поклоняются формѣ и лелѣятъ ее, не ради ея самой, а только потому, что и они какъ Вы твердо увѣрены, что была бы графа, а содержаніе явится, была бы форма, народится и духъ. Ихъ вѣра и Ваша вѣра — одна вѣра; но Вы съ горяча не опознали своихъ и опрокинулись на нихъ съ тою запальчивостью, которою всегда отличались междоусобныя распри отъ недоразумѣній, въ средѣ исповѣдниковъ одного ученія.

Къ несчастію, рекомендуемый Вами соблазнительно легкій пріемъ испытывается нашимъ законодательствомъ болѣе полутораста лѣтъ, а достигаемые результаты доселѣ не оправдывали ожиданій. Возьмемъ хоть одинъ примѣръ изъ многихъ. Вотъ что говорилось въ концѣ прошлаго вѣка: у насъ нѣтъ долговѣчныхъ и прочныхъ ремесленныхъ фирмъ, традицій въ мастерствахъ, преемственной передачи капиталовъ, практики и опыта; соберемъ же разсѣянныхъ мастеровъ въ правильно организованное цеховое сословіе, подѣлимъ его на группы, въ каждой изъ нихъ установимъ степени, дадимъ имъ выборныхъ, управы, старостъ, значки, права, все нужное, даже свыше нужнаго — авось пробудится ремесленный духъ и зашевелится совокупная жизнь. Ждали долго, но духъ не пробудился и цеховой уставъ остался по сю пору чѣмъ былъ девяносто лѣтъ тому назадъ — мертвою буквою.

Теперь задумывается однородный опытъ учрежденія чина или сословія Русскихъ „полуевропейцевъ“ и небывалость въ исторіи подобнаго явленія Васъ на сей разъ не смущаетъ. Подобно тому какъ прежде объединяющимъ началомъ стави-

лось, для дворянства, „благородство — какъ слѣдствіе служебныхъ заслугъ“ а для людей „средняго чина“ — „трудолюбіе и добронравіе“, такъ теперь предполагается собрать разбѣжавшіяся личности подъ знамя *культурности*. Прежнее дѣленіе на три чина „людей благородныхъ, среднихъ и низкихъ“ упрощается и замѣняется дѣленіемъ всего Русскаго общества на двѣ полосы; культурную и стихійную, изъ коихъ только первая получитъ сословную организацію. По Вашему мнѣнію, двойство естественнѣе троичности и сообразнѣе съ нашими бытовыми условіями; оно же находитъ свое оправданіе „въ народномъ понятіи *о господахъ* и простонародіи“. Мнѣ кажется однако, что это послѣднее сопоставленіе нѣсколько произвольно. Историческій корень понятія о господахъ лежитъ въ идеѣ ветхозавѣтнаго рабства и въ нашемъ крѣпостномъ правѣ, но не имѣетъ ничего общаго съ культурностью. Оттого, дѣленіе на господъ и простыхъ людей, или (по оффиціальной терминологіи XVIII вѣка) на людей благородныхъ и подлыхъ, никогда не обнимало всего Русскаго общества; оно не захватывало ни духовенства, ни купечества, ни служилыхъ людей низшихъ чиновъ, и выражало только понятіе полноправія въ противоположность понятію полнаго, личнаго безправія. Потомъ, такъ какъ понятія и пріемы выросшіе на почвѣ крѣпостныхъ отношеній раскидывали свои вѣтви далеко во всѣ стороны и переплетались со всѣми видами служебныхъ отношеній начальства къ подчиненнымъ, то и понятіе о господствѣ естественно расширилось и утратило свою первоначальную опредѣлительность. Корень его однако теперь уже изсохъ; оно отошло въ область исторически пережитаго и не годится для прививки къ нему чего либо новаго. Вашъ проэктъ напоминаетъ мнѣ другой опытъ изъ недавно прошедшихъ временъ. Покойный Императоръ пробовалъ подѣлить всѣхъ жидовъ на „*полезныхъ и безполезныхъ*“ — это было одно изъ самыхъ яркихъ проявленій того правительственнаго произвола, не лишеннаго своего рода грандіозности, которымъ

отличалась вторая половина прошлаго царствованія, наступившая послѣ 1848 года. Опытъ стоилъ жидамъ неимовѣрно дорого и рѣшительно не удался, хотя положительные признаки полезности были опредѣлены довольно точно. Я очень сомнѣваюсь, чтобъ легче было подѣлить всю Россію на культурную и некультурную и убѣждаюсь въ этомъ тою безцеремонностью, съ которою Вы, на примѣръ, отдѣлались отъ церковнаго чина. Можно ли въ самомъ дѣлѣ признать исчерпывающимъ нашу Русскую культурность такое общество, въ которомъ для всего духовенства не оказалось мѣста? На первомъ же словѣ, Вы измѣнили своему началу. Въ сущности, Васъ занимаетъ не культурность, а дворянство; что же касается до высшаго купечества и до людей умственнаго труда (по западной терминологіи — литератовъ) то они захватываются вами въ дворянскую среду главнѣйшимъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы внѣ ея не оставалось ни единой группы, которая могла бы послужить стихійной силѣ признаннымъ органомъ.

Отъ васъ самихъ конечно не могла утаиться крайняя искусственность предлагаемой вами организаціи и, ожидая возраженій именно съ этой стороны, вы прикрылись указаніемъ на исключительность нашего теперешняго положенія. Въ естественномъ ростѣ Русскаго общества послѣдовалъ полутора вѣковой перерывъ; тѣмъ временемъ, государство ушло далеко впередъ и развилось до громадныхъ размѣровъ; общество отстало и замерло. Теперь ощущается настоятельная потребность въ земской организаціи, приспособленной къ условіямъ настоящаго времени и къ тяжести лежащаго на ней государства; но дѣйствительность не представляетъ готовыхъ формъ, которыми правительство могло-бы воспользоваться; былыя формы давно разбиты, новыхъ не выработалось. Между тѣмъ, въ виду государственныхъ нуждъ и внѣшнихъ отношеній Россіи къ сосѣднимъ державамъ, намъ некогда выжидать естественнаго пробужденія общественной произво-

дительности и медленнаго нарожденія новаго, земскаго организма. Необходимость заставляетъ изобрѣсти и создать его. Я передаю Вашу мысль хотя и въ сокращенномъ видѣ, но кажется вѣрно. Въ ней есть несомнѣнно значительная доля правды; но въ подобныхъ случаяхъ, когда сложившіяся издавна, роковыя условія вынуждаютъ правительство забѣгать впередъ и предрѣшать вопросы жизни, политическое благоразуміе требуетъ строгаго воздержанія отъ всякаго ненужнаго стѣсненія ея творческой силы. Въ этихъ видахъ, законодательная власть естественно должна, вопервыхъ, предпочесть формы простыя сложнымъ, широкія тѣснымъ, упругія слишкомъ твердымъ; во вторыхъ, и это главное, по установкѣ тѣхъ или другихъ формъ, не расшатывать ихъ и не подкапываться подъ нихъ, а дать имъ время осѣсть какъ слѣдуетъ и сплотиться. Ваши предположенія, на мой взглядъ, грѣшатъ противъ обоихъ этихъ правилъ. Мы, наконецъ, дошли до практическихъ выводовъ изъ всего предидущаго. Мѣры Вами предлагаемыя захватываютъ очень широкій кругъ, котораго я не въ состояніи обнять и потому, на первыхъ же порахъ, ограничу мою задачу. Прежде всего, я совершенно устраню вопросъ о военной организаціи (Гл. VI) по безусловной моей некомпетентности въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ, я не войду въ разсмотрѣніе оригинальной мысли, изложенной въ главѣ IV, о разграниченіи правительственной администраціи съ земскою не по предметамъ занятій, или (какъ Вы выражаетесь) „не въ сущности, а только въ степени и послѣдовательности инстанцій“, съ передачею уѣзднаго управленія всецѣло земству, и съ оставленіемъ губернскаго за правительствомъ. На мой взглядъ, это значило бы тоже, что отрубить у правительства пальцы, оставивъ при немъ однѣ руки; но все что можно противъ этого сказать конечно скажутъ другіе за меня и гораздо лучше меня. Наконецъ, я не коснусь и предположенія Вашего о возстановленіи общеобязательной поголовной служебной повинности дворянъ. Го-

воря откровенно, я не считаю его серьезнымъ; оно могло понадобиться на первый разъ, чтобъ оправдать тѣ привилегіи, которыми Вы желали бы наградить дворянство, установленіемъ нѣкотораго равновѣсія между правами и обязанностями; но, на практикѣ, осуществленіе его встрѣтило бы въ дворянской средѣ такое сопротивленіе, что безъ всякаго сомнѣнія пришлось бы отъ него отказаться и изискать средство добыть первыя не налагая вторыхъ. Я остановлюсь на проэктѣ преобразованія земскихъ учрежденій и волостной администраціи.

Отъ земскихъ учрежденій нынѣ дѣйствующихъ осталось бы не много.

Предполагается, во первыхъ, вовсе упразднить Губернское земское собраніе, въ которомъ, по Вашему мнѣнію, не представляется никакой надобности; съ этимъ естественно сопряжено и упраздненіе Губернской Земской Управы, какъ распорядительной делегаціи отъ собранія; но это конечно не значитъ, чтобъ упразднялось Губернское земское зозяйство. Губернскій бюджетъ останется и Губернскій сборъ будетъ взиматься по прежнему — безъ него очевидно нельзя обойтись на покрытіе надобностей, несомнѣнно земскихъ по ихъ свойству, но превышающихъ средства каждаго уѣзда взятаго порознь, какъ на примѣръ взаимнаго страхованія отъ огня. Понятно, что одинаково необходима какая нибудь Губернская инстанція для завѣдыванія земскими дѣлами всей губерніи, какъ то: для раскладки государственнаго налога на недвижимыя имущества въ городахъ, для производства операцій требующихъ единства и одновременности распоряженій въ нѣсколькихъ уѣздахъ, (на примѣръ по ремонту и постройкѣ шоссейныхъ дорогъ), для выборовъ членовъ отъ земства въ разныя Губернскія Присутствія, комитеты, совѣты и т. д. Всѣ эти права и обязанности предполагается передать Губернскому предводителю дворянства и нынѣшнему депутатскому собранію (уѣзднымъ предводителямъ и выборнымъ дворянства). Но откуда же, спроситъ читатель, возьмутся де-

нежныя средства и кѣмъ будетъ установляться размѣръ обложенія на губернскіе потребности? — Вы отвѣчаете: „*даже* въ случаѣ необходимости какого либо общаго налога на Губернію (это *даже* покажется вѣроятно нѣсколько страннымъ всякому видѣвшему хоть одинъ губернскій бюджетъ) онъ можетъ быть голосованъ на мѣстѣ (то есть на мѣстахъ, въ уѣздахъ) большинствомъ по счету уѣздныхъ собраній.“ — Во всей книгѣ проводилась мысль, что сборное мнѣніе можетъ выработаться только въ группѣ собранныхъ вмѣстѣ людей; теперь же, въ примѣненіи къ земству, отдается предпочтеніе противоположному пріему: сборное мнѣніе всей губерніи будетъ выводиться посредствомъ ариѳметическихъ операцій—сложенія и вычитанія частныхъ, уѣздныхъ мнѣній, образовавшихся порознь, безъ взаимной повѣрки, и въ полномъ одно о другомъ невѣдѣніи. Я удивляюсь только тому, что напавъ на эту мысль, Вы не дали ей дальнѣйшаго развитія и не ступили еще одного, ближайшаго шага. Вмѣсто того чтобъ созывать уѣздные съѣзды, не гораздо ли *проще* разсылать гласнымъ готовые вопросы на домъ и отбирать письменные на нихъ отвѣты отъ каждаго изъ голосующихъ порознь?

Во вторыхъ, значительно съуживаются, даже въ предѣлахъ уѣзда, права и кругъ дѣйствія земскихъ учрежденій. У нихъ отнимается „право вести сношенія съ высшими инстанціями о мѣстныхъ потребностяхъ и объ общихъ вопросахъ; отнимается также выборъ мировыхъ судей и вообще должностныхъ земскихъ лицъ облеченныхъ исполнительною властью, пользующихся правомъ полиціи, суда и нравственнаго надзора за населеніемъ“. Все это отходитъ къ дворянству. За уѣзднымъ земскимъ собраніемъ оставляется исключительно утвержденіе земскихъ *налоговъ*, *притомъ кажется* только необязательныхъ, разсмотрѣніе *денежной отчетности* (только денежной), заявленіе объ общественныхъ нуждахъ и выборъ лицъ *распоряжающихся* или *завѣдывающихъ* общественными суммами. Изъ текста довольно трудно уразумѣть

предполагается ли подъ завѣдываніемъ и распоряженіемъ самое исполненіе хозяйственныхъ операцій, какъ то: производство построекъ, заключеніе подрядовъ, открытіе школъ и т. п. или казначейское дѣло пріема, храненія и отпуска суммъ по ассигновкамъ? Вы, кажется не безъ намѣренія, оставили этотъ вопросъ открытымъ; но принимая въ соображеніе, что земскому собранію предоставляется повѣрка одной лишь *денежной* отчетности, а не сравненіе сдѣланныхъ расходовъ съ достигнутыми результатами, что главною цѣлью всей проектированной ломки полагается „объединеніе въ рукахъ дворянства мѣстнаго управленія“ и что, по Вашему мнѣнію, „вести управленіе могутъ только выборные дворянства“, позволительно заключить, что Вы присоединились бы къ второму толкованію. На этомъ впрочемъ, какъ на вопросѣ спорномъ, я останавливаться не буду и, ограничиваясь тѣмъ, что не представляетъ повода къ недоумѣніямъ, постараюсь раскрыть вѣроятныя послѣдствія изложеннаго проэкта собственно по отношенію къ Вашей, главной цѣли, то есть къ внутреннему объединенію нашего общества.

При предположенномъ новомъ порядкѣ вещей, средства на веденіе всего земскаго хозяйства будутъ, также какъ и теперь, получаться отъ земства. Но въ настоящее время, облагая земство на губернскія потребности, губернское собраніе отдастъ ассигнуемыя суммы въ распоряженіе избранной имъ Управы, съ которою оно связано сознаніемъ нравственной за нее отвѣтственности и которую оно можетъ привлечь къ отвѣту и даже смѣнить. Словомъ, собраніе относится къ своей Управѣ какъ довѣритель къ своему повѣренному и если теперь, какъ замѣчено было выше, не слышно о систематическихъ отказахъ управамъ со стороны собраній въ испрашиваемыхъ первыми ассигновкахъ, то это обусловливается въ значительной мѣрѣ свойствомъ этихъ отношеній. По Вашему проэкту, онѣ измѣнятся въ существѣ. Вмѣсто прежней, излюбленной губернскимъ собраніемъ управы, новое учрежденіе

чисто дворянское, нѣчто въ родѣ депутатскаго собранія съ губернскимъ предводителемъ во главѣ, будетъ ежегодно протягивать руку за деньгами ко всѣмъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Спрашивается: при этихъ условіяхъ, одинаковоли легко будутъ сходить проэкты бюджетовъ; не слишкомъ ли смѣло было бы разсчитывать на продолженіе теперешней сговорчивости собраній, и не гораздоли вѣроятнѣе, что имѣя передъ собою управленіе совершенно отъ нихъ независимое, они естественно захотятъ подчинить его своему вліянію и, въ этихъ видахъ, прибѣгнутъ къ урѣзкѣ смѣтъ и къ отказамъ въ ассигновкахъ? Такіе же поводы къ небывалымъ прежде пререканіямъ самаго раздражительнаго свойства возникнутъ и въ болѣе тѣсной области уѣзднаго, земскаго управленія. Въ настоящее время, весь персоналъ получающій содержаніе отъ земства имъ же избирается; это его излюбленные люди. По Вашему проэкту, всѣ они, какъ то Мировые судьи, вѣроятно также лекаря, учителя и т. п. будутъ выбираться дворянствомъ, а на обязанности земства останется ассигновка жалованья персоналу, по отношенію къ нему упавшему съ неба, можетъ быть вовсе ему не угоднаго и о которомъ оно, конечно, будетъ судить не въ примѣръ строже чѣмъ прежде. Вы сами даете земству въ руки это правда единственное, но за то всемогущее орудіе. Привожу Ваши слова: „земство имѣетъ естественное право ставить свое согласіе на требуемыя отъ него жертвы въ зависимость отъ удовлетворенія заявляемымъ имъ нуждамъ“. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ каждаго уѣзда, между дворянствомъ и его избранниками съ одной стороны и всесословнымъ земствомъ съ другой, установились бы, въ микроскопическихъ размѣрахъ, отношенія сходныя съ тѣми какія мы видимъ въ конституціонныхъ государствахъ между министерствомъ отъ короны и камерою депутатовъ отъ земли. По разсмотрѣніи проэкта смѣты, земство скажетъ своему дворянскому министерству: извольте, мы согласны ассигновать испрашиваемую вами сумму

на 10 стипендій въ гимназіи, но съ тѣмъ, чтобы 7 изъ нихъ приберегались для стихійной силы, и только 3 для культурнаго сословія, а не наоборотъ, какъ вы предлагали; или: пожалуй, мы примемъ расходъ на жалованье предсѣдателю и членамъ губернскаго коллегіальнаго присутствія завѣдующаго дѣлами земства, но съ тѣмъ, чтобъ изъ него выбыли господа такіе то и такіе то избранные дворянствомъ, но намъ неугодные — et si non — non! Между тѣмъ, у Васъ же, въ той же книгѣ, нѣсколькими страницами ниже, мы читаемъ: „изъ этого si non — non! не имѣющаго у насъ никакой почвы, выросъ весь современный Европейскій порядокъ, выросли всѣ конституціи и революціи". И все это предлагается для „постановки объединенія на мѣсто разлада!" Мнѣ остается по поводу земскаго самоуправленія указать Вамъ еще на одно обстоятельство нѣсколько загадочное. Выше было замѣчено (и Вы этого вѣроятно оспоривать не будете) что Екатерининское городовое положеніе, подновленное въ прошлое царствованіе, представляетъ собою самое полное осуществленіе начала всесословности въ общественномъ учрежденіи. Въ позднѣйшемъ городовомъ положеніи 1870 года, всесословность уступила мѣсто полной безсословности. Вы считаете всесословность „несостоятельною, безплодною, опасною и губительною" а потому, совершенно послѣдовательно, требуете, въ примѣненіи къ земскимъ учрежденіямъ, перестройки всей нашей общественной организаціи изъ всесословной въ односословную, то есть въ дворянскую. Почему же Ваша рука какъ будто дрогнула и опустилась какъ только Вы дошли до города? Тутъ, у городской черты, неожиданно кончается Вашъ походъ противъ всесословности и безсословности и Вы, нетолько оставляете нынѣ дѣйствующее городское самоуправленіе нетронутымъ, но даже совѣтуете „распространить его ва самые маленкіе городки." Между тѣмъ, по вашимъ же словамъ „мѣщане ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ". Это одна и таже стихійная сила. Опасная въ

уѣздѣ, тамъ гдѣ она разбита на мелкія группы и силою вещей приросла къ почвѣ, можетъ ли она считаться не опасною въ городѣ, гдѣ она скучена и, по разнообразію доступныхъ ей занятій, гораздо подвижнѣе чѣмъ въ деревняхъ, а потому самому гораздо воспріимчивѣе для всякаго рода возбужденій со стороны, гдѣ наконецъ постоянно открытая передъ нею выставка безпечной праздности, довольства и роскоши высшаго общества подвергаетъ ее ежечаснымъ, особеннаго рода искушеніямъ? Если бы созданіе нравственно цѣльнаго общества и огражденіе его на будущія времена отъ внутреннихъ потрясеній дѣйствительно стояло у Васъ *какъ цѣль*, а сосредоточеніе политическихъ правъ въ рукахъ дворянства рекомендовалось Вами *только какъ средство*, то послѣ проэктированнаго разгрома земской организаціи, помилованіе городской шлобы въ разрѣзъ со всѣми общими данными, на основаніи которыхъ Вы подчиняете стихійную силу общества его разуму. Но стоилобы сдѣлать перестановку въ терминахъ, а именно: поставить *средство на мѣсто цѣли* и это кажущееся противорѣчіе объяснилось бы само собою. Всякій понялъ бы, что для дворянъ - помѣщиковъ несравненно важнѣе захватить въ свои руки мѣстное управленіе въ уѣздахъ, чѣмъ пріобрѣсти такую же власть въ городахъ. Пощада оказанная Вами городовому положенію броситъ неожиданный свѣтъ на основный мотивъ всей книги.

Перехожу къ вопросу о волостной организаціи, который особенно интересовалъ меня, такъ какъ, мнѣ кажется, съ этой стороны угрожаетъ ближайшая опасность отъ непрошенныхъ благодѣяній.

Повидимому, Вы сочувствуете такъ называемой всесословной волости и считаете ее „неотложнымъ вопросомъ текущаго времени“, но къ сожалѣнію, Вы не опредѣлили что подразумѣвается подъ этимъ названіемъ и, занявшись исключительно вопросомъ о волостной полиціи, оставили совершенно въ тѣни волость какъ общество. Это тѣмъ болѣе прискор-

бно, что именно отъ Васъ читатели вѣроятно узнали бы отчего враги всесословности вообще, домогающіеся упраздненія ея тамъ гдѣ она введена, то есть въ предѣлахъ уѣзда и губерніи, такъ горячо рекомендуютъ введеніе ея тамъ гдѣ ея нѣтъ и не можетъ быть, то есть въ предѣлахъ волости?

Теперешняя наша волость состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ, трехъ или четырехъ сельскихъ обществъ, иногда изъ одного, и обнимаетъ только земли отведенныя имъ въ надѣлъ. Внѣ этой односословной, „мужицкой“ волости и рядомъ съ нею, стоитъ помѣщикъ и лежитъ его земля — другихъ элементовъ въ нашемъ уѣздномъ, по крайней мѣрѣ Великороссійскомъ мірѣ не имѣется. Стало быть учрежденіе, въ замѣнъ односословной, всесословной или точнѣе двусословной волости потребовало бы, во первыхъ, введенія въ личный составъ ея одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, съ предоставленіемъ ему или имъ права голоса въ общественныхъ дѣлахъ и доступа къ общественнымъ должностямъ; во вторыхъ, причисленія помѣщичьихъ земель къ территоріи волости, какъ новой статьи обложенія на общественныя, волостныя потребности, составляющія, за очень немногими изъятіями, предметъ исключительно крестьянскаго интереса. При первомъ же взглядѣ, бросается въ глаза крайняя разнородность состава предполагаемой двусословной единицы. По воспитанію, образу жизни, понятіямъ, потребностямъ и средствамъ, между помѣщиками и крестьянами лежитъ цѣлая бездна, образовавшаяся въ продолженіи полутора вѣковаго отчужденія и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, которыми бы они связывались въ непрерывную цѣпь — небольшая группа лицъ приписавшихся къ волости только въ полицейскомъ отношеніи изчезаетъ изъ виду по своей малочисленности. Далѣе, въ сферѣ хозяйственнаго сельскаго быта, имущественные интересы помѣщика прямо противоположны имущественнымъ интересамъ крестьянъ — я оговариваю: не *враждебны* одни другимъ и отнюдь не *непримиримы*, но *противоположны по существу*, какъ интересы по-

купщика и продавца, кредитора и должника, производителя и потребителя. Помѣщикъ сдаетъ свою землю, крестьяне снимаютъ ее; помѣщикъ рядитъ на работу, крестьяне нанимаются; помѣщикъ открываетъ кредитъ, крестьяне должаютъ. Сдѣлки этого рода, по своей первостепенной важности въ сельскомъ быту, даютъ ему тонъ; онѣ вплетаются во всѣ подробности деревенской жизни и опредѣляютъ характеръ взаимныхъ отношеній двухъ сторонъ на всѣхъ точкахъ ихъ соприкосновенія. Съ чего бы ни началось дѣло между помѣщикомъ и крестьянами, оно неминуемо сводится на вопросъ о землѣ, о лѣсѣ, о долгахъ или о работѣ. Въ этой области, интересы *всѣхъ* крестьянъ, будучи противоположны помѣщичьимъ, въ тоже время тождественны между собою и потому первые, при встрѣчѣ съ вторыми, почти никогда не дробятся, а сливаются въ одинъ голосъ. И такъ, не мѣшало бы принять напередъ къ свѣдѣнію, что въ двусословной волости, зайдетъ ли рѣчь о предстоящихъ обществу расходахъ, или объ изысканіи средствъ къ ихъ удовлетворенію, передъ лицемъ помѣщика всегда будетъ стоять не множество лицъ, а одно коллективное лице. Эти два лица будутъ облагать другъ друга! При такихъ условіяхъ, можно ли надѣяться, въ тѣсныхъ предѣлахъ волости, придумать такую комбинацію составныхъ ея элементовъ, помѣщичьяго и крестьянскаго, или, по Вашему — культурнаго и стихійнаго, которая, не отдавая одного изъ нихъ въ жертву другому и въ тоже время, не нарушая самостоятельности и цѣльности общества, предупредила бы безконечный рядъ безвыходныхъ между ними столкновеній и, установленіемъ между ними прочнаго равновѣсія, обезпечилабы удовлетвореніе законныхъ требованій обоихъ? — Мнѣ кажется, что въ самой постановкѣ этого вопроса заключается и отвѣтъ на него. Создать двусословную волость изъ наличнаго матерьала также невозможно, какъ сложить самоуправляющееся общество изъ купеческой фирмы и снабжающихся у ня потребителей, или изъ домовладѣльца

и квартирующихъ у него постояльцевъ. Вы это поняли и потому, замолвивъ мимоходомъ слово въ пользу любимой мечты нашихъ домашнихъ эмигрантовъ, перебравшихся изъ своихъ деревень въ столицы, благоразумно воздержались отъ ея формулированія.

Сами же Вы идете къ дѣлу гораздо прямѣе. Вамъ нужна всесословная волость въ смыслѣ не *общества*, а административной единицы. Вы хотите, чтобъ управленіе волостью, то есть полицейская власть, въ самомъ широкомъ объемѣ, также какъ и мировой судъ, сосредоточивались подъ скромнымъ, не новымъ и въ этомъ случаѣ крайне неточнымъ названіемъ *попечителя*, въ лицѣ „мѣстнаго помѣщика по выбору дворянства всего уѣзда, но изъ лицъ живущихъ въ волости или близъ нея". При этомъ, добавляете Вы „крестьянское самоуправленіе, подъ надзоромъ волостныхъ попечителей данныхъ ему дворянствомъ, могло бы остаться почти въ нынѣшнемъ своемъ видѣ" — Невѣжественная толпа пожалуй и не догадается.

Доказывать, что предполагаемое попечительство не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія, съ тѣмъ о которомъ упоминается въ положеніи 19го Февраля 1861 года, едвали предстоитъ надобность. Рѣчь идетъ очевидно объ учрежденіи совершенно иного рода.

Чтобъ отдать себѣ ясный отчетъ въ его характерѣ, нужно прежде всего снять съ него ту фантастическую оправу, въ которой оно обыкновенно выставляется на показъ. Предполагается, или говорится, что волостной попечитель будетъ править свою должность безплатно и самолично.

То и другое одинаково несбыточно и ни того ни другаго никто, знакомый по личному опыту съ деревенскимъ бытомъ, серьезно не ожидаетъ. За нѣсколько дней до полученія мною Вашей книги, въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи обсуждались представленія Уѣздныхъ присутствій по призыву къ отбыванію воинской повинности о суммахъ

потребныхъ на ихъ содержаніе; воспользовавшись этимъ случаемъ, два уѣздныхъ предводителя просили назначить имъ жалованье отъ земства. Я сообщаю Вамъ этотъ фактъ какъ pendant къ Вашему анекдоту о присяжныхъ отъ крестьянъ просящихъ милостыни у дверей присутствія. Служба серьезная, не номинальная, а трудовая, отнимающая большую часть времени у исправляющаго ее и, въ добавокъ, сопряженная съ дѣйствительною отвѣтственностью, при теперешнемъ состояніи нашего общества, не можетъ быть даровою; она требуетъ оплаты въ полную свою стоимость. Это доказано окладами мировыхъ судей, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ и всѣхъ вообще должностей по общественной службѣ, какъ земской такъ и городской. Мы не Англія — можно объ этомъ жалѣть, но пособить этому нельзя. Помѣщики круглый годъ проживающіе въ своихъ деревняхъ по недостатку средствъ для переѣзда въ городъ хотя-бы на полгода, занимаются сами своимъ хозяйствомъ и не захотятъ, потому-что не могутъ, бросить его безъ вознагражденія для дѣлъ волости, а помѣщики зажиточные, пріѣзжающіе въ свои деревни на лѣтнюю пору и большую часть года хозяйничающіе заглазно, не соблазнятся должностью попечителей, а если и примутъ ее, то конечно не съ тѣмъ, чтобы нести тяготу ея на собственныхъ плечахъ. Легко сказать: управлять волостью, иными словами, дѣлать то, что дѣлаютъ теперь становые пристава и волостные старшины: стоять по цѣлымъ днямъ на базарахъ, разводить и подбирать пьяныхъ, ловить конокрадовъ, отписываться на предписанія и требованія всевозможныхъ начальствъ, выжимать недоимки и т. д. Все это имѣетъ въ себѣ мало привлекательнаго, особенно въ близи, у самаго дѣла. Это не могло отъ Васъ утаиться и Вы поспѣшили открыть два выхода для попечителей-дилеттантовъ. Во первыхъ, на предпослѣдней страницѣ, въ общемъ перечнѣ предлагаемыхъ мѣръ, статья о волостномъ попечительствѣ формулирована Вами гораздо общѣе: „поставить надъ

волостями попечителей по избранію дворянства". — Здѣсь уже не требуется, чтобъ попечители избирались непремѣнно *изъ помѣщиковъ*, а только чтобъ выборъ ихъ предоставленъ былъ дворянству. Сопоставляя это мѣсто съ другими, въ которыхъ Вы доказываете, что цензовое дворянство, какъ избирательное сословіе, представляетъ вполнѣ достаточныя гарантіи въ добросовѣстной разборчивости выборовъ, что за тѣмъ не было бы никакой надобности стѣснять его свободу опредѣленіемъ какихъ либо условій избираемости и „что нужно не избраніе въ земскія должности изъ дворянъ, а напротивъ— избраніе въ эти должности дворянами — кого угодно" можно кажется придти къ заключенію, что Вы допустили бы попечителей удостоенныхъ выбора, какого бы званія они ни были. Тогда, конечно, въ кандидатахъ недостатка не будетъ. Они напередъ указаны: это тѣ бывшіе помѣщичьи управляющіе, прикащики, кассиры и писаря, которые ищутъ мѣстъ, или, на занимаемыхъ ими мѣстахъ, не слишкомъ обременены домашними дѣлами, словомъ — это весь персоналъ вотчинныхъ конторъ. Вотъ куда изъ помѣщичьихъ кабинетовъ переберется мало помалу настоящая, не номинальная, а дѣйствительная власть и гдѣ она окончательно сосредоточится; тамъ же найдетъ она и готовые административные пріемы — прежнія традиціи крѣпостнаго права, къ которымъ она естественно примкнетъ; отъ самаго же помѣщика эта власть получитъ не вдохновеніе и не направленіе, а одну гербовую печать.

Вотчинная контора, по Остзейски: die Gutsverwaltung— это сосудъ крѣпостнаго права, разбитый у насъ въ 1861 году. Задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы собрать его осколки, склеить ихъ и постараться увѣрить народъ, что съ перекраскою и переименованіемъ этой издавна знакомой ему чаши (казалось, на всегда миновавшей его) прежнее, горькое ея содержаніе претворилось въ сладкое. Только при этихъ условіяхъ и только въ этой формѣ, можетъ осуществиться такъ называемое попечительство. Въ сущности, такъ его

себѣ и представляютъ наши Петербургскіе и Баденъ-Баденскіе охранители, хотя они обыкновенно не дорисовываютъ плѣняющей ихъ картины.

Во вторыхъ, Вы соглашаетесь оставить при попечителѣ, въ качествѣ помощника его, волостнаго голову выборнаго отъ крестьянъ и даже поручаете послѣднему временное исправленіе должности Попечителя, въ случаяхъ кратковременныхъ отлучекъ послѣдняго; стало быть, въ этихъ случаяхъ, Вы подчиняете ему и весь персоналъ вотчинной администраціи. Признаюсь — я бы на это не рѣшился даже на короткій срокъ. Какъ бы то ни было, вся черная работа по управленію, понятнымъ образомъ, ляжетъ на голову. Теперь спрашивается: чего потребуютъ крестьяне отъ своего избранника? Того ли, что-бъ онъ подчинился избраннику дворянства добросовѣстно, безъ задней мысли, съ твердымъ намѣренніемъ помогать ему во всемъ, или чтобъ онъ, по возможности, парализировалъ его распоряженія неугодныя мірскому обществу? Самъ голова, будетъ ли смотрѣть на себя какъ на орудіе волостной администраціи, или какъ на органъ общественной оппозиціи? Послѣднее кажется мнѣ въ общей сложности болѣе вѣроятнымъ, но я готовъ допустить первый, самый благопріятный случай. Самъ помѣщикъ взялся усердно за попечительство, а голова служитъ ему охотно. Даже при такихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ, трудно ожидать, чтобъ между ними установилась на практикѣ непосредственная и живая связь. Передъ тѣмъ какъ идти съ докладомъ къ господину-попечителю, разсудительный голова все-таки непремѣнно заглянетъ въ туже вотчинную контору — пораспросить и посовѣтываться; тамъ его докладъ предварительно выслушается и, въ чемъ окажется нужнымъ, исправится; тамъ же, между четырехъ или шести глазъ, придумается резолюція и все дѣло обдѣлается въ существѣ. По переложеніи идилліи на деревенскую практику и консервативной риторики на языкъ грубой

правды, таковъ очень не мудреный смыслъ всѣхъ современныхъ толковъ о всесословной волости, о возстановленіи благодѣтельнаго вліянія культурныхъ людей на массу (котораго никто никогда не устранялъ), о руководствѣ невѣжественной толпы, о попечительствѣ и т. д.

Ступимъ однако еще одинъ шагъ in medias res и постараемся, на нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ, взятыхъ для примѣра изъ нашего деревенскаго обихода, уяснить себѣ при какихъ условіяхъ пришлось бы волостному помѣщику-попечителю, самому добросовѣстному и усердному, орудовать ввѣренною ему полицейскою и судебною властью.

Первый случай: начальство посылаетъ ему строжайшее предписаніе принять рѣшительныя мѣры для немедленнаго взысканія податныхъ недоимокъ. Тонъ бумаги недопускаетъ промедленія; попечитель созываетъ сходъ и объявляетъ крестьянамъ требованіе начальства. Ему отвѣчаютъ: „откуда же взять намъ денегъ? Мы было собрали, хотѣли отвезти еще за три недѣли, да пріѣхалъ Вашъ прикащикъ и приказалъ нести въ контору вторую половину оброка за Ваше отрѣзное поле. Ослушаться мы не посмѣли, а мы было надѣялись, что Вы намъ окажете льготу. Отсрочьте на полгода платежъ за землю, тогда мы какъ нибудь недоимку пополнимъ.“ — Попечитель конечно отвѣтитъ, что одно казенная недоимка а другое частный долгъ и будетъ правъ; но въ тоже время не почувствуетъ ли онъ, что одному и тому же лицу не совсѣмъ удобно, изъ одного и тогоже кармана, выбирать и государственныя подати и свои частные долги?

Второй случай: къ попечителю, какъ къ мѣстному мировому судьѣ, приходятъ судиться два крестьянина, положимъ Иванъ Петровъ и Петръ Ивановъ, тотъ самый Петръ Ивановъ, котораго наканунѣ помѣщичій лѣсникъ накрылъ на воровской порубкѣ. Лѣсникъ и крестьянинъ крупно побранились, чуть не подрались и разошлись угрожая другъ другу. Мировой Судья тер-

пѣливо выслушиваетъ истца и отвѣтчика и добросовѣстно взвѣшиваетъ ихъ доводы; претензія Ивана Петрова оказывается основательною и Петръ Ивановъ присуждается къ удовлетворенію. Онъ уходитъ изъ камеры и говоритъ встрѣчному крестьянину: „вишь проклятый лѣсникъ! успѣлъ таки нажаловаться!“ — Нечего и говорить, что на судѣ о порубкѣ не было и помина; помѣщикъ даже и не вспомнилъ объ ней при разбирательствѣ, а въ произнесенномъ имъ приговорѣ всетаки послышалась отплата за порубку.

Третій случай: къ попечителю прибѣгаетъ вѣстовой съ извѣстіемъ, что подгулявшій крестьянинъ Семенъ Недотыка побилъ старосту, разогналъ сосѣдей и буянитъ на все село. Пять дней тому назадъ, этотъ самый крестьянинъ, на общемъ сходѣ, уговорилъ всю волость не наниматься къ мѣстнымъ помѣщикамъ на молотьбу за прежнюю цѣну, а выторговать прибавку, чѣмъ поставилъ вотчинныя конторы въ затрудненіе и въ необходимость разослать рядчиковъ въ дальнія мѣста. По распоряженію и въ присутствіи помѣщика, сотскіе и десятскіе хватаютъ расходившагося Семена Недотыку и тащатъ его въ волостную избу; онъ упирается и кричитъ собравшейся около него толпѣ. „Эхъ вы! чего смотрите? — за Васъ терплю, все вѣдь за молотьбу, а то сами вѣсте: ктожъ не гуляетъ!“ — Крестьяне переглядываются и думаютъ про себя: „пожалуй что и впрямь за молотьбу“.

Подобные мелкіе случаи будутъ повторяться ежедневно и всякій понимаетъ, что дѣло нисколько бы не улучшилось, если бы помѣщикъ безусловно былъ устраненъ отъ попечительства въ собственной своей вотчинѣ и если бы два владѣльца одной волости попечительствовали другъ у друга. При такомъ порядкѣ, между ними могла бы установиться своего рода круговая порука и, во всякомъ случаѣ, родилось бы подозрѣніе что она существуетъ.

Я предполагаю волостнаго попечителя рѣшительно недоступнаго никакимъ корыстнымъ поползновеніямъ — не

всѣ же будутъ таковы; предполагаю, что имѣя дѣло ежедневно и ежечасно съ одними и тѣми же людьми, какъ помѣщикъ, какъ начальникъ волости и какъ судья, онъ строго выдержитъ въ своихъ дѣйствіяхъ этотъ тройственный характеръ; что никогда помѣщикъ не забредетъ въ область попечителя, а начальникъ не проглянетъ въ судьѣ — что́ вовсе нелегко, и затѣмъ я всетаки спрашиваю: повѣритъ ли этому общественная среда, въ которой онъ будетъ рядить и судить? Создавая правительственную или общественную власть, какую бы то ни было, гражданскую или военную, административную или судебную, обыкновенно стараются поставить того кому она ввѣряется въ такія отношенія къ его подчиненнымъ, которыя не только, по возможности, устраняли бы отъ перваго всякое искушеніе обратить ее въ орудіе личныхъ цѣлей, но и предупреждали бы со стороны вторыхъ всякій поводъ къ сомнѣнію въ ея безпристрастіи. Здѣсь же наоборотъ: предполагается, въ тѣсныхъ предѣлахъ волости, отдать начальство и судъ помѣщику именно на томъ основаніи, что онъ помѣщикъ и что его помѣщичьи интересы тѣсно переплетаются съ противоположными имъ интересами того самаго крестьянскаго общества, которое должно быть ему подсудно и подначально. Не значитъ ли это, съ одной стороны, добровольно подрывать вѣру въ самую власть, съ другой: подвергать носителей ея опороченію и оставлять ихъ въ вѣчномъ подозрѣніи?

И это все „въ видахъ объединенія, для возстановленія цѣльности нашего общества“!

И послѣ этого Вы обвиняете дѣятелей шестидесятыхъ годовъ въ намѣренномъ разобщеніи помѣщиковъ съ народомъ!

И для чего наконецъ все это? — Чтобъ заманить опять какихъ то разбѣжавшихся помѣщиковъ въ ихъ осиротѣвшія вотчины!

Мы узнали недавно изъ документовъ оглашенныхъ по поводу процесса надъ Гр. Арнимомъ, что Прусское прави-

тельство, въ своей внѣшней политикѣ всегда руководящееся исключительно національнымъ своимъ интересомъ, а не служеніемъ отвлеченнымъ принципамъ легитимизма, консерватизма или либерализма, преднамѣренно старалось продлить елико возможно политическую неурядицу во Франціи, чтобъ не дать ей собраться съ силами и обратить ихъ на внѣшнія дѣла. Какая нибудь общая и твердая программа конечно существуетъ издавна въ Прусскомъ кабинетѣ и для представителей его при нашемъ дворѣ; но еслибъ она составлялась вновь съ такоюже цѣлью, то есть въ видахъ систематическаго ослабленія Россіи возбужденіемъ въ ней общественной розни и несуществующей покуда сословной вражды, то князь Бисмаркъ, на мой взглядъ, не могъ бы пожелать ничего лучшаго какъ противопоставленія въ области земства дворянской управы всесословному собранію, а въ предѣлахъ волости — подчиненія старшины отъ крестьянъ попечителю отъ дворянства.

Вы говорите въ одномъ мѣстѣ, что наше общество въ настоящее время не было бы въ состояніи отвѣтить на вопросъ: чѣмъ ему быть и чего бы ему пожелать для себя; въ другомъ Вы допускаете, что оно можетъ быть заявило бы потребность въ *сосредоточеніи.* Мнѣ кажется, что оно могло бы извлечь изъ своего самосознанія требованія нѣсколько болѣе опредѣлительныя.

Еслибъ, въ настоящую минуту, правительство вздумало опросить, не говорю уже всю Россію, но хоть бы одно культурное общество, даже одно дворянство, то оно вѣроятно услышало бы отъ громаднаго большинства людей думающихъ и дѣлающихъ два пожеланія.

Вопервыхъ, чтобъ рядъ совершенныхъ преобразованій увѣнчался неотложнымъ упраздненіемъ дѣленія Русскаго общества на податныя и обѣленныя состоянія и чтобы, въ замѣнъ *подушной подати, введена была система* всесословнаго обложенія, по возможности пропорціональнаго цѣнности

облагаемыхъ имуществъ и доходамъ плательщиковъ. Это даже не догадка съ моей стороны, а совершившійся фактъ, ибо въ такомъ именно смыслѣ, какъ извѣстно, выразились всѣ опрошенныя правительствомъ земскія собранія, за исключеніемъ кажется одного. Въ Вашемъ обзорѣ явленій современной общественной жизни, вопросъ о податной реформѣ не нашелъ себѣ мѣста, хотя, въ соціальномъ отношеніи, онъ не менѣе важенъ чѣмъ въ экономическомъ. Еслибы дворянство дѣйствительно дорожило своею политическою будущностью и сознавало чѣмъ обусловливается для него единственно возможный видъ общественнаго первенства, то оно, мнѣ кажется, должно бы было, настойчивѣе другихъ классовъ, ходатайствовать о скорѣйшемъ осуществленіи этой реформы, хотя бы для того, чтобъ отнять у податныхъ состояній основательный поводъ къ зависти, избавиться навсегда отъ попрека, хотя бы и не высказываемаго гласно, и самому себѣ развязать языкъ; ибо трудно допустить, чтобъ лицамъ не платящимъ податей прилично было, въ качествѣ наставниковъ и попечителей надъ крестьянами черезъ силы обремененными податьми, проповѣдывать имъ святость труда, необходимость бережливости и обязательность жертвъ на общую пользу.

Вовторыхъ, люди мыслящіе и трудящіеся на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности вѣроятно выразили бы желаніе, что-бы правительство дало Россіи вздохнуть. Они постарались бы убѣдить его, что нужно позволить ей осмотрѣться въ обновленной ея обстановкѣ и заняться на свободѣ ея устройствомъ, не отвлекаясь отъ начатаго дѣла тревожными слухами о замышляемыхъ перестройкахъ, слухами періодически возобновляющимися и отнимающими всякую увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Безъ твердой вѣры въ прочность учрежденій, требующихъ со стороны общества свободной иниціативы, настойчивый, правильный и большею частью мало замѣтный трудъ въ уѣздныхъ захолустьяхъ положительно невозможенъ.

Правда, со временъ Петра I, наше правительство никогда не отличалось строгою послѣдовательностью въ своихъ начинаніяхъ, по крайней мѣрѣ по внутреннему, гражданскому управленію. Въ этомъ отношеніи мы не избалованы. Начало всякаго новаго царствованія почти всегда знаменовалось законодательнымъ кризисомъ; иногда даже кризисъ наступалъ въ серединѣ царствованія. Въ такомъ случаѣ, оно распадалось на двѣ половины, изъ которыхъ вторая посвящалась ломкѣ всего построеннаго въ первой. Поколѣніе нынѣ старѣющее испытало это въ 1849 году. Но нельзя не сознаться, что въ послѣднее время реакціи стали наступать гораздо неожиданнѣе чѣмъ въ былыя времена и непосредственно за каждымъ шагомъ впередъ. Опросите еще свѣжія у всѣхъ воспоминанія.

Въ одно прекрасное утро, Россія принимаетъ праздничный видъ — правительство открываетъ новое сооруженіе, только что возведенное имъ по зрѣло обдуманному плану, и вводитъ въ него общество, выражая послѣднему свои надежды и полное свое довѣріе. Общество кланяется, благодаритъ и выражаетъ свою безграничную вѣру въ правительство. Правительство, въ свою очередь, благодаритъ общество за довѣріе и обѣ стороны расходятся въ умиленіи. На другой день, изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, падаетъ на новое зданіе первый косой взглядъ. За ночь, люди, стоявшіе въ сторонѣ покуда кипѣла работа, открыли въ немъ какіе то капитальные пороки возбуждающіе сомнѣніе въ его прочности. Обыкновенно, какъ особенно опасное выставляется то обстоятельство, что фундаментъ слишкомъ широкъ и заложенъ черезъ чуръ прочно, а верхнія надстройки слишкомъ легки; гораздобы лучше наоборотъ: на жидкомъ фундаментѣ поставить грузное зданіе. На третій день, правительство выходитъ на площадь, кается всенародно въ своихъ ошибкахъ и пугаетъ общество грозящимъ крушеніемъ. Общество, только что размѣ-

стившееся на своемъ новосельѣ, оглядывается въ недоумѣніи и уходитъ покачивая головою; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно утихаетъ. На четвертый день, отряженными мастерами этого дѣла замазываются нѣкоторыя окна и заколачиваются нѣкоторыя двери. На пятый, правительственное сооруженіе отдается подъ стражу, наряжается слѣдственная коммиссія и объявляется конкурсъ на тему: „какъ бы разнести зданіе, но такъ, чтобъ не было ни стука ни пыли и чтобъ этого не замѣтили ни Русской народъ ни Европа?“ Этой только минуты и выжидали „охранительные люди“ какъ Вы ихъ называете; почуя ломку, они оживаютъ, скликаются, напрягаютъ свое воображеніе и проэкты сыплятся со всѣхъ сторонъ

Вспомните кѣмъ приводилось въ исполненіе положеніе 19. Февраля и какъ относились внутренно къ этому дѣлу высшіе его руководители, по выходѣ изъ министерства покойнаго С. С. Ланскаго; вспомните какъ встрѣтилъ Святѣйшій Синодъ попытки общества воспользоваться положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ; переберите дополнительные и пояснительные указы и циркуляры къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ; перечтите рескрипты на имена Князя Гагарина и Графа Толстаго; просмотрите роскошныя изданія коммиссіи по изслѣдованію сельской производительности въ Россіи и другой коммиссіи о волостныхъ судахъ, кажется не вполнѣ понявшей, или незахотѣвшей понять чего отъ нея ожидали; сравните первое положеніе о цензурѣ съ нынѣ дѣйствующими правилами и съ теперешнею практикою, положеніе о народныхъ школахъ 1864 съ положеніемъ 1874 года; примите наконецъ въ соображеніе придуманную въ послѣднее время систему постепенной урѣзки круга дѣйствій общественныхъ учрежденій и передачи цѣлыхъ категорій ввѣренныхъ имъ дѣлъ разнымъ коллегіальнымъ инстанціямъ смѣшаннаго состава, съ перевѣсомъ чиновничьяго элемента надъ обществен-

нымъ, и затѣмъ разсудите: разумноли ожидать полнаго успѣха отъ учрежденій ежедневно колеблемыхъ и можно ли, при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, требовать отъ общества единства въ мнѣніяхъ и выдержки въ дѣйствіяхъ? — Къ несчастью, эти условія какъ видно нескоро минуютъ.

По слухамъ доходящимъ изъ Петербурга, за программу изложенную въ Вашей книгѣ идетъ теперь сильное теченіе въ оффиціальныхъ кругахъ; увѣряютъ даже, что въ будущемъ, судя по нынѣшнему расположенію лицъ представляющихъ будущее, успѣхъ ея почти обеспеченъ и что даже нынѣ или завтра онъ весьма вѣроятенъ.

Слухи эти находятъ косвенное подтвержденіе въ совершившемся фактѣ. Вопреки смыслу Высочайшаго рескрипта 29 Января 1865 года, огласившаго на всю Россію что „ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій“, Петербургскому дворянству недавно было разрѣшено, въ *сословномъ* своемъ собраніи, подвергнуть обсужденію вопросъ *всесословнаго* интереса, о новой организаціи волостей, вопросъ *земскій* по существу и передъ тѣмъ только что обсуждавшійся въ земскихъ собраніяхъ.

Итакъ, наступаетъ повидимому новый законодательный и вмѣстѣ общественный кризисъ; надвигается новая историческая напраслина сверху и намъ остается привести себя въ такое же настроеніе духа съ какимъ покорный паціентъ, привязанный къ постели, готовится встрѣтить не по разуму усерднаго фельдшера, охотника до трудныхъ операцій и собирающагося учинить опытъ надъ anima vili.

Неисправимый славянофилъ, я всетаки вѣрю, что Россія, уйдя внутрь себя, оттерпится и на сей разъ и не умретъ подъ ножемъ; но когда она очнется, ощупаетъ себя и станетъ на ноги, найдетъ ли она при себѣ прежнюю свою вѣру въ правительство, въ крѣпость его слова, въ твердость его намѣреній, въ прочность и надежность его твореній? —

вотъ, мнѣ кажется, о чемъ слѣдовалобы подумать прежде чѣмъ браться за ломъ.

Отвѣтъ мой на Вашъ обязательный вызовъ далеко перерось позволительные размѣры письма, а вопросъ всетаки далеко еще не исчерпанъ. Въ надеждѣ, что Вы, при случаѣ, не откажите мнѣ въ возможности продолжить на словахъ бесѣду начатую письменно, прошу Васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и преданности.

ЮРІЙ САМАРИНЪ.

Всесословная волость

по проэктамъ петербургскихъ дворянъ.

Со времени освобожденія крестьянъ, многое перемѣнилось въ настроеніи русскаго общества. Волненіе, которое охватило тогда образованные классы, постепенно улеглось. Къ новому порядку стали относиться спокойнѣе. Потрясеніе оказалось не такъ опасно, какъ того ожидали. Правда, учрежденія замѣнившія власть помѣщиковъ не всегда дѣйствовали исправно. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ не рѣдко вызывала жалобы и сверху и снизу. Крестьянское самоуправленіе тоже оказалось не безупречно. Его недостатки ни для кого не составляютъ тайны. Съ ними приходилось бороться и правительству и земству. Но четырнадцать лѣтъ, протекшіе послѣ великой реформы, успѣли обнаружить и крѣпкія ея стороны. Онѣ высказались съ такою силой, на которую не дерзали разсчитывать самыя смѣлыя надежды. Не только порядокъ, въ смыслѣ общественнаго спокойствія, былъ мало нарушенъ, но даже экономическія отношенія начали быстро входить въ новую колею. Въ земскихъ собраніяхъ крестьяне оказались рѣшительными консерваторами. Они, въ значительной степени, подчинились вліянію помѣщиковъ. Лучшее доказательство — земскія раскладки, въ которыхъ личные землевладѣльцы такъ часто пользуются бо́льшими льготами чѣмъ крестьяне. Тоже подтверждаютъ губернскія земскія собранія, даже своимъ составомъ: они наполнены, почти исключительно, дворянами. Въ числѣ губернскихъ гласныхъ, по-

падается много лицъ, когда то извѣстныхъ какъ противники эмансипаціи. Какъ видно, это не препятствуетъ избранію ихъ уѣздными собраніями, почти оставленными землевладѣльцами и переполненными крестьянами. Замѣчательно, что хотя въ провинціяхъ дворянство иногда и жалуется на ходъ крестьянскаго самоуправленія, но эти жалобы чаще вызываются дѣйствіями мировыхъ посредниковъ чѣмъ самихъ крестьянъ. Въ послѣдніе годы, въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, личные землевладѣльцы предлагали ходатайствовать объ упраздненіи должности посредниковъ. Изъ этого можно заключить, что опека надъ сельскою общиною не составляетъ, въ ихъ глазахъ, особеннаго блага.

Но пока Россія сживалась съ новымъ порядкомъ, въ Петербургѣ вновь раздались голоса о необходимости измѣнить его. Недостатки крестьянскаго самоуправленія выставлялись въ сѣверной столицѣ какъ прямой результатъ недостаточнаго вліянія образованныхъ классовъ. Утверждали, что въ Россіи не будетъ порядка, пока демократическою массою не будетъ руководить консервативная мысль высшаго сословія. Первая форма, въ которую облеклась эта тенденція, состояла въ предположеніи поставить надъ сельскими обществами *вытныхъ головъ*, какъ высшую инстанцію. Эта мысль не имѣла успѣха, ни въ правительственной сферѣ, ни въ обществѣ. Правительство хорошо понимало, что подчинить крестьянъ такой новой опекѣ, значилобы для него раздѣлывать собственными руками свое дѣло. Общество, едва успокоившееся послѣ сильнаго потрясенія, не хотѣло новой ломки. Оно желало отдохнуть и мирно устроивать свое хозяйство. Надобно сознаться, что и форма для консервативной тенденціи была выбрана очень неудачно. Она слишкомъ напоминала гминныхъ войтовъ, съ которыми правительству пришлось еще недавно бороться въ Польшѣ и въ западномъ краѣ.

Пять лѣтъ тому назадъ, явилась другая попытка — учредить всесословную волость, въ которую одинаково вошли

бы и личные землевладѣльцы и крестьяне. Эта мѣра выставлялась какъ необходимое послѣдствіе эмансипаціи, какъ требованіе равноправности и средство улучшить положеніе самихъ крестьянъ. Извѣстно, что между Петербургомъ и провинціями есть какое то недоразумѣніе, которое давно уже мѣшаетъ имъ понимать другъ друга. Въ силу этого историческаго недоразумѣнія, провинціи вовсе не поняли куда клонилась предлагаемая мѣра. Нѣкоторые вообразили, что крестьяне получатъ право выбирать въ волостные старшины сосѣднихъ помѣщиковъ и отзывались объ этомъ одобрительно; другіе, въ консервативной затѣѣ Петербурга, усмотрѣли новое посягательство на дворянскую собственность, стремленіе обложить ее волостными сборами, и, разумѣется, негодовали. Наконецъ, недоразумѣнія стали по немногу выясняться. Въ Декабрѣ 1870 года, въ Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, гласный Платоновъ предложилъ „поручить управѣ разработать вопросъ объ учрежденіи земскихъ всесословныхъ волостей“ пригласивъ къ участію въ работѣ предсѣдателей уѣздныхъ управъ и нѣкоторыхъ губернскихъ гласныхъ. Проэктъ предполагалось разослать на заключеніе уѣздныхъ собраній и затѣмъ обсудить въ губернскомъ. — Онъ былъ представленъ въ концѣ 1871 года, но безъ отзывовъ уѣздныхъ собраній, такъ какъ губернская управа не успѣла получить ихъ, по краткости времени. Главныя черты его были слѣдующія. Къ волости предполагалось примѣнить, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, ту систему представительства, которая существуетъ въ земскихъ собраніяхъ. Волостная дума должна была назначаться двумя избирательными сходами, каждымъ отдѣльно: къ одному причислялись личные собственники владѣющіе имуществомъ не ниже 2000 руб. стоимости, и уполномоченные отъ тѣхъ мелкихъ собственниковъ, которыхъ имущество стоитъ не менѣе 200 р. Число уполномоченныхъ опредѣлялось по числу полныхъ цензовъ, слагающихся изъ мелкихъ владѣній. — Другой сходъ, общинниковъ, т. е. крестьянъ, состоялъ изъ

уполномоченныхъ отъ каждыхъ 10 дворовъ. Число гласныхъ, выбираемыхъ тѣмъ и другимъ сходомъ, распредѣлялось между ними не поровну, а сообразно съ суммой оцѣнки всѣхъ недвижимостей, принадлежащихъ той или другой категоріи владѣльцевъ, при чемъ однако не запрещалось каждому разряду избирателей выбирать своихъ гласныхъ и изъ другого разряда. Такимъ образомъ, предполагалось, что изъ числа 30 гласныхъ, личные собственники будутъ выбирать приблизительно 20, а крестьяне 10. При такомъ обеспеченіи перевѣса за личною собственностью, губернская управа считала возможнымъ установить полное равенство между всѣми классами населенія, какъ въ отбываніи волостныхъ повинностей, такъ и въ зависимости отъ волостнаго начальства. Волостной голова могъ быть избранъ изъ числа всѣхъ гласныхъ безразлично. Къ нему переходили всѣ права и обязанности нынѣшняго волостнаго старшины, съ одинаковымъ отношеніемъ къ уѣздной полиціи, но ему предоставлялось также и право почетныхъ мировыхъ судей разбирать гражданскія дѣла на всякую сумму, при согласіи на то обѣихъ сторонъ. Этому проэкту не суждено было дождаться разсмотрѣнія. Сначала, оно было отложено до полученія отзывовъ уѣздныхъ собраній. Эти отзывы поступали въ теченіи всего 1872 и 1873 годовъ. Надобно сказать, что нѣкоторыя земскія управы подвергли губернскій проэктъ серьезной и жестокой критикѣ. Особенно замѣчательны возраженія Петербургскаго уѣзднаго земства. Неопровержимыми цифрами, оно доказало, что большая часть постановленій проэкта находится въ противорѣчіи съ мотивами, изложенными въ объяснительной запискѣ губернской управы и что ни одна изъ предположенныхъ цѣлей не достигается предлагаемыми средствами. Изъ статистическихъ данныхъ, тщательно собранныхъ уѣздною управою, оказалось, что въ Петербургскомъ уѣздѣ высшіе классы составляютъ только 6,14% (или 1399 лицъ) на все населеніе въ 22,799 человѣкъ. Изъ этого небольшаго про-

цента слѣдовало выключить еще духовенство. Поэтому, личные землевладѣльцы, по мнѣнію управы, были-бы совершенно задавлены крестьянской массою. Повѣряя свой выводъ по двумъ волостямъ, взятыми на удачу, она убѣдилась, что волостные выборы, и при новой организаціи, сохранятъ свой крестьянскій характеръ. Въ одной изъ этихъ волостей, (именно Бѣлоостровской) стоимость собственности составила бы: у землевладѣльцевъ 725 цензовъ, у торговцевъ 200, а у крестьянъ 429 цензовъ. Но личное землевладѣніе представлено въ волости всего двумя совершеннолѣтними лицами, а промышленная собственность только 4-мя: отсюда слѣдуетъ, что хотя, по губернскому проэкту, собственникамъ надо было бы выбрать 20 гласныхъ, а крестьянамъ только 10 „но въ дѣйствительности произойдетъ слѣдующее: крестьяне выберутъ изъ своей среды всѣхъ 10 гласныхъ; съѣздъ же личныхъ землевладѣльцевъ, избравъ всѣхъ 6 присутствующихъ, остальныхъ 14 вынужденъ будетъ взять изъ крестьянской среды.“ Не менѣе сильна и критика общихъ началъ реформы. Петербургская уѣздная управа не видитъ необходимости въ новой связи между всѣми классами населенія, которою, по мнѣнію губернскаго земства, слѣдуетъ замѣнить неудачную связь крѣпостнаго права. Соглашаясь съ губернскою управою, что крѣпостное право связывало помѣщиковъ съ крестьянами очень неудачно, она думаетъ однако, что замѣнять его чѣмъ либо было-бы столь же неудачно, такъ какъ „связивать закономъ тѣхъ, между кѣмъ сама жизнь не установила достаточной внутренней связи, было-бы услугою весьма плохой для обѣихъ сторонъ.“ Она утверждаетъ также, что „взаимные интересы между хорошими помѣщиками и крестьянами находятъ себѣ и теперь достаточно удовлетворенія.“ Наконецъ петербургская управа не видитъ въ устройствѣ волостнаго правленія никакихъ условій для развитія крестьянской нравственности, которую можетъ улучшить школа, а никакъ не волостное правленіе, кто-бы ни сидѣлъ въ немъ.

Другія земства ограничились возраженіями на подробности, но мнѣніе одного изъ нихъ не лишено значенія. Царскосельское земство, въ которомъ г. Платоновъ предсѣдательствовалъ въ качествѣ мѣстнаго предводителя, убѣдилось, повидимому, въ полной несостоятельности предложенія, сдѣланнаго имъ губернскому земству. Оно постановило „отклонить этотъ вопросъ и ожидать почина со стороны правительства.“

Эта-ли суровая критика, или что другое, заставляло губернское земство отнестись равнодушно къ своему проэкту. Между тѣмъ, реформа постучалась въ другую дверь и она отворилась ей. Петербургское дворянство рѣшилось не ждать конца земской работы и взять вопросъ въ свои руки. Узнавъ объ этомъ, земство немедленно поставило подождать съ своей стороны и отложить разсмотрѣніе проэкта, пока тотъ же вопросъ не будетъ обсужденъ дворянствомъ. Всесословное учрежденіе, съ примѣрнымъ смиреніемъ, стушевалось передъ сословнымъ.

Въ Дворянскомъ собраніи 1873 г. не было и рѣчи о земской работѣ, какъ будто-бы ея и не существовало, хотя, какъ мы увидимъ, поборниками всесословной волости явились здѣсь тѣже лица, и въ числѣ ихъ самъ г. Платоновъ. Но возбужденіе вопроса принадлежало уже не одному г. Платонову, а вмѣстѣ съ г. Савельевымъ, который представилъ обширный проэктъ, снабдивъ его тоже обширной запискою. Существенное отличіе проэкта г. Савельева отъ земскаго состоитъ въ рѣшительности, съ которою принимаются мѣры для обеспеченія перевѣса личному землевладѣнію. Г. Савельевъ первый открыто заговорилъ о вотчинной полиціи. Съ другой стороны, онъ также рѣшительно поступаетъ и съ избирательной системой. Ему пришелъ въ голову оригинальный способъ освободить крестьянъ отъ лишняго числа представителей. Волостные обиватели дѣлятся у него на три избирательныхъ схода: крупные собственники, мелкіе собственники и крестьяне. Каждый изъ сходокъ из-

бираетъ по 10 гласныхъ. Для первыхъ двухъ категорій, величина имущественнаго ценза установляется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Что касается до крестьянъ, то ихъ гласные это сельскіе старосты, изъ которыхъ ежегодно отряжается потребное число въ волостную думу. Дума, выбранная такимъ способомъ, въ свою очередь выбираетъ волостное правленіе, состоящее изъ головы и его помощниковъ. Такимъ образомъ, волостное правленіе контролируется, со стороны землевладѣльцевъ, независимыми гласными, а со стороны крестьянъ — подчиненными волостнаго правленія. Савельеву принадлежатъ также два другихъ изобрѣтенія: онъ ставитъ волостнаго голову очень независимо относительно уѣздной полиціи, подчиняя его прямо губернатору; онъ же дѣлаетъ первый шагъ къ уничтоженію крестьянскаго суда, замѣняя его мировымъ судьею, съ двумя засѣдателями отъ крестьянъ. О проэктѣ Г. Платонова мы скажемъ ниже, по тѣсной связи его съ преніями нынѣшняго года.

Проэктъ г. Савельева не былъ разсмотрѣнъ дворянствомъ, точно также какъ и проэктъ г. Платонова. Судя по тому, что дворянство приступило къ собственной работѣ, можно заключить, что придуманныя ими организаціи не были одобрены. Но мысль ихъ встрѣтила большое сочувствіе, особенно въ той яркой формѣ, въ которой она обрисовалась въ объснительной запискѣ г. Савельева. Цѣль была указана ясно: уничтожить русскую сельскую общину „отъ подобія которой, въ лицѣ парижской коммуны, содрогнулась вся Европа.“ Вопросъ былъ сразу перенесенъ на другую почву. Дѣло шло уже не объ улучшеніи волостнаго управленія и хозяйства, но объ усиленіи власти, которую нужно передать землевладѣльцамъ. Такъ какъ спасать отечество можно и личными подвигами, не расходуя собственныхъ денегъ, то дворянское собраніе отклонило „всякое предположеніе о *хозяйственной* всесословной волости.“ Это значило, что спасаемые крестьяне не будутъ облагать своихъ спасителей. Начала,

на которыхъ признано полезнымъ устроить новое самоуправленіе, были слѣдующія: 1) уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на судебно-полицейскія волости; 2) во главѣ каждой волости долженъ стоять образованный старшина, съ правами мироваго судьи, мироваго посредника и судебнаго слѣдователя; 3) личные землевладѣльцы должны получить полицейскія права на своихъ земляхъ; 4) уѣздные расходы не должны быть увеличены. Начертавъ такую программу, собраніе выбрало коммиссію для составленія проэкта.

Проэктъ представленъ коммиссіей чрезвычайному собранію нынѣшняго 1875 года. Вмѣстѣ съ нимъ, представленъ особый проэктъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, который не согласился съ большинствомъ коммиссіи.

Изъ того, что инціативу всесословной реформы беретъ на себя сословное собраніе, легко было заключить, что и точка зрѣнія будетъ сословная. Тѣмъ страннѣе и пріятнѣе было видѣть, что коммиссія указала, какъ на свои образцы, нетолько на Саксонскія и Баденскія постановленія 1855 года, но также и на Прусское уѣздное положеніе 1872 года. Какъ она съумѣла соединить законы изъ эпохи нѣмецкой реакціи съ либеральной политикой объединенной Германіи, коммиссія не поясняетъ; но ея предсѣдатель (князь Лобановъ-Ростовскій) настаивалъ на томъ, что ея проэктъ проникнутъ однимъ духомъ съ прусскимъ закономъ, прибавляя, что „вѣритъ болѣе князю Бисмарку, чѣмъ нашимъ дѣятелямъ.“ Но Прусское уѣздное положеніе, какъ извѣстно, вовсе не усиливаетъ власти землевладѣльцевъ, хотя и привлекаетъ ихъ къ самоуправленію. Оно скорѣе проникнуто противоположнымъ стремленіемъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить его исторію. Это положеніе вырабатывалось съ 1866 по 1872 годъ, нѣсколько разъ обсуждалось палатами, перерабатывалось правительствомъ, которое вызывало экспертовъ, и въ послѣдней своей редакціи одобрено парламентской коммиссіей, считавшей между своими членами извѣстнаго Ласкера. Трудно повѣрить,

чтобъ этотъ депутатъ былъ особеннымъ сторонникомъ вліянія землевладѣльцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, новое положеніе окончательно освобождаетъ крестьянскую общину отъ помѣщиковъ, основывая самоуправленіе на равноправности выборнаго элемента и на сильномъ контролѣ правительства. Въ Пруссіи, до послѣдней реформы, существовали такъ называемые Standesherren, имѣвшіе верховныя права нетолько надъ селами и волостями, но даже и надъ городами. Въ Пруссіи, множество землевладѣльцевъ были наслѣдственными старшинами и судьями (Schulze und Richter) и пользовались вотчинною полиціей (gutsherrliche Polizei). Положеніе все это отмѣняетъ (см. 3 отд. и 4 отд. § 46). Въ Пруссіи, до 1872 года, дѣйствовали особыя уѣздныя положенія для провинцій, выходившія между 1825 и 1828 годами. Въ этихъ уѣздныхъ положеніяхъ, крупнымъ землевладѣльцамъ предоставлялся, въ уѣздныхъ собраніяхъ, личный голосъ. Положеніе 1872 года лишило ихъ личнаго голоса и образовало изъ нихъ избирательные съѣзды. Чтобъ понять значеніе этой мѣры, стоитъ взглянуть на статистическую таблицу: число членовъ отъ дворянства уменьшилось, гдѣ на половину, а гдѣ на двѣ трети.

Посмотримъ теперь, какъ поняла свою задачу петербургская коммиссія и съ какими сторонами нашего общественнаго быта она повело борьбу. Разсматривая недостатки существующихъ учрежденій „мы видимъ, говоритъ коммиссія: 1) частую безнаказанность проступковъ, по случаю отдаленности мироваго судьи, 2) частое отсутствіе справедливости въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ“, 3) недостаточное число непремѣнныхъ членовъ уѣзднаго присутствія, лишающее ихъ возможности слѣдить за законностью сельскаго самоуправленія, которое находится въ анархическомъ состояніи; 4) отсутствіе на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ низшей полиціи и 5) значительное вліяніе на сходахъ лицъ неблагонадежныхъ. Г. Платоновъ и графъ Орловъ - Давыдовъ высказываютъ

свои мотивы менѣе подробно. Они указываютъ на „недостатокъ власти“ но кто, по ихъ мнѣнію, особенно нуждается въ власти, не подлежитъ сомнѣнію, когда вслѣдъ за тѣмъ говорится объ „обращеніи мировыхъ посредниковъ на истинный путь“, или, въ еще болѣе ясныхъ выраженіяхъ, упоминается эманципація, уничтожившая „*сосредоточеніе* власти“.

И такъ, задача во всякомъ случаѣ не та, какую поставило себѣ прусское правительство въ 1872 году. Пруссія хотѣла снять опеку съ крестьянства; у насъ, напротивъ, предполагается ее усилить. Но чтобъ мотивировать необходимость подобной мѣры, нужно-бы, казалось, не ограничиваться поголовнымъ осужденіемъ крестьянскаго самоуправленія, а разсмотрѣть ближе всѣ его стороны и его отношеніе ко всему общественному быту. Положимъ, что въ волостныхъ и сельскихъ общинахъ царствуетъ анархія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ уничтожить ее могли именно землевладѣльцы. Положимъ, что число непремѣнныхъ членовъ недостаточно (хотя, замѣтимъ, это еще не успѣло оказаться), но отсюда нельзя еще вывести, чтобъ нужно было замѣнить ихъ земскими головами. Средства противъ анархіи могутъ быть различныя, смотря потому, отъ чего она происходитъ. Если анархія есть напримѣръ только результатъ непривычки къ дѣлу, то усиленіе надзора не есть лучшее средство противъ нея. Дворянству извѣстно, что незрѣлость сословныхъ учрежденій всего менѣе лечится отдачею ихъ подъ опеку. Дворянскія собранія тоже когдато выбирали грабителей-исправниковъ и взяточниковъ-судей, и однако никогда не требовали для себя опеки, хотя отъ этой анархіи страдало и не одно ихъ сословіе. Когда Новгородскій намѣстникъ Сиверсъ писалъ Екатеринѣ II., что дворянство уклоняется отъ выборовъ, что выборныя мѣста наполнены лихоимцами, то она отвѣчала ему одними увѣщаніями о терпѣніи. Мы думаемъ, что великая Государыня была права.

Мы ждали поэтому отъ коммиссіи подробной оцѣнки

мѣстнаго самоуправленія. Но, вмѣсто этого, мы находимъ одни восклицанія и примѣры, по ихъ краткой неопредѣленности, похожіе на фиктивные, въ родѣ тѣхъ, которые приводятся въ грамматикахъ, для объясненія общаго правила. Такъ на примѣръ по поводу безнаказанности проступковъ, коммиссія восклицаетъ въ скобкахъ: „кому охота ѣздить жаловаться за 50 верстъ на воровство въ 2 или 3 руб.!“ Потребность въ ближайшей власти подтверждается разсказомъ о 50 дубахъ, похищенныхъ крестьянами: какой то помѣщикъ, по требованію какой то управы, отпустилъ ихъ на постройку какого то моста, а крестьяне развезли бревна по дворамъ. Но почему же этотъ фактъ доказываетъ необходимость надзора? Развѣ надзоръ не существовалъ еще не давно въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и не существуетъ до сихъ поръ въ лицѣ волостныхъ старшинъ? А если усмотрѣть трудно, то не доказываетъ ли это вовсе не отсутствіе власти, а затруднительность и неразумность натуральной повинности? Графъ Орловъ-Давыдовъ повѣствуетъ намъ другой фиктивный, или не точно переданный случай, выводя изъ него несостоятельность судебныхъ мировыхъ установленій: „два сосѣда идутъ за *расправой* къ мировому посреднику, отъ него къ мировому судьѣ, который *захочетъ* производить дознаніе — ихъ потребуютъ въ становую квартиру и кончатъ дознаніе; сосѣди опять идутъ къ мировому судьѣ, а деревня, можетъ быть, въ 25 верстахъ и отъ становаго пристава и отъ мироваго судьи; и выходятъ они такимъ образомъ верстъ сто, а дѣло, можетъ быть, кончится двумя рублями.“ Что можно вывести изъ такого разсказа, гдѣ нѣтъ ни лицъ, ни обстоятельствъ дѣла? Здѣсь, что̀ ни слово, то явное противорѣчіе или съ Судебными уставами, или съ Положеніемъ о крестьянахъ. Гдѣ происходили эти отсылки отъ Анны къ Каіафѣ? Кто эти сосѣди? Зачѣмъ имъ вздумалось идти за *расправой* къ мировому посреднику, который разбираетъ спорныя дѣла только между землевладѣльцами и ихъ крестьянами или рабочими? Что это

за *расправа?* Если это расправа гражданская, т. е. частный искъ, то къ чему тутъ *дознаніе?* Если расправа уголовная, то зачѣмъ тутъ мировой посредникъ, а не волостной судъ, или прямо мировой судья?

Да не подумаетъ читатель, что выставляя неудачности примѣровъ, мы увлекаемся праздным желаніемъ заподозрить, дешевымъ способомъ, серьозность работы. Мы думаемъ, что еслибы составители проэктовъ потрудились собрать поболѣе фактовъ и обдумать ихъ, то самая точка зрѣнія на реформу могла бы у нихъ измѣниться. Можетъ быть, оказалось бы даже, что никакой реформы, въ томъ смыслѣ какъ она задумана, вовсе не нужно. Такъ напр., если главное зло въ отдаленности власти, то плохое средство помочь горю — замѣнить нынѣшняго волостнаго старшину, дѣйствующаго на 12 верстахъ въ окружности, другимъ волостнымъ старшиной, дѣйствующимъ на протяженіи цѣлаго мироваго участка. Если сосѣдямъ графа Орлова-Давыдова далеко ходить къ мировому судьѣ, то почему же имъ ближе идти, за тѣже 25 верстъ, къ волостному головѣ? Теперь, по крайней мѣрѣ, сосѣди ходятъ къ мировому судьѣ только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ не крестьянинъ, а по упраздненіи волостнаго суда, путешествія сдѣлаются обязательны во всякомъ случаѣ. Если для сокрушенія анархіи нуженъ сильный надзоръ за крестьянами, то можно-ли не требовать отъ должностныхъ лицъ постояннаго присутствія въ уѣздѣ и частыхъ разъѣздовъ, сдѣлавъ въ тоже время „должность ихъ уважаемою“, т. е. вѣроятно и дѣятельною, потому что бездѣйствующей власти никто не уважаетъ. Если, наконецъ, справедливо замѣчаніе г. Платонова, что между крестьянами развивается безнравственность, теряется уваженіе къ родителямъ и старикамъ, вслѣдствіе того, какъ говоритъ Царскосельскій предводитель, „что молодые люди пріобрѣли самостоятельность“ то неужели, для внушенія почтительности, нужно и стариковъ отдать подъ опеку? Развѣ это усилитъ къ нимъ уваженіе? Развѣ волостное

правленіе, когда членами его будутъ землевладѣльцы, сдѣлается проповѣдникомъ нравственности, соперничая въ этомъ съ церковью и школою? Если власть въ состояніи возстановить нравственность въ народѣ, то какимъ образомъ крѣпостное право не успѣло, въ теченіи вѣковъ, укрѣпить ее настолько, чтобъ она простояла 14 лѣтъ послѣ его упраздненія? Нѣтъ, видно, палка плохое орудіе проповѣди!

Вотъ почему мы думаемъ, что не мѣры, которыя предлагаются, вытекаютъ изъ мотивовъ, а наоборотъ мотивы подобраны къ мѣрамъ. Было рѣшено a priori, что землевладѣльцы должны стать во главѣ самоуправленія, а затѣмъ дворянство начало придумывать, чѣмъ мотивировать ихъ появленіе. Другими словами: не личные землевладѣльцы потребовались для власти, а власть потребовалась для землевладѣльцевъ.

Отсюда всѣ затрудненія составителей проэктовъ. Имъ пришлось принаравливаться къ нравамъ и привычкамъ землевладѣльческаго класса. А эти нравы, надобно сознаться, представляютъ много несовмѣстимаго съ хорошимъ управленіемъ. При этомъ легко было упустить изъ виду интересы и правительства и земства. Мы думаемъ, что отъ фальшивой постановки вопроса рискуетъ пострадать и значеніе дворянства, какъ общественной силы.

Затрудненія отразились, прежде всего, въ основномъ принципѣ предполагаемой реформы. Коммиссія сознается, что „къ несчастію, образованный элементъ въ уѣздѣ не великъ и мало изъявляетъ готовности жертвовать своимъ временемъ для общественной пользы“, что за службу земству требуютъ значительнаго жалованья, на уплату котораго земскія средства недостаточны. Чтобъ выдти изъ этого логическаго круга, чтобъ не платить жалованья, котораго однако „требуютъ“, коммиссія придумала безвозмездную службу, но такую, которая отправлялась-бы лишь тогда, когда землевладѣльцамъ есть время.

По поводу этой безвозмездной службы было много шума въ дворянскомъ собраніи. Если коммиссія, только что признавъ нерасположеніе землевладѣльцевъ къ даровой службѣ, сейчасъ же начала питать надежду, „что образованные землевладѣльцы *охотно* примутъ на себя безвозмездное отправленіе обязанностей“, то собраніе увлеклось еще болѣе розовыми мечтами. Повторился тотъ непостижимый пріемъ, которымъ отличаются наши дворянскія собранія, особенно когда рѣчь заходитъ о реформахъ нынѣшняго царствованія. Какъ будто не вѣря въ собственное призваніе, дворянство ощутило потребность доказать себя. Дворяне пустились доказывать другъ другу, что ихъ сословіе не отжило, что они всегда отличались преданностію государю и любовью къ отечеству, способною на всякія жертвы. Упоминалось даже о древности русскаго дворянства, въ рядахъ котораго есть потомки Рюрика. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего общаго съ всесословной волостью, и возможность реформы не была бы доказана, еслибъ, среди изліяній чувства, не высказывалась мимоходомъ и та дѣйствительная причина, по которой общественная служба, требующая теперь денегъ, можетъ превратиться въ безвозмездную. „Одна изъ причинъ (говоритъ князь Лобановъ-Ростовскій) бѣгства землевладѣльцевъ въ города и за границу заключается въ томъ, что личность и имущество недостаточно ограждены“. Какъ оградить расхищаемое имущество, на доходы съ котораго бѣжавшіе землевладѣльцы проживаютъ за границею, пояснилъ другой ораторъ собранія, откровенный г. Платоновъ (тотъ самый г. Платоновъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ требовалъ земской думы). По его словамъ, сами крестьяне приходили къ нему и говорили: „возвратите намъ власть помѣщиковъ!“

Вотъ при какомъ условіи возможна даровая служба. Возвратить власть помѣщикамъ! — это уже не такъ безвозмездно. Но кромѣ ссылокъ на крестьянскіе комплименты, въ собраніи приводились и другіе аргументы, менѣе чувствитель-

наго свойства. Говорилось, что въ цѣлой Европѣ самоуправленіе лежитъ на землевладѣльческомъ классѣ. Сама коммиссія указывала на примѣры безплатной службы въ Англіи, Германіи и даже демократической Франціи. Объ этихъ примѣрахъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Они показываютъ какъ пользовалась коммиссія, а съ нею и собраніе, своими матеріалами.

Извѣстно, что безвозмездная служба, во всѣхъ государствахъ Европы, болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ. Причина понятна: съ усложненіемъ общественной жизни, служба спеціализируется, требуетъ не мало подготовки и много времени, а слѣдовательно и соразмѣрнаго вознагражденія за трудъ. Въ самой Англіи, кромѣ мировыхъ судей, есть множество оплачиваемыхъ мѣстныхъ должностей. Приходскія управленія наполнены лицами, получающими жалованье, а мировые судьи — должность не чисто административная, но судебно-полицейская, дающая разрѣшенія въ извѣстныхъ случаяхъ и разбирающая жалобы. Что касается до Пруссіи, на которую такъ любятъ ссылаться петербургскіе реформаторы, то они были введены въ заблужденіе ст. 8 Уѣзднаго Положенія 1872 года, гдѣ сказано: обыватели уѣзда обязаны принимать безплатныя должности въ управленіи и представительствѣ уѣзда.“ Но еслибъ они внимательнѣе просмотрѣли Уѣздное Положеніе, то кромѣ 8 статьи, они нашли бы еще слѣдующія: ст. 28: „Сельскіе старосты (Gemeindevorsteher) имѣютъ право на возмѣщеніе ихъ неизбѣжныхъ расходовъ и вознагражденіе, сообразное съ должностными ихъ трудами. — Это вознагражденіе падаетъ на общину“. Ст. 69: „Волостной старшина (Amtsvorsteher) имѣетъ право на вознагражденіе за свои должностные расходы“. — Изъ этого видно, что ссылка на Пруссію сдѣлана по недоразумѣнію. Статья 8 имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, который придала ей коммиссія. Она просто значитъ, что должностныя лица не въ правѣ требовать жалованья свыше своихъ расходовъ по долж-

ности, что̀ и понятно, при небольшихъ размѣрахъ деревень и волостей въ Пруссіи.

Коммиссія, впрочемъ, могла бы обойтись и безъ ссылокъ на Пруссію. Въ ея проэктѣ далеко не всѣ должности являются безвозмездными. Тѣ, которыя требуютъ работы, оплачиваются какъ и прежнія. Безвозмездную службу несутъ только администраторы, которые администрируютъ когда хотятъ, которыхъ „постоянное присутствіе въ уѣздѣ не требуется“. Оно и понятно: ещебы платить за то, чего не требуется, за временное вмѣшательство въ мѣстныя дѣла, за обязанность отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и подчиняться лицу, пріѣхавшему на лѣто изъ Петербурга!

Мы знаемъ уже, что всесословная волость есть нынѣшній мировой участокъ, или немного менѣе. По примѣру Пруссіи, она дѣлится на сельскія общества и частныя имѣнія, получающія особую организацію. Поэтому внизу, на низшей степени управленія, ничего всесословнаго не имѣется, остается таже самая чрезполосность, которая выставлялась въ дворянскомъ собраніи, какъ главный недостатокъ современнаго порядка.

Сельское общество, которое (говоритъ коммиссія) служитъ „основой для правильнаго развитія самоуправленія“ подвергается полному переустройству. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи не рѣшились тронуть крестьянскихъ обычаевъ, созданныхъ феодализмомъ, у насъ считается возможнымъ посягнуть на форму быта, давно привычную Россіи, и которую щадило само крѣпостное право! Реформаторамъ не нравятся въ деревнѣ „многолюдныя собранія, поддающіяся минутнымъ увлеченіямъ“; имъ нужно, со стороны крестьянъ, то „разумное и спокойное веденіе преній“, которое петербургское дворянство, вѣроятно, еще болѣе цѣнитъ послѣ своей послѣдней сессіи. За образцами для разумнаго сельскаго порядка проэктъ уже не обращается къ Пруссіи. У насъ этотъ разумный порядокъ давно существовалъ и гдѣбы вы думали? — Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ томъ самомъ министерствѣ, ко-

торое, въ былые годы, возбуждало такое негодованіе помѣщиковъ, котораго управленіе они любили ставить ниже крѣпостнаго права. „Если, сказано въ объяснительной запискѣ, половина Россіи *привыкла* къ подобнымъ порядкамъ и эти порядки оказывались цѣлесообразными, то это намъ служитъ ручательствомъ въ томъ, что они могутъ быть примѣнены съ успѣхомъ". Кромѣ дурнаго слога, эти разсужденія поражаютъ еще и своею наивностью. Если одна половина Россіи привыкла къ порядку государственныхъ имуществъ, то развѣ другая половина не привыкла къ міру, существовавшему и при крѣпостномъ правѣ? Если упоминаемые порядки были цѣлесообразны для казны, то слѣдуетъ ли отсюда, что они цѣлесообразны и для свободныхъ крестьянъ? Какая логика!

Новое сельское общество замѣняетъ нынѣшнюю крестьянскую волость. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, на пространствѣ не менѣе 15 верстъ въ окружности, и съ населеніемъ около 1500 душъ. Такимъ образомъ, отождествленіе волости съ приходомъ, установленное положеніемъ 19 февраля, должно исчезнуть, хотя приходъ, какъ территоріальная единица, гораздо древнѣе подраздѣленій государственныхъ имуществъ. Сельскіе сходы дѣлятся на общіе и частные. Частный сходъ есть нынѣшній сельскій; но составъ его существенно измѣняется. Чтобъ устранить отъ сходовъ „неблагонадежныхъ лицъ" и избѣжать многолюдства, коммиссія предполагаетъ создать новую, сельскую аристократію. Извѣстно, что положеніе о крестьянахъ даетъ право голоса всякому домохозяину. Проэктъ установляетъ цензъ въ три душевыхъ надѣла и, сверхъ того, не допускаетъ на сходы: 1) недостигшихъ 21 года, 2) недоимщиковъ, не уплатившихъ недоимки болѣе одного года, 3) приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ, 4) получившихъ и не возвратившихъ ссуду, 5) не уплатившихъ въ срокъ взысканій, судомъ положенныхъ. Нельзя не замѣтить, что проэктъ относится очень строго къ чистотѣ крестьянскихъ сходовъ. Еслибы ему суждено было

осуществиться то, ради послѣдовательности, пришлось бы измѣнить организацію всѣхъ сословныхъ собраній, между которыми, иначе, по безукоризненности состава, первое мѣсто принадлежало бы крестьянамъ. Можно даже усомниться въ возможности примѣнить тѣже исключенія къ дворянскимъ собраніямъ. Кому неизвѣстно на примѣръ, что въ каждомъ № газетъ публикуется о продажѣ дворянскихъ имѣній за неплатежъ ссудной казнѣ; что по государственнымъ сборамъ недоимки взыскиваются съ крестьянъ скорѣе чѣмъ съ помѣщиковъ? Еще страннѣе исключеніе „получившихъ ссуду и не возвратившихъ ея“. Любопытно знать, какъ поступить съ крестьянскимъ обществомъ, которое все состоитъ изъ подобныхъ недоимщиковъ? Исчезнетъ ли оно на время изъ состава сельскаго общества? И не закроются ли мѣстами цѣлыя сельскія общества, лишенныя самоуправленія? Несомнѣнно, что въ Самарской губерніи, послѣ недавняго голода, найдется много волостей, которыя болѣе года не возвратятъ ссуды. Кто будетъ тогда завѣдывать ихъ дѣлами? Наконецъ, одна изъ категорій неблагонадежности опредѣлена такъ неясно, что трудно даже отгадать намѣренія составителей проэкта. Что такое лица, не уплатившія *въ срокъ* взысканій, судомъ положенныхъ? Эти взысканія, конечно, не уголовныя, потому что для нихъ законъ не полагаетъ никакого срока. По этому рѣчь идетъ, вѣроятно, о взысканіяхъ гражданскихъ, напримѣръ: по неуплатѣ помѣщику денегъ за снятую у него землю; но тогда можно ли наказывать политическою мѣрою, лишеніемъ голоса, за неисправность въ частныхъ отношеніяхъ? Что сказало бы дворянство, еслибы всякій опротестованный вексель, всякое предъявленное заемное письмо, лишало дворянина шара и голоса въ дворянскомъ собраніи? Полагаемъ, что число членовъ этихъ свбраній сократилось бы значительно.

Что касается до ценза, то его назначеніе — устранить „бобылей и лицъ постороннихъ, принятыхъ въ общество, но не несущихъ, наравнѣ съ прочими, тяжести обложенія“. Здѣсь

опять неясность: такихъ лицъ въ крестьянскихъ обществахъ не бываетъ. Еслиже требуется устранить именно эти лица, то непонятно, почему, вмѣстѣ съ ними, устраняются нетолько небогатые домохозяева, но также и наслѣдники крестьянина владѣющаго цензомъ, если по смерти его они подѣлились, а въ обществѣ земли мало?

Для чего, въ то самое время, когда надъ крестьянскими обществами воздвигается новый, бдительный надзоръ, потребовалось измѣнять ихъ составъ, осталось бы также непонятнымъ еслибъ искать объясненія только въ устраненіи неблагонадежныхъ лицъ. Свойство крестьянскихъ дѣлъ не таково, чтобъ было много поводовъ проявить свою неблагонадежность. Да и надзоръ за неблагонадежными крестьянами не сдѣлается легче, когда они перестанутъ ходить на сходку. Но у коммиссіи была и другая цѣль, цѣль, которая доказываетъ, что она не до конца враждуетъ съ „бобылями“ и даже непрочь содѣйствовать развитію этого класса, неблагонадежнаго на сходкѣ, но весьма пригоднаго въ другихъ отношеніяхъ.

Эта цѣль высказана въ слѣдующихъ, вразумительныхъ выраженіяхъ:

„Сельское общество можно раздѣлить на трудолюбивыхъ и лѣнивыхъ; послѣдніе стремятся жить на счетъ первыхъ. Они часто противодѣйствуютъ *желанію первыхъ раздѣлиться подворно*, зная, что имъ придется самимъ зарабатывать деньги для уплаты налоговъ. Когда они свой хлѣбъ пропили, то для нихъ опустошаютъ общественные магазины. Полученныя же ссуды на посѣвъ и на продовольствіе они рѣдко возвращаютъ; у нихъ лишній хлѣбъ большею частью проданъ, такъ что часто ихъ клины остаются необработанными. Они составляютъ язву крестьянскаго быта и препятствуютъ обогащенію сельскаго населенія. При лишеніи ихъ права голоса, старательные крестьяне найдутъ имъ заработки и заставятъ трудиться.“

Вотъ и разгадка! Цензъ нуженъ, чтобъ уничтожить общинное землевладѣніе, а вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и тѣ

препятствія, которыя нынѣшній законъ ставитъ къ отчужденію крестьянскихъ надѣловъ. Проэктъ не скрываетъ, что̀ будетъ съ обезземеленными, „лѣнивыми“ крестьянами: старательные крестьяне найдутъ имъ заработки, то есть, обратятъ ихъ въ батраковъ, или въ бобылей, по Петербургской терминологіи.

Но „язва крестьянскаго быта“ должно быть, слишкомъ глубока, и для ея излеченія мало одного ценза. Пріискивается и другое лекарство. Извѣстно, что Общее положеніе о крестьянахъ, допуская вообще на сходахъ рѣшеніе дѣлъ простымъ большинствомъ, для нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ, требуетъ двухъ третей голосовъ. Къ числу ихъ отнесены приговоры о замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ или подворнымъ, и самый раздѣлъ земли на участки. Проэктъ нетолько отмѣняетъ это постановленіе, но выказываетъ особенную заботливость чтобъ не быть непонятымъ. О способѣ рѣшенія дѣлъ на частномъ сходѣ вообще ничего не сказано и надобно поэтому думать, что онѣ всѣ рѣшаются простымъ большинствомъ, но въ статьѣ 12[й], гдѣ они перечисляются, относительно раздѣла земли сдѣлана слѣдующая, пояснительная прибавка: „переходъ отъ общиннаго владѣнія на (sic) участковое, которое (sic) рѣшается простымъ большинствомъ“.

Какимъ глубокимъ незнаніемъ Россіи, какимъ незнаніемъ деревни, вѣетъ и отъ этихъ разсужденій и отъ этихъ мѣръ! Коммиссія думаетъ, что за общинное землевладѣніе держатся только лѣнивые крестьяне. Напротивъ, это именно та часть сельскаго населенія, которая скорѣе всего согласится на раздѣлъ земли. Пропившіеся крестьяне и теперь уже готовы за дешево отдать свои надѣлы. Уже и теперь разные охотники до дешевыхъ покупокъ находятъ средства пріобрѣтать душевые надѣлы раззоренныхъ крестьянъ. Такъ какъ законъ не разрѣшаетъ продажи нераздѣленной крестьянской земли, то изобрѣтаются косвенные способы: крестьяне выдаютъ на себя заемныя письма, производится взысканіе, и при малѣйшей оплошности сельскаго начальства, не съумѣвшаго

во время заявить о принадлежности надѣла всей общинѣ, надѣлъ продается и переходитъ въ руки ловкаго промышленника. Сенатъ издалъ разъяснительные указы о взысканіяхъ съ крестьянъ, но попытки обезземелить ихъ все таки продолжаются. Напротивъ, богатые крестьяне вовсе не спѣшатъ съ раздѣломъ земли. Оно и понятно. Богатые крестьяне хорошо знаютъ, что душевые надѣлы разоренныхъ односельчанъ отъ нихъ не уйдутъ. Они и теперь нерѣдко фактически владѣютъ ими. Зачѣмъ же имъ создавать для себя лишнюю конкурренцію со стороны землевладѣльцевъ и промышленниковъ? Мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда, именно по иниціативѣ богатыхъ крестьянъ, сельскія общества начинали процессы о незаконномъ отчужденіи общинной земли.

Точно также довольно наивно думать, что общественные магазины опустошаются лѣнивыми крестьянами. Они, можетъ быть, и хотѣли бы этого, но ихъ никогда не допустятъ. Общественные магазины истощаются вслѣдствіе непредусмотрительности сельскаго населенія, а иногда этому помогаетъ и равнодушіе богатыхъ крестьянъ къ участи бѣдныхъ. Бѣдные, по большей части, состоятъ въ неоплатномъ долгу у богатыхъ, и, при разборѣ хлѣба, нерѣдко богатые налагаютъ руку и на ссуды выданныя бѣднымъ, погашая этимъ способомъ прежніе долги. Вообще, нѣтъ ничего труднѣе какъ добиться выдачи хлѣбныхъ ссудъ однимъ нуждающимся. Крестьяне, получивъ разрѣшеніе выдавать ссуды, немедленно разбираютъ хлѣбъ поголовно. Во время послѣдняго голода въ Самарской губерніи, уѣзднымъ управамъ стоило немалаго труда получить отъ крестьянскихъ обществъ вѣрные списки нуждающихся: несмотря на безпрестанныя требованія, на возвращеніе невѣрныхъ списковъ, онѣ вновь получали такіе списки, во главѣ которыхъ красовались имена крестьянъ торгующихъ на тысячи рублей и имѣющихъ запасы хлѣба на нѣсколько лѣтъ. Въ прошломъ году состоялось даже Высочайшее повелѣніе строго запрещающее поголовный разборъ хлѣба изъ магазиновъ: до-

казательство до какой степени между крестьянами укоренилось это злоупотребленіе. Источникъ его понятенъ всякому, кто знаетъ сельскую жизнь не по наслышкѣ. Дѣло въ томъ, что внутри крестьянскихъ обществъ уже существуетъ аристократія, которую не нужно поощрять законодательными мѣрами. Это аристократія кулаковъ, богатѣющая на счетъ чужой нужды. Въ интересахъ „обогащенія сельскаго населенія“ о которомъ такъ заботится коммиссія, было бы полезнѣе принимать мѣры противъ этой аристократіи, напримѣръ: открывая бѣднымъ болѣе дешевый кредитъ, чѣмъ содѣйствовать ея развитію, предоставляя бѣднымъ крестьянамъ искать заработковъ.

Если крестьянскій надѣлъ исчезнетъ, если обезземеленіе большей части крестьянъ когда нибудь совершится, то крестьяне-кулаки явятся первыми пріобрѣтателями продаваемыхъ участковъ. Они и мелкіе торговцы, въ особенности содержатели питейныхъ домовъ, постепенно заберутъ ихъ въ свои руки; крупнымъ землевладѣльцамъ будетъ трудно съ ними бороться, потому-что, покупая мелкими участками, они будутъ всегда въ состояніи заплатить дороже. Такой переворотъ обратится не въ пользу ни работнику, ни крупному землевладѣльцу. Работникъ найдетъ въ такихъ мелкихъ собственникахъ власть болѣе жесткую, болѣе требовательную, чѣмъ нынѣшніе землевладѣльцы, а землевладѣльцы менѣе прежняго будутъ находить рабочихъ. Работники будутъ въ вѣчной зависимости отъ мелкихъ эксплуататоровъ, которые съумѣютъ закабалить ихъ займами въ голодное время; тѣже, которымъ это новое крѣпостное право придется не по нраву, будутъ вести бродячую жизнь, гоняясь за большими заработками. Думаемъ, что и крестьянскимъ обществамъ эти обезземеленные крестьяне, рано или поздно, будутъ въ тягость. Между ними будетъ масса нищихъ и средства богатыхъ домохозяевъ будутъ уходить на призрѣніе батраковъ, которые не уживаются въ работникахъ, иногда, можетъ быть вслѣдствіе собственной лѣни или разврата. Нечего и говорить, что при такомъ по-

рядкѣ о вліяніи дворянства на крестьянъ не будетъ и помина. Это вліяніе держится еще тѣмъ, что между помѣщиками и крестьянами есть связь, нетолько близкаго сосѣдства, но и постоянныхъ, давнишнихъ отношеній. Когда же между зелевладѣльцемъ и работникомъ станетъ кулакъ, то вліяніе перейдетъ къ послѣднему, потому-что крестьяне лучше его понимаютъ и болѣе боятся. Немного выиграетъ и государство когда, вмѣсто бѣднаго но не безпріютнаго крестьянина, оно получитъ бездомныхъ батраковъ, настоящій сельскій пролетаріатъ, ничѣмъ не привязанный къ мѣсту. Петербургское дворянство очень заботится о благонадежности крестьянъ. Знаетъ ли оно, что голодъ плохой совѣтникъ въ дѣлѣ благонадежности?

Образованіе мелкой частной собственности, конечно, желательно для развитія народнаго богатства; но обезземеленіе крестьянъ есть худшій путь, который можно избрать для этой цѣли. Мелкая собственность, возникшая на развалинахъ крестьянскаго надѣла, не подвинетъ народнаго хозяйства, потомучто будетъ стремиться не къ лучшей эксплуатаціи земли, а къ эксплуатаціи работника. Людямъ свойственно предпочитать то что легче, и этотъ нехлопотливый способъ обогащенія представится самъ собою въ виду бездомной и голодной массы. Совсѣмъ иное былобы, еслибъ мелкая собственность образовалась изъ тѣхъ частей помѣщичьихъ земель, которыя, по ихъ отдаленности, или по самой обширности владѣній, не могутъ быть хорошо эксплуатируемы ихъ владѣльцами, а иногда даже вовсе не эксплуатируются. Зажиточные и дѣятельные крестьяне нашли бы въ продажѣ такихъ участковъ возможность расширить свое хозяйство, а для помѣщиковъ выгода была бы двойная: изъ мелкихъ собственниковъ, живущихъ на окраинахъ ихъ имѣній, выходили бы лучшіе фермеры; продавая же часть своего владѣнія мелкими участками, они возвысили бы цѣнность своихъ земель и пріобрѣли бы оборотный капиталъ, въ которомъ недостатокъ такъ сильно

чувствуется въ настоящее время. Это повелобы, можетъ быть, и къ лучшей обработкѣ помѣщичьихъ земель, которая теперь почти невозможна для большей части землевладѣльцевъ.

На остальныхъ мѣрахъ проэкта коммиссіи относительно сельскаго общества не стоило бы останавливаться, еслибъ онѣ не поражали своими противорѣчіями. Коммиссія, напримѣръ, жалуется на то, что крестьянамъ приходится теперь далеко ѣздить по своимъ дѣламъ, а между тѣмъ, разными формальностями, вынуждаетъ новые разъѣзды и еще большую трату времени. Положеніе о крестьянахъ позволяетъ вызывать сходы по мѣрѣ надобности и даетъ право собирать ихъ ближайшему сельскому начальству. Проэктъ допускаетъ сходы только три раза въ годъ, а чрезвычайные ставитъ въ зависимость, нетолько отъ сельскаго старосты, который соотвѣтствуетъ нынѣшнему волостному старшинѣ, но и отъ будущаго волостнаго старшины, т. е. мироваго судьи. Чтобъ обсудить, напримѣръ, можно ли снять у помѣщика землю по назначенной имъ цѣнѣ, нужно посылать за разрѣшеніемъ къ сельскому старостѣ, за 15 верстъ, а онъ долженъ еще послать къ старшинѣ, за 25 верстъ. Распредѣленіе дѣлъ между частнымъ и общимъ сходомъ сдѣлано, кажется, случайно. Многія дѣла, которыя только и могутъ быть хорошо извѣстны ближайшему сосѣдству, предоставлены общему сходу, напримѣръ назначеніе опекъ, разрѣшеніе рдздѣловъ, ссылка порочныхъ людей и т. д. Замѣчательно, что для ссылки въ Сибирь требуется простое большинство голосовъ. Проэктъ не считаетъ нужнымъ стѣснять богатыхъ домохозяевъ въ дѣлѣ, гдѣ такъ часто бываетъ замѣшана безпощадная, сосѣдская вражда. Сельскій староста, управляющій большую часть года безъ надзора схода, получаетъ новое право политическаго свойства. Онъ будетъ наблюдать за нераспространеніемъ подложныхъ указовъ и какихъ-то вредныхъ слуховъ: довольно важное право для полуграмотнаго, или вовсе безграмотнаго крестьянина.

Итакъ, нехозяйственная волость производитъ перемѣну

первостепенной важности въ хозяйственныхъ отношеніяхъ крестьянъ: она лишаетъ всякаго голоса множество лицъ, подчиняя ихъ волѣ немногихъ. Но за то, для личныхъ землевладѣльцевъ, въ проэктѣ нѣтъ никакихъ стѣсненій: имъ даются только новыя права, права государственнаго свойства, но вытекающія прямо изъ землевладѣнія, безъ всякой санкціи со стороны государства. Они облекаются полицейскою властью.

Эта мѣра, говоритъ коммиссія, взята изъ Прусскаго Уѣзднаго Положенія 1872 года. Она мотивирована слѣдующимъ образомъ:

„Нынѣ, сказано въ объяснительной запискѣ, на значительныхъ пространствахъ частныхъ имѣній, иногда на сотняхъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ никакой полиціи. Очевидно, что при подобномъ положеніи, преступникамъ предоставляется широкое поле для дѣйствій. Если владѣльцамъ крестьянскихъ земель предоставлено право выбора сельскихъ старостъ, то равноправность требуетъ, чтобъ и частные владѣльцы пользовались тѣмъ же правомъ. Бояться произвола старостъ частныхъ имѣній, какъ и сельскихъ старостъ, нѣтъ причины, такъ какъ какъ обиженному предоставляется право жалобы.“

Изъ этого видно, что первый доводъ въ пользу вотчинной полиціи есть примѣръ Пруссіи, которая, при либеральномъ правительствѣ, сочла нужнымъ предоставить полицейскую власть землевладѣльцамъ. Разсмотримъ же, на сколько то, что предполагается ввести у насъ, соотвѣтствуетъ Прусскому порядку. Уѣздное положеніе 1872 года, уничтоживъ вотчинную полицію въ смыслѣ права, неразрывно связаннаго съ землевладѣніемъ и пріобрѣтаемаго путемъ наслѣдованія, установило въ частныхъ имѣніяхъ, въ замѣну этой полиціи, помѣстныхъ старостъ (Gutsvorsteher), какъ органъ не частнаго, а государственнаго права. Когда проэктъ положенія обсуждался въ парламентѣ, то эта мѣра подвергалась нападеніямъ съ двухъ различныхъ сторонъ. Одни говорили, что утративъ права наслѣдственныхъ старостъ въ сельскомъ обществѣ

землевладѣльцы будутъ безсильны и въ собственныхъ имѣніяхъ, и доказывали необходимость сохранить за ними прежнее положеніе и въ крестьянской общинѣ, которая безъ нихъ не будетъ имѣть хорошаго управленія. Другіе возставали противъ возложенія на землевладѣльцевъ полицейскихъ обязанностей внутри ихъ имѣній и утверждали, что этимъ унижается ихъ достоинство. Правительство не отказалось отъ своего предположенія. Оно сдѣлало только одну уступку, вовсе не въ смыслѣ увеличенія полицейскихъ правъ землевладѣльцамъ. Оно, напротивъ, сняло съ нихъ лишнее бремя, разрѣшивъ имъ поручать исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей, или даже всѣхъ, лицамъ уполномоченнымъ *ими, или ближайшему* сельскому старостѣ, въ послѣднемъ случаѣ, за денежное вознагражденіе. Помѣстные старосты во всемъ сравнены съ сельскими. Если помѣщики не живутъ сами въ своихъ имѣніяхъ, то назначеніе уполномоченнаго для нихъ обязательно. Какъ сами помѣщики, такъ и ихъ уполномоченные (Stellvertreter) утверждаются въ званіи помѣстныхъ старостъ ландратомъ, который можетъ и отказать въ утвержденіи. Если ни помѣщикъ, ни его уполномоченный, по мнѣнію ландрата, не способны къ отправленію полицейскихъ обязанностей, то ландратъ имѣетъ право назначить помѣстнаго старосту отъ правительства, *на счетъ землевладѣльца*, который платитъ ему жалованье. Помѣстный староста несетъ довольно трудныя обязанности: онъ составляетъ напримѣръ податные списки и семейные, для воинской повинности (Klassensteuer, Militair-Stammrollenlisten). Онъ *подлежитъ дисциплинарному производству*, можетъ получить предостереженіе, выговоръ, подвергнуться денежному штрафу. Правительство можетъ удалить его отъ должности. Частные землевладѣльцы сравнены съ крестьянскими общинами и въ другихъ отношеніяхъ: какъ обширное сельское общество можетъ составить особую волость (Amt), такъ и большое частное имѣніе можетъ быть волостью. Но, во всякомъ случаѣ, въ качествѣ помѣстнаго старосты или волостнаго старшины,

землевладѣлецъ становится органомъ правительства, подчиненнымъ уѣзднаго управленія. Кто знаетъ Прусскую бюрократію, тотъ пойметъ, что эта зависимость не легка. Правительство, которое недавно предало публичному суду своего посла, не усомнилосьбы отдать подъ судъ помѣстнаго старосту, еслибъ дисциплинарное производство оказалось для него недостаточно.

Итакъ, полицейскія права землевладѣльцевъ вовсе не походятъ на вотчинную полицію. Они не связаны неразрывно съ землевладѣніемъ и имѣютъ своимъ источникомъ не частное право, а государственное. Уѣздное положеніе выказываетъ, впрочемъ, наклонность постепенно упразднить этотъ видъ полиціи и не видитъ никакого препятствія къ тому, чтобъ слить ее съ крестьянскою.

У насъ, отношенія помѣщиковъ къ сельской общинѣ развивались, приблизительно, тѣмъ же путемъ. Правда, послѣ эмансипаціи, назначеніе сельскихъ старостъ не было предоставлено помѣщикамъ, какъ было въ Пруссіи до 1872 года, ибо у насъ нѣтъ тѣхъ затрудненій для выбора сельскаго начальства, какія встрѣчаются въ Пруссіи, гдѣ есть множество деревень въ десять и даже въ шесть дворовъ. Но вотчинная полиція была и у насъ предоставлена помѣщикамъ, пока продолжались временно-обязанныя отношенія. Съ упраздненіемъ ихъ, волостныя и сельскія начальства стали къ помѣщикамъ въ тѣ отношенія, которыя существуетъ въ Пруссіи тамъ, гдѣ землевладѣльцы передали свои обязанности сельскимъ старостамъ. Разница только въ томъ, что наши землевладѣльцы не платятъ жалованья старостамъ, которые обязаны къ полицейскому надзору самимъ закономъ.

Ясно, что еслибъ дѣло шло только о подражаніи Пруссіи, то можнобы, безъ лишнихъ хлопотъ, остаться при нынѣшнемъ порядкѣ. Но проэктъ говоритъ еще о равноправности помѣщиковъ съ крестьянами. Замѣчательно, что равноправность требуется не для всѣхъ землевладѣльцевъ, а только для тѣхъ,

которые владѣютъ цензомъ, такъ что мелкія смежныя владѣнія, хотя бы онѣ непрерывно тянулись на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, остаются безъ собственной полиціи и принуждены довольствоваться крестьянской полиціей. Посмотримъ теперь существуетъ ли равноправность въ другомъ отношеніи, т. е. одинаково ли положеніе помѣстныхъ и сельскихъ старостъ.

Помѣстнымъ старостой можетъ быть или самъ помѣщикъ, или его уполномоченный. Послѣдній назначается не правительствомъ, а самимъ землевладѣльцемъ, и имъ же смѣняется. Ни о правѣ утвержденія, ни о надзорѣ правительства не сказано ни слова. Нигдѣ также, въ цѣломъ проэктѣ, нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на отвѣтственность помѣстнаго старосты, ни на его обязанность исполнять требованія уѣздной полиціи. Напротивъ, гдѣ-бы ни говорилось о подчиненіи должностныхъ лицъ, его имя заботливо опускается. Между тѣмъ, ему предоставляются не только всѣ права сельскаго старосты, но даже и бо̀льшія: при общественныхъ бѣдствіяхъ, напримѣръ, онъ въ правѣ требовать помощи отъ сельскаго начальства и распоряжается доставленною ему помощью. Нигдѣ не видно, чтобъ онъ былъ, какъ сельскій староста, подчиненъ волостному старшинѣ, а сфера его дѣятельности нисколько не тѣснѣе. Онъ преслѣдуетъ дезертировъ, бѣглыхъ и распространителей вредныхъ слуховъ. Онъ производитъ дознанія, когда нѣтъ судебнаго слѣдователя или становаго пристава, дѣлаетъ обыски и задерживаетъ преступниковъ. Всѣ эти права могутъ быть переданы всякому правоспособному лицу, то есть, помѣстнымъ старостой можетъ очутиться всякій управляющій изъ нѣмцевъ или поляковъ, и даже бывшій дворовый человѣкъ. Едва ли право жалобы есть достаточная гарантія противъ такого администратора. Еслибъ жалоба всегда сдерживала произволъ, то его вовсе бы и не было.

Чѣмъ же, помимо разсужденій о Пруссіи и равноправности, вызвана эта безконтрольная, вотчинная полиція? Намъ

говорятъ будто бы землевладѣльцамъ не живется отъ покушеній на ихъ безопасность и собственность, но фактовъ опять не приводятъ. Вмѣсто ихъ, князь Лобановъ-Ростовскій ссылается на одинъ безъименный случай, разсказанный имъ съ тою неопредѣленностью, которая, какъ мы видѣли, усвоена ораторами собранія: „въ усадьбѣ, ночью, пойманъ человѣкъ, срывавшій занавѣсъ. Хозяинъ приказалъ его запереть до утра, и, связавъ, свести къ мировому судьѣ. За это самоуправство владѣлецъ былъ приговоренъ къ аресту, помнится, двухнедѣльному, потому что не могъ доказать воровства.“

Вѣроятно, въ предупрежденіе такихъ ужасовъ и введена статья 81, заимствованная, по всей вѣроятности, изъ Турецкаго законодательства. Она гласитъ: „неопровергнутыя показанія предсѣдателя и членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мировыхъ судей, земскихъ головъ, сельскихъ и помѣстныхъ старостъ, полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, считаются достаточною уликою для доказательства проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію сельскаго и мироваго суда.“ Послѣ этого, конечно, не нужно будетъ доказывать воровства: стоитъ только связать кого нибудь, воровство и доказано. Отъ такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей вовсе не требуется, чтобъ они были очевидцами проступка и находились при его совершеніи, въ качествѣ должностныхъ лицъ; не требуется даже, чтобъ обвиняемый былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія. Это просто привилегія, связанная съ вновь изобрѣтенными должностями, привилегія, которая однако не распространяется на представителей правительственной полиціи, на примѣръ исправника или становыхъ приставовъ. Показанія ихъ, по прежнему, не будутъ имѣть безусловной силы. Не напоминаетъ ли эта статья знаменитаго Турецкаго принципа, по которому свидѣтельство христіанъ противъ магометанина не допускается, а свидѣтельство магометанъ противъ христіанина составляетъ полное доказательство? Европейскимъ державамъ стоило большаго труда, при этомъ правилѣ, до-

биться въ Турціи правосудія для своихъ подданныхъ; но тамъ, по крайней мѣрѣ, въ основѣ привилегіи лежалъ религіозный принципъ. Любопытно знать, какой религіозный принципъ заставляетъ безусловно вѣрить полевому сторожу или полѣсовщику, какую санкцію имѣютъ ихъ показанія? Составители проэкта не сообразили, кажется, всѣхъ послѣдствій придуманнаго ими закона. Что будетъ, если одинъ помѣстный староста обвинитъ другаго, сосѣдняго, напримѣръ въ порубкѣ, а тому будетъ нечѣмъ доказать своего alibi? Не доказываетъ ли притомъ случай, разсказанный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, опять таки не то, что̀ требовалось доказать, а просто плохой выборъ мировыхъ судей? Воровство, застигнутое на мѣстѣ, не могло не быть доказано, а если судья не съумѣлъ взвѣсить улики, то становится страшно за будущность Россіи при помѣстныхъ старостахъ, которые берутся изъ среды еще менѣе образованной, чѣмъ мировые судьи.

Всесословный элементъ, котораго доселѣ нигдѣ не было, появляется наконецъ въ лицѣ земскихъ головъ и волостныхъ старшинъ. Учрежденіе земскихъ головъ заимствовано уже не изъ Пруссіи, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго, а изъ Саксонскихъ законовъ 1855 года, то есть изъ времени рэакціи, но заимствовано не буквально, а въ вольномъ переводѣ и съ передѣлкою на Русскіе нравы. Передѣлка имѣетъ цѣлью все подчинить земскимъ головамъ, а ихъ не подчинять ничему и никому.

Земскіе головы назначаются на три года, губернаторомъ, по списку составляемому уѣзднымъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ. Условія назначенія, по словамъ коммиссіи, тѣже какія теперь установлены для мировыхъ судей; но это только такъ говорится, а въ сущности они совершенно иныя. Различіе состоитъ въ слѣдующемъ: вопервыхъ, понижается имущественный цензъ: вмѣстѣ съ собственниками допускаются лица, арендующія или завѣдывающія имуществомъ соотвѣтствующимъ цензу. Во вторыхъ, понижается и цензъ

образованія: земскими головами могутъ быть всѣ лица „достаточно образованныя“ а кто достаточно образованъ, это рѣшается уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое, такимъ способомъ, конкуррируетъ съ учебными заведеніями въ выдачѣ патентовъ образованности.

Понятно, послѣ этого, какой элементъ предполагается сдѣлать точкой опоры новаго, помѣщичьяго самоуправленія. Это люди и не высокаго образованія, и не связанные съ мѣстностью никакимъ постояннымъ, матеріальнымъ интересомъ. Другими словами: поставить землевладѣльцевъ во главѣ мѣстнаго управленія нельзя иначе, какъ присоединивъ къ нимъ ихъ управляющихъ.

Должность земскаго головы можетъ быть соединена со всѣми другими должностями безъ исключенія. Но за то она есть обязательная, т. е. отъ нея нельзя отказаться. Проэктъ, впрочемъ, перечисляетъ случаи когда отказъ допускается и, въ этомъ перечисленіи, почти буквально придерживается 8 ст. Прусскаго Уѣзднаго Положенія, насколько, разумѣется, это возможно при довольно плохомъ переводѣ. Но кромѣ неточностей перевода, есть еще одно намѣренное измѣненіе. Это измѣненіе, какъ и всегда, относится къ отвѣтственности и штрафамъ, которыхъ коммиссія никакъ не рѣшается заимствовать изъ Пруссіи. Въ Пруссіи, лицо, которое, безъ законной причины, уклоняется отъ общественной службы, можетъ быть, на основаніи постановленія уѣзднаго собранія, лишено всякаго участія въ мѣстномъ представительствѣ, на время отъ трехъ до шести лѣтъ. Сверхъ того, уѣздное собраніе имѣетъ право, на тоже время, возвысить причитающуюся на такое лицо долю мѣстныхъ сборовъ на одну восьмую или даже на одну четверть, сравнительно съ прочими обывателями. Еслибъ у насъ были введены такія же кары, то крупные землевладѣльцы, за всякое уклоненіе, поплатились бы нѣсколькими тысячами рублей. Это, разумѣется, непріятно; а потому коммиссія гораздо снисходительнѣе: уклоняющіеся подвергаются денежному

взысканію, сообразно съ ихъ средствами къ жизни, отъ 100 до 300 рублей за все непрослуженное или узаконенное время. Это не такъ разорительно. Впрочемъ, отказываться никому и не придется, потомучто „земскіе головы не обязываются имѣть въ волости постоянное пребываніе; въ случаѣ пріѣзда ихъ въ волость и въ случаѣ отъѣзда на время болѣе мѣсяца, они сообщаютъ о томъ ближайшему земскому головѣ или волостному старшинѣ“. (ст. 59.)

Вотъ единственная, безвозмездная должность; вотъ тѣ лица, которыя призваны уничтожать анархію въ крестьянскомъ самоуправленіи и проводить вліяніе обрызованнаго класса. Они будутъ дѣлать все это между двумя поѣздками въ Петербургъ или за границу. На такую, слишкомъ свободную въ своихъ движеніяхъ власть трудно было возложить какія нибудь обязанности. Вотъ почему коммиссія, совершенно послѣдовательно и притомъ оригинально, рѣшилась предоставить имъ одни права, безъ обязанностей. Они наблюдаютъ за законностію дѣйствій волостныхъ и сельскихъ начальствъ, за чистотой въ селеніяхъ, за нераспространеніемъ скотскихъ падежей и заразительныхъ болѣзней, за больницами и школами, за хлѣбными магазинами, за охраненіемъ порядка и безопасности лицъ и имуществъ, за нераспространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ слуховъ. Они ревизуютъ сельскія суммы и дѣла, задерживаютъ преступниковъ, производятъ дознанія и обыски. Сопротивленіе ихъ власти наказывается какъ сопротивленіе полицейскимъ распоряженіямъ, а за неповиновеніе, грубость и маловажные проступки, ими самими усмотрѣнные, они налагаютъ штрафы до 5 рублей, которымъ могутъ подвергнуться и сельскія должностныя лица. Подлежатъ ли имъ также помѣстные старосты, объ этомъ умолчано.

Но обязанности земскихъ головъ состоятъ только въ „наблюденіи за исполненіемъ распоряженій уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣздной управы“. Сами они, повидимому, ничего не исполняютъ, а только наблюдаютъ.

Отношенія ихъ къ уѣздной полиціи еще проще: они въ правѣ требовать отъ нея *содѣйствія* (ст. 60). Полиція, которой всѣ аттрибуты къ нимъ переходятъ, ничего не будетъ отъ нихъ требовать. Даже жалобы подаются не ей, а въ уѣздное присутствіе. Этимъ косвенно дается чувствовать, что власть земскихъ головъ установляется, по преимуществу, для крестьянъ; иначе странно былобы поручать надзоръ такому учрежденію, которое существуетъ, главнымъ образомъ, только для крестьянъ, и съ которымъ землевладѣльцы сносятся только по своимъ поземельнымъ дѣламъ съ крестьянами. Жалобы подаются чрезъ самихъ земскихъ головъ, и не далѣе 14 дневнаго срока.

Легко представить себѣ какая анархія водворится тамъ, гдѣ будутъ дѣйствовать эти спасители порядка. Въ уѣздѣ, напримѣръ, обнаружится скотскій падежъ. Извѣстно, что въ Россіи скотскіе падежи составляютъ одно изъ наибольшихъ, общественныхъ бѣдствій. На полиціи въ это время лежатъ тяжелыя обязанности. Ей приходится наблюдать, чтобы предупредительныя мѣры дѣйствительно исполнялись, а наблюденіе тутъ вовсе не лишнее: крестьяне смотрятъ на нихъ, какъ на стѣсненіе, они не рѣдко продаютъ зараженный скотъ или его мясо, они не даютъ ветеринарамъ осматривать больную скотину и зарываютъ павшую на своихъ дворахъ и т. д. Представьте же, что исправникъ увѣдомляетъ земскаго голову о распоряженіяхъ комитета общественнаго здравія, или уѣздная управа проситъ о содѣйствіи посланнымъ ею ветеринарамъ; — а земской голова уѣхалъ въ это время въ губернскій городъ, или, если это управляющій, то въ другое имѣніе своего довѣрителя, даже не предупредивъ никого, потому что надѣется воротиться ранѣе мѣсяца. Кто будетъ тогда отвѣчать за неисполненіе закона, за усилившуюся бѣду? Возьмемъ другой случай, еще болѣе важный. Положимъ, что наступило время смуты, подобное тому, которое мы переживали въ 1863 году, когда нетолько въ Польшѣ и Западной Россіи было открытое возстаніе, но по всему Приволжью разбрасы-

вались такъ называемыя *золотыя грамоты.* Кто будетъ наблюдать за нераспространеніемъ ихъ, если всѣ земскіе головы напишутъ записочки и разъѣдутся? Волостной старшина? — но онъ заваленъ дѣлами. Таже правительственная полиція? — но тогда гдѣ же усиленіе власти? И не въ правѣ ли будетъ полиція тоже бездѣйствовать, полагаясь на земскихъ головъ, ближе ея стоящихъ къ населенію? Вотъ когда „неблагонадежнымъ лицамъ", которыхъ такъ боится коммиссія, открылось бы истинно широкое поле для дѣйствій! Эти мѣры ослабляютъ полицейскій надзоръ, раздѣляя его между должностными лицами ничѣмъ не связанными между собою, изъ чего слѣдуетъ, что размножить представителей власти еще не значитъ усилить власть.

Не болѣе пользы принесутъ земскіе головы и земству. Отличительный ихъ признакъ состоитъ въ томъ, что они ничего не дѣлаютъ, а только наблюдаютъ. Но въ администраціи нельзя довольствоваться наблюденіемъ, иногда нужно что нибудь и сдѣлать. Особенно дѣятельные органы требуются въ хозяйственномъ управленіи. Пока земскіе головы занимаются наблюденіемъ, кто будетъ строить мосты и больницы, чинить дороги, составлять смѣты, производить торги, пріискивать подрядчиковъ, нанимать лошадей для земской почты, однимъ словомъ: кто будетъ исполнять обязанности нынѣшнихъ членовъ уѣздной управы, которые (какъ мы увидимъ ниже) признаются ненужными при земскихъ головахъ и косвенно уничтожаются? Если всѣ эти дѣла будутъ, дѣйствительно, лежать на земскихъ головахъ, то весь характеръ этого института долженъ измѣниться. Кто завѣдываетъ хозяйствомъ уѣзда, тому нельза отлучаться, когда вздумается, тотъ долженъ быть всегда на мѣстѣ. Сверхъ того, органы земскаго хозяйства должны быть отвѣтственны передъ земствомъ, слѣдовательно, земское собраніе должно имѣть право ихъ усчитывать. Но проэктъ не говоритъ ни слова ни о зависимости земскихъ головъ отъ управы, ни объ ихъ обязанности пред-

ставлять отчеты земскому собранію въ порученныхъ имъ дѣлахъ и денежныхъ суммахъ. Какъ будто бы предполагалось, что все будетъ дѣлаться крестьянами, а отъ головъ потребуется только наблюденіе; какъ будто бы, вмѣстѣ съ властію помѣщиковъ, предполагалось воскресить и натуральную повинность, эту неизбѣжную принадлежность крѣпостнаго права!

Безполезные для правительства, безполезные для земства, земскіе головы принесутъ частнымъ лицамъ только не нужныя стѣсненія. Мы видѣли, что земскій голова можетъ задерживать подозрѣваемыхъ, производить обыски и дознанія, наказывать, по своему усмотрѣнію, денежными штрафами. Всѣмъ этимъ распоряженіямъ можетъ подвергнуться всякій житель уѣзда, даже всякій проѣзжающій. А между тѣмъ, это должностное лицо, которое имѣетъ право вторгнуться въ чужой домъ, арестовать кого угодно, отобрать чужія бумаги, сейчасъ же послѣ совершенія этихъ актовъ, можетъ куда нибудь уѣхать, не успѣвъ даже дать объясненіе уѣздному присутствію на поданную ему жалобу! Когда отъ него потребуются свѣдѣнія, голова можетъ очутиться за тысячи верстъ, гдѣ нибудь за границею! И этоюто страшною властію можетъ быть облеченъ даже не мѣстный дворянинъ, а какой нибудь торгашъ, нажившійся продажею водки и купившій имѣніе, или управляющій богатаго имѣнія! Неужели коммиссія думаетъ, что тѣ потомки Рюрика, о которыхъ говорилось въ собраніи, будутъ безропотно переносить эту диктатуру невѣждъ, связанныхъ съ мѣстными интересами частною довѣренностью на гербовомъ листѣ двухъ рублеваго достоинства?

Административный наѣздъ земскихъ головъ есть, какъ выше сказано, единственная, даровая служба. За ними слѣдуютъ другія должности, которыя уже оплачиваются. Это мировые судьи и волостные старшины. Здѣсь уже нѣтъ ни самовольныхъ отлучекъ, ни управляющихъ, но и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же способомъ привлекать къ управленію

образованный элементъ, то есть, съ пониженіемъ требованій образованія. „Въ мировые судьи, говоритъ проэктъ, могутъ быть избраны, простымъ большинствомъ голосовъ, кромѣ лицъ означенныхъ въ судебныхъ уставахъ, лица, которыя въ уѣздѣ пользуются имущественнымъ цензомъ, и получившіе достаточное образованіе для исполненія судебныхъ обязанностей.“ Въ переводѣ, это значитъ, что кромѣ лицъ образованныхъ, допускаются еще и лица необразованныя. „Достаточность“ образованія признается мировымъ съѣздомъ, другою коллегіею, которой будетъ предоставлено раздавать аттестаты образованности. Увы! на сей разъ можно ожидать еще менѣе строгости чѣмъ отъ уѣзднаго присутствія: мировой съѣздъ состоитъ изъ людей выборныхъ, которымъ опасно раздражать своихъ избирателей. Понизивъ цензъ образованія, коммиссія, по извѣстному уже намъ пріему, сейчасъ расширяетъ права мировыхъ судей, разрѣшая почетнымъ судьямъ приступать къ разбирательству уголовныхъ дѣлъ по усмотрѣннымъ или дознаннымъ ими преступленіямъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ проэктѣ, за всякимъ пониженіемъ требованій, непремѣнно слѣдуетъ соразмѣрное увеличеніе власти.

Объясняя причину своей невзыскательности, коммиссія говоритъ, что „въ числѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ мы находимъ не мало уважаемыхъ личностей, долго служившихъ въ войскѣ, или гражданскомъ вѣдомствѣ, и получившихъ *домашнее* образованіе“. Она полагаетъ, что такимъ лицамъ можно ввѣрить право творить судъ *чуть ли* не съ *большимъ довѣріемъ*, чѣмъ молодому человѣку, только что кончившему курсъ въ учебномъ заведеніи.

Съ довѣріемъ къ чему? Къ домашнему образованію, помѣшавшему уважаемымъ личностямъ получить какой нибудь аттестатъ, или къ юридической опытности пріобрѣтенной въ войскѣ? А между тѣмъ, члены самой коммиссіи жаловались въ собраніи, что даже и при нынѣшнихъ условіяхъ мировые судьи не умѣютъ различить самозащиты отъ самоуправства!

Что же будетъ при этихъ военныхъ юристахъ, пріобрѣтшихъ дома понятія о томъ какъ творить судъ и закрѣпившихъ эти понятія привычкой къ военной дисциплинѣ!

Но при внимательномъ чтеніи проэкта, кромѣ довѣрія къ отставнымъ офицерамъ и чиновникамъ, легко открыть и другую, невысказанную причину, вслѣдствіе которой требуется исказить мировой институтъ. Участковый судья есть въ тоже время волостной старшина; а волостной старшина — это краеугольный камень воздвигаемаго зданія. Безъ него, спасители порядка не могли бы спасать его безъ ущерба для своихъ дѣлъ или удовольствій. Крупные землевладѣльцы и ихъ управляющіе, которые всегда могутъ разъѣхаться, нуждаются въ этой чернорабочей должности, прикованной къ мѣсту и обязанной кончать затѣянныя ими дѣла, безъ права сказать, что онѣ дурно затѣяны. Но привлечь къ такой должности образованныхъ людей довольно трудно: образованные люди не охотно берутъ на себя разнородныя дѣла, потому-что не любятъ дѣлать кое-какъ. Образованные люди нелегко мирятся съ произволомъ: дѣятельность земскихъ головъ изъ управляющихъ могла бы встрѣтить въ нихъ нѣкоторое противодѣйствіе и, во всякомъ случаѣ, несочувственное отношеніе. По этому-то и нужно было привлечь къ должности волостныхъ старшинъ тѣхъ полуобразованныхъ и небогатыхъ землевладѣльцевъ, которые смотрятъ на службу какъ на кусокъ хлѣба. Не трудно также объяснить, почему отъ этой должности устраняются арендаторы и управляющіе, допускаемые къ равноправной должности земскихъ головъ. Они устраняются именно потому, что служба волостнаго старшины есть настоящая служба. Управляющій, который попалъ бы въ волостные старшины, не могъ бы остаться управляющимъ, арендаторъ пересталъ бы исправно платить свою аренду. Крупнымъ землевладѣльцамъ это было бы до крайности неудобно. Потому-то эти лица и не будутъ старшинами. Потому-то трудовая, чернорабочая должность обязательно предо-

ставляется однимъ мелкимъ землевладѣльцамъ, которые, такимъ образомъ, будутъ подставными администраторами для управляющихъ. Таково положеніе, которое дворянство, поговоривъ вдоволь о своемъ значеніи, создаетъ для собственнаго сословія.

Волостные старшины, какъ власть судебная, сохраняютъ все вѣдомство нынѣшняго участковаго судьи. Сверъ того, къ нимъ поступаютъ гражданскія дѣла по жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Проэктъ прибавляетъ сюда еще какія-то „уголовныя дѣла“ на основаніи сего положенія изъятыя отъ подсудности крестьянскому суду — но эта прибавка есть простая вѣжливость передъ собраніемъ 1873 года, если въ ней не кроется, сверхъ того, незнаніе русскихъ законовъ. Собраніе 1873 года, весьма рѣшительное въ своемъ постановленіи, намѣревалось передать всѣ безъ исключенія уголовныя дѣла изъ волостнаго суда въ мировой; но коммиссія, лучше обдумавъ дѣло, не сочла возможнымъ заставлять мировыхъ судей разбирать всякую уличную драку въ деревнѣ. Поэтому, она оставила за сельскими судами разсмотрѣніе маловажныхъ проступковъ, то есть, въ сущности сохранила нынѣшній порядокъ, безъ малѣйшаго измѣненія; но нашла болѣе приличнымъ выставить свою мѣру какъ нововведеніе. Такъ, кажется, надобно понимать странную редакцію статьи 46, въ которой говорится: „уголовныя дѣла, нынѣ подсудныя крестьянскому суду, передаются въ вѣденіе мировыхъ судей, за исключеніемъ тѣхъ маловажныхъ проступковъ, за которые .... будетъ опредѣленъ размѣръ наказанія, не превышающій права нынѣшняго волостнаго суда.“ Такимъ образомъ, мировымъ судьямъ передается то, что у нихъ уже было. Но хотя расширеніе уголовной юрисдикціи есть просто неудачный фокусъ, но вѣдомство мировыхъ судей будетъ все таки очень обширно. Жалобы на волостные суды, по гражданскимъ дѣламъ, подаются нерѣдко. Онѣ брали много времени у съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, а эти

съѣзды пересматривали рѣшенія волостныхъ судовъ только въ кассаціонномъ порядкѣ, т. е. лишь тогда, когда была нарушена подсудность, или допущена неправильность въ веденіи дѣла, напримѣръ, не были спрошены свидѣтели. Но въ проэктѣ говорится *вообще* о жалобахъ, слѣдовательно, и объ апелляціонныхъ, на сущность рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, начальныя строки статьи 46 проэкта взяты буквально изъ ст. 96 Общаго Положенія о крестьянахъ, но съ исключеніемъ слова *окончательно,*)* слѣд. жалобы могутъ приноситься и по существу рѣшенія. Изъ этого надобно заключить, что число дѣлъ у мировыхъ судей увеличится вдвое или втрое — обстоятельство очень неудобное въ то время, когда предполагается слить судебную власть съ административною.

Но кромѣ неудобства, есть и противорѣчіе съ системой Судебныхъ уставовъ, котораго коммиссія, увлекаясь недовѣріемъ къ крестьянскому суду, вѣроятно не замѣтила. Мировой судья рѣшаетъ окончательно гражданскія дѣла до 30 рублей; волостной судъ разбираетъ споры и тяжбы до 100 рублей. Изъ этого слѣдуетъ, что большая часть дѣлъ, на которыя будетъ принесена жалоба мировому судьѣ, будетъ подлежать, послѣ его рѣшенія, апелляціи въ мировые съѣзды. Такимъ образомъ, въ противность общей системѣ, для крестьянъ будутъ существовать двѣ апелляціонныхъ инстанціи, а для другихъ сословій только одна. Коммиссія забыла также, что, по ея же мнѣнію, судъ долженъ быть такъ близокъ къ крестьянину „чтобъ ему можно было, *не кормя*, ѣздить и вернуться обратно“ — и вотъ она гоняетъ этого крестьянина сначала къ мировому судьѣ, а потомъ въ уѣздный городъ, въ мировой съѣздъ. Хорошо облегченіе!

---

*) Волостной судъ рѣшитъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до ста рублей включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ крестьянскому имуществу причиненные.

Административныя дѣла волостнаго старшины будутъ тоже довольно сложныя. Вмѣстѣ съ земскими головами, онъ дѣлитъ свою волость на участки, и въ одномъ изъ нихъ завѣдуетъ всѣми дѣлами, на правахъ земскаго головы. Сверхъ того, онъ обязанъ, по требованію каждаго изъ головъ, заступать ихъ мѣсто, на все время отсутствія. Наконецъ, ему исключительно предоставляются слѣдующія дѣла: 1) рѣшеніе дѣлъ по жалобамъ на постановленія мірскихъ сходовъ и сельскихъ должностныхъ лицъ; 2) отдача недоимщиковъ въ заработки; 3) утвержденіе въ должности сельскихъ должностныхъ лицъ; 4) удаленіе ихъ отъ должности, кромѣ сельскаго старосты; 5) временное отрѣшеніе отъ должности сельскаго старосты; 6) созывъ чрезвычайныхъ сходовъ, общихъ и частныхъ. Возложивъ всѣ эти обязанности на одно лицо, коммиссія выражаетъ однако-же надежду, что „при учрежденіи земскихъ головъ и при уменьшеніи мировыхъ участковъ, судьи будутъ въ состояніи справиться съ обязанностями, не требующими частыхъ разъѣздовъ“. Ей кажется, что „дѣла, возложенныя на мировыхъ судей, какъ волостныхъ старшинъ, такого рода, что могутъ большею частію быть рѣшены дома, тогда какъ обязанности земскихъ головъ требуютъ осмотра на мѣстѣ. Волостной старшина рѣшаетъ дѣла по жалобамъ жителей; земскій же голова лично слѣдитъ за охраненіемъ порядка и законности.“

Эти слова бросаютъ свѣтъ на характеръ должности волостнаго старшины. Онѣ не могутъ имѣть другаго смысла, кромѣ того, что изъ волостнаго старшины требуется сдѣлать простое орудіе въ рукахъ земскихъ головъ. Всѣ эти разнообразныя обязанности, которыя на него возложены, старшина можетъ исполнять дома лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ поручалъ земскимъ головамъ изслѣдованіе на мѣстѣ обстоятельствъ, давшихъ поводъ къ жалобѣ. Онъ будетъ, слѣдовательно, удалять отъ должности лица сельскаго управленія, отдавать въ заработки недоимщиковъ, ничего не повѣряя са-

молично, по отзывамъ той странствующей администраціи, которой ввѣряется участь уѣзда. Надобно думать также, что и пріемъ и сдача участковъ будутъ происходить по домашнему, если и для этого старшинѣ не нужно ѣздить. Такая простота нравовъ не существовала даже въ эпоху воеводскаго управленія. И тогда отъ новаго воеводы требовался пріемъ, а отъ стараго сдача дѣлъ, можетъ быть, впрочемъ, потому что, не смотря на всю безурядицу XVII вѣка, тогда еще никому не приходило въ голову, что можно управлять наѣздомъ.

Въ вѣдомствѣ волостнаго головы не трудно усмотрѣть черту, замѣтную уже и въ земскихъ головахъ, но которая здѣсь выступаетъ еще ярче. Въ шести пунктахъ, перечисляющихъ его дѣла, напрасно стали бы искать указаній на его отношенія ко всѣмъ классамъ населенія. Земскіе головы завѣдуютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми частями земскаго хозяйства и, въ этомъ смыслѣ, являются отчасти представителями общихъ интересовъ. Только изъ фигуры умолчанія о помѣстныхъ старостахъ и личныхъ землевладѣльцахъ можно было заключить, что подчинять ихъ земскимъ головамъ не предполагается. Но волостной старшина есть власть исключительно создаваемая для крестьянъ. Между его обязанностями нѣтъ ни одной, которая бы не относилась *только* къ крестьянамъ. Такимъ образомъ, мысль положенная въ основѣ этой должности буквально противорѣчитъ той, которая побудила правительство замѣнить мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами. Этой замѣной сдѣланъ шагъ впередъ, къ уничтоженію опеки; волостной старшина есть шагъ назадъ даже и по сравненію съ мировыми посредниками. Мировые посредники не имѣли исключительнаго права созывать сходы; они не отдавали въ заработки недоимщиковъ и, отмѣняя приговоры сходовъ, не замѣняли ихъ собственнами рѣшеніями.

Проэктъ заключается мѣрами, упомянутыми вскользь, въ концѣ, въ „общихъ положеніяхъ“ какъ нѣчто второстепенное. Но одна изъ нихъ создаетъ особый видъ законодательства, а

другая запираетъ крестьянамъ входъ въ земское управленіе. Уѣздное присутствіе получаетъ право издавать „полицейскія правила касательно исполненія законовъ.“ Проэктъ не поясняетъ для всѣхъ ли издаются эти правила, или только для крестьянъ, но судя по самому названію уѣзднаго по *крестьянскимъ дѣламъ* присутствія, надобно думать, что другія сословія не будутъ подчинены этимъ правиламъ. Въ такомъ случаѣ, для крестьянъ установится особый юридическій бытъ и можно будетъ толковать законы различно, въ примѣненіи къ различнымъ классамъ общества. Если же уѣздное присутствіе будетъ издавать полицейскія правила обязательныя для всѣхъ, то въ какое отношеніе станетъ къ этимъ правиламъ уѣздная полиція? Будетъ ли она обязана наблюдать за ихъ исполненіемъ, хотя бы она ихъ и не одобряла, или она въ правѣ будетъ ихъ игнорировать? А сколько различныхъ толкованій закона появится при этомъ правѣ уѣздныхъ присутствій! Крестьяне двухъ сосѣднихъ деревень, если между ними пройдетъ пограничная черта двухъ уѣздовъ, рискуютъ неодинаково понимать законъ, неодинаково исполнять его! Право, предоставляемое уѣзднымъ присутствіямъ, нельзя сравнивать даже съ правомъ различныхъ выборныхъ учрежденій (напр. городскихъ думъ) издавать регламенты, потому-что, вопервыхъ, тамъ это право ставится въ зависимость отъ соглашенія съ полиціею; вовторыхъ, оно предоставляется учрежденіямъ избраннымъ тѣми самыми лицами, для которыхъ издаются постановленія. Другая мѣра относится къ уѣзднымъ управамъ, которыхъ характеръ существенно измѣняется краткимъ постановленіемъ, мотивированнымъ одною бережливостью. Должность членовъ уѣздной управы предполагается сдѣлать безплатною; обязанности же ихъ ограничиваются пріѣздомъ одинъ разъ въ мѣсяцъ для повѣрки отчетности и для назначенія суммъ къ выдачѣ въ распоряженіе предсѣдателя. Чтобъ не было сомнѣнія въ цѣли этого нововведенія, проэктъ предусматриваетъ случай когда никто не захочетъ ѣздить ежемѣ-

сячно на собственный счетъ въ уѣздный городъ и выборъ членовъ не состоится. Тогда „повѣрка дѣйствій и отчетности“ отмѣняется и предсѣдателю предоставляется дѣйствовать единолично. Такъ какъ для членовъ управы нѣтъ даже и той выгоды, чтобъ они числились на государственной службѣ, подобно земскимъ головамъ, то несомнѣнно, что по большей части, предсѣдатель будетъ избираться одинъ. Не трудно догадаться, что безплатностью должности членовъ отъ нея навсегда устраняются крестьяне, сословіе недостаточно богатое для безвозмездной службы. Но это устраненіе не принесетъ пользы ни земству, ни вліянію образованныхъ классовъ. Грамотные крестьяне, въ званіи членовъ управы, были неоцѣненными орудіями и для ревизіи общественныхъ магазиновъ и для повѣрки списковъ нуждающихся во время голода, и для надзора за земскими постройками. Присутствіе ихъ въ управѣ было лучшимъ проводникомъ для вліянія на крестьянъ образованнаго класса. Они пріучались сочувственно относиться къ управленію, въ которомъ видѣли своихъ односельчанъ рядомъ съ землевладѣльцами. Никогда земскіе головы, съ своимъ правомъ отъѣзда, не замѣнятъ этихъ чернорабочихъ силъ, безъ которыхъ самый дѣятельный предсѣдатель будетъ безсиленъ. Ему трудно будетъ даже въ точности исполнять постановленія земскихъ собраній; онъ будетъ вынужденъ передавать ихъ въ чужія, ненадежныя руки земскихъ головъ, которые, во всякую минуту, могутъ разъѣхаться и не отвѣчаютъ передъ земствомъ.

Подведемъ итоги. Коммиссія была обязана выработать проэктъ *всесословной* волости и озаглавила свой трудъ этимъ названіемъ. Но всесословный элементъ не проявляется ни въ способѣ избранія, ни въ лицахъ, на которыя оно падаетъ. Не болѣе всесословнаго и въ отношеніяхъ волостныхъ старшинъ и земскихъ головъ къ мѣстному населенію. Мы видѣли, что надъ крестьянами и сельскими обществами они пользуются значительною властію, а помѣстные старосты и земле-

владѣльцы вовсе не подчинены имъ. Однихъ они штрафуютъ и смѣняютъ, другихъ не смѣютъ и тронуть. Не лучше выполнены и другія задачи реформы, указанныя въ постановленіи 6 Марта 1873 года. Дворянское собраніе отвергло тогда самую мысль о хозяйственной волости, а его коммиссія нашла нужнымъ коснуться хозяйственныхъ отношеній крестьянъ и открыто стремиться передѣлать весь ихъ экономическій бытъ. И собраніе и коммиссія начали съ жалобъ на отдаленность нынѣшней власти, вызвались придвинуть ее къ народу, дать ему сподручную, недорогую расправу; а вмѣсто этого, они еще болѣе отодвигаютъ власть, искусственно усиливаютъ потребность въ ней и лишаютъ крестьянъ старыхъ, привычныхъ формъ суда и управленія. Наконецъ, дворянство задалось мыслью привлечь къ самоуправленію образованный элементъ и на всякомъ шагу, при всякомъ удобномъ случаѣ, его коммиссія понижаетъ тѣ невысокія требованія образованности, которыя ставятся нынѣ дѣйствующими законами. Намъ предлагаютъ довольствоваться самымъ низкимъ уровнемъ образованія и храбро увѣряютъ, что въ категоріи людей подъ него подходящихъ найдется не мало уважаемыхъ личностей. Чтобы привлечь землевладѣльцевъ къ мѣстному самоуправленію, гдѣ воспитывается русская общественная жизнь, потребовалось замѣшать въ его ряды людей неимѣющихъ никакой собственности; политическое право дѣлается придаткомъ къ довѣренности, которая можетъ быть уничтожена по капризу частнаго лица. Преслѣдуя анархію въ крестьянскомъ самоуправленіи, коммиссія переноситъ ее въ государство. Создается рядъ должностныхъ лицъ, которыхъ права плохо разграничены даже и на бумагѣ, лицъ, независящихъ ни отъ правительства, ни отъ земства, но вмѣшивающихся въ дѣла того и другаго, когда имъ вздумается, отъ нечего-дѣлать, поиграть въ администрацію. И этотъ-то узаконяемый безпорядокъ продается намъ дорогою цѣною. Намъ предлагается пожертвовать для новой администраціи всѣмъ, что̀ намъ дорого, всѣми учрежде-

ніями, въ которыхъ само дворянство проявляло свои нравственныя силы: для земскихъ головъ, нужно посягнуть и на отдѣльность суда отъ администраціи, которой Россія добивалась еще при Екатеринѣ II., и на крестьянскій судъ, и на достоинство мироваго института, и на земскія учрежденія. У коммиссіи не нашло себѣ пощады даже и то начало, которое всегда таилось въ нашемъ законодательствѣ и окончательно восторжествовало въ наше время, начало равноправности передъ закономъ. Болѣе полной неудачи въ исполненіи задуманныхъ плановъ потерпѣть было невозможно. Не этоли смутно сознавало Петербургское дворянское собраніе, когда послѣ трехдневныхъ преній, оно не рѣшилось балотировать своихъ проэктовъ?

Когда нужно повѣрить что можетъ дать извѣстная идея, не безполезно видѣть ея различныя проявленія. Въ этомъ смыслѣ, проэкты г. Платонова и графа Орлова-Давыдова составляютъ счастливую случайность. Она тѣмъ счастливѣе въ настоящемъ случаѣ, что авторы смотрятъ на свою задачу съ различныхъ точекъ зрѣнія. Проэктъ г. Платонова былъ устраненъ въ 1873 году, но въ нынѣшнемъ собраніи онъ повторилъ изложеніе своихъ мыслей и слова его были встрѣчены громкими рукоплесканіями. Онъ во многомъ сходился съ коммиссіей, поддерживалъ отчасти ея проэктъ и, подобно ей, признавалъ принципъ безвозмездной службы и широкаго вліянія землевладѣльцевъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ, напротивъ, разошелся съ коммиссіей именно по вопросу о безвозмездной службѣ, соединенной съ правомъ отъѣзда. Ихъ проэкты стоятъ, такъ сказать, одесную и ошую проэкта коммиссіи. Одному кажется, что коммиссія сдѣлала слишкомъ мало; другому, что она сдѣлала слишкомъ много. Графъ Орловъ-Давыдовъ держится послѣдняго мнѣнія. Онъ не одобряетъ того взгляда, по которому „дѣла не примутъ должнаго теченія, пока весь существующій строй не будетъ извращенъ". Въ этомъ существующемъ строѣ ему многое

даже нравится. Онъ находитъ доброе слово для мировыхъ судей, вѣритъ въ земскія учрежденія, задаетъ себѣ вопросъ: насколько предлагаемыя имъ мѣры возможны послѣ преобразованія уѣздныхъ присутствій, и отвѣчаютъ ли онѣ видамъ правительства. Г. Платоновъ не заботится ни о чемъ подобномъ. Если онъ и упоминаетъ вскользь о примѣненіи къ существующему порядку, то это не болѣе какъ риторическій оборотъ. Сердце его не лежитъ къ этому порядку. Г. Царскосельскій предводитель занималъ свою должность цѣлыхъ двѣнадцать трехлѣтій. Онъ приводилъ въ дѣйствіе, въ своемъ уѣздѣ, большую часть реформъ нынѣшняго царствованія, и по опыту позналъ нищету большей ихъ части. О земскихъ учрежденіяхъ онъ выражается даже съ горечью, увѣряя, что при самомъ началѣ ихъ, многіе предсказывали имъ неудачу. Нужно ли прибавлять, что онъ былъ въ числѣ этихъ многихъ?

Но и г. Платоновъ, какъ онъ ни радикаленъ, желаетъ ввести образованный элементъ въ крестьянское самоуправленіе, для пользы самихъ крестьянъ и возвышенія ихъ нравственности. Только эта цѣль у него на второмъ планѣ: дѣло не столько въ *образованной* власти, сколько во *власти вообще*. Главная задача — возстановить то ея сосредоточеніе, которое, на пагубу Россіи, было уничтожено эмансипаціею. До 19 Февраля 1861 года, въ уѣздѣ была власть хозяйственная и *полицейская*: въ дворянскихъ имѣніяхъ — въ рукахъ помѣщиковъ, въ государственныхъ и удѣльныхъ — въ рукахъ казеннаго управленія. Какъ скоро совершилось освобожденіе, произошло раздвоеніе и наступила безпримѣрная, административная черезполосица: крестьянскія земли вошли въ составъ волостей, а помѣщичьи подчинены прямо уѣздному, полицейскому управленію. Отсюда, и не отъ чего другаго, сословная рознь и взаимная отчужденность сельскихъ обывателей, прежде любовно связанныхъ между собою одинаковымъ крѣпостнымъ правомъ съ одной стороны, одинаковою крѣпостною зависимостью съ другой. Отсюда также искусственная централи-

зація всѣхъ дѣлъ въ уѣздномъ городѣ, централизація, отъ которой особенно страдаютъ помѣщики. Нужно, слѣдовательно, для помѣщиковъ создать ближайшую власть, а крестьянамъ даровать образованное начальство.

Въ этихъ-то видахъ г. Платоновъ и начерталъ свой „очеркъ волостнаго управленія“ причемъ, по словамъ его, онъ имѣлъ намѣреніе: 1) примѣниться по возможности къ существующему порядку земскаго, волостнаго и городскаго управленія; 2) правильнымъ опредѣленіемъ отношеній проэктируемыхъ учрежденій къ существующимъ правительственнымъ и общественнымъ органамъ, оградить какъ правительственные, такъ и общественные интересы“. Способы, которыми г. Платоновъ *примѣняетъ* и *ограждаетъ* чрезвычайно оригинальны. Начнемъ съ „огражденія“.

Чтобъ облегчить „правильное отношеніе къ правительственнымъ и общественнымъ органамъ“ г. Платоновъ предлагаетъ очень простое, даже первобытное средство, именно: уничтожить большую часть означенныхъ органовъ, послѣ чего, разумѣется, и примѣняться къ нимъ гораздо легче. Закланіе учрежденій на алтарѣ сосредоточенія власти производится въ ужасающихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ новыми, не оправдавшими чьихъ-то надеждъ, автору попадаются подъ руку и старыя. Къ длинному перечню упраздняемыхъ органовъ принадлежатъ: 1) уѣздныя земскія учрежденія, 2) волостныя управленія, 3) уѣздныя полицейскія управленія, за исключеніемъ исправника, 4) становые пристава, 5) участковые и почетные мировые судьи; 6) судебные пристава и 7) волостные суды. Общая вина приговоренныхъ властей есть „непроизводительность ихъ дѣятельности“, но за каждою изъ нихъ водятся еще особенные грѣхи. Становые пристава не отличаются трезвостію; полицейскія управленія нужны только для надзора за становыми приставами. Сверхъ того, г. Платоновъ, отъ излишняго усердія, усмотрѣлъ въ нихъ какой то судебный характеръ, который ему не нравится, и котораго,

какъ извѣстно, они не имѣютъ. Мировые судьи были-бы не дурны, но ихъ слишкомъ мало, а потому отъ нихъ происходитъ бездѣйствіе правосудія въ уѣздѣ. Но хуже всѣхъ земскія учрежденія: „они ни мало не улучшили условій мѣстнаго хозяйства“ и отвлекаютъ многихъ отъ собственныхъ дѣлъ.

За упраздненіемъ всѣхъ этихъ учрежденій, начитается примѣненіе къ существующему порядку. На мѣсто ихъ воздвигается власть, которая, по своей простотѣ, напоминаетъ эпоху Рюрика. Уѣздъ дѣлится на волости. Такое раздѣленіе предоставляется сдѣлать на послѣдкахъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, которыя, совершивъ этотъ предсмертный актъ, исчезаютъ. Волостью завѣдуетъ волостное управленіе, въ которомъ сосредоточиваются судъ, полиція и хозяйство. Оно выбирается волостнымъ сходомъ, въ которомъ участвуютъ: а) всѣ личные землевладѣльцы, имѣющіе нынѣ существующій избирательный цензъ, б) уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, въ числѣ соотвѣтствующемъ числу полныхъ цензовъ, слагающихся изъ ихъ имѣній, в) уполномоченные отъ сельскихъ обществъ, избранные на такомъ же основаніи. Число гласныхъ, избираемыхъ этимъ сходомъ соотвѣтствуетъ половинѣ законнаго числа избирателей. Гласные составляютъ волостную думу, которой принадлежитъ назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ.

Легко понять, чѣмъ отличается эта система выборовъ отъ нынѣшняго земскаго порядка, который служилъ ей образцомъ, и чѣмъ вызвано это отступленіе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ даетъ, въ земскихъ собраніяхъ, нѣкоторый перевѣсъ личнымъ землевладѣльцамъ. Оно принимаетъ за общее правило, чтобъ личные землевладѣльцы имѣли, приблизительно, столько же гласныхъ, сколько городское и сельское сословія. Такъ напримѣръ, если городъ избираетъ 10 гласныхъ, а крестьяне 15, то землевладѣльцы выбираютъ 25; если городъ имѣетъ 2, а крестьяне 10, то землевла-

дѣльцы имѣютъ 12 и т. д. Эта пропорція соблюдается вездѣ, такъ что, еслибы личные землевладѣльцы являлись всѣ въ земское собраніе (чего они не дѣлаютъ), то большинство было бы за ними обеспечено. Г. Платоновъ не могъ примѣнить къ волости этого способа распредѣленія гласныхъ, потомучто въ волости личныхъ землевладѣльцевъ, сравнительно, немного. Поэтому онъ придумалъ достигнуть той же цѣли другимъ путемъ, а именно: сокращеніемъ въ числѣ гласныхъ отъ крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ и распространяетъ на крестьянъ тотъ способъ назначенія уполномоченныхъ, который установленъ нынѣшнимъ закономъ для выбора гласныхъ мелкими собственниками. Но въ дѣйствительности, эта мѣра будетъ имѣть результаты прямо противоположные его цѣли. При системѣ г. Платонова, крестьяне получатъ рѣшительный перевѣсъ. Возьмемъ для примѣра волость съ 20000 десятинъ земли, распредѣленной поровну между помѣщиками и крестьянами. Крестьяне будутъ всегда имѣть полное число гласныхъ, приходящееся на ихъ долю. Но для того, чтобы помѣщики получили равное число голосовъ, нужна крайняя раздробленность владѣній, которая не всегда встрѣчается. — Равенство возможно лишь тогда, когда между личными землевладѣльцами нѣтъ никого владѣющаго имуществомъ выше цензза. Чѣмъ болѣе въ волости крупныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ менѣе они будутъ имѣть голосовъ; а если всѣ 10 т. десятинъ находятся въ однихъ рукахъ, то личное землевладѣніе будетъ представлено однимъ голосомъ противъ 30 или 40 крестьянскихъ.

Не знаемъ воспользуются ли крестьяне своимъ перевѣсомъ, чтобъ выбрать для себя образованное начальство, но они, конечно, не пропустятъ случая обложить помѣщичьи земли. Поводовъ къ этому будетъ много, потомучто волостная дума замѣнитъ и земское собраніе и нынѣшній волостной сходъ. Притомъ, стремленіе облагать личное землевладѣніе обнаружится въ ней гораздо сильнѣе, чѣмъ въ земствѣ. Въ

земскомъ собраніи оно сдерживается тѣмъ, что большинство крестьянъ обыкновенно остается равнодушнымъ къ тѣмъ затратамъ, которыя дѣлаются не для ихъ мѣстности. Ихъ не интересуютъ улучшенія на другомъ концѣ уѣзда, да и доходность земель въ цѣломъ уѣздѣ имъ неизвѣстна. Но въ границахъ волости, всѣ поймутъ для чего дѣлается затрата; доходность помѣщичьихъ земель всѣмъ будетъ извѣстна и крестьяне не преминутъ воспользоваться податною силою землевладѣльцевъ для удовлетворенія тѣхъ мѣстныхъ потребностей, которыя болѣе всѣхъ чувствуются ими же крестьянами, и въ которыхъ остальные классы почти не участвуютъ.

Во главѣ этой демократической массы становится волостной голова, избираемый думою на три года, изъ числа лицъ удовлетворяющихъ условіямъ, которыя нынѣ установлены для мировыхъ судей. Онъ имѣетъ права почетнаго мироваго судьи и можетъ быть въ тоже время мировымъ судьею. Во всякомъ случаѣ, на немъ лежитъ исполненіе судебныхъ рѣшеній, такъ что если онъ не судья, то судебный приставъ. Съ тремя или четырьмя членами, тоже избранными думою, онъ составляетъ волостную управу, къ которой, въ предѣлахъ волости, переходятъ всѣ обязанности уѣздныхъ управъ. Нечего и говорить, что съ уничтоженіемъ становыхъ приставовъ, полицейскій надзоръ принадлежитъ исключительно управѣ. Но жалованья ни голова, ни члены не получаютъ. По примѣру Пруссіи, имъ назначается только небольшая сумма въ возмѣщеніе должностныхъ расходовъ: головѣ 400 р., а членамъ по 300 р. Впрочемъ, предлагается правительству дать головѣ и значительное жалованье, возложивъ на него обязанности окружнаго надзирателя по части акцизныхъ сборовъ. Жалобы подаются: по хозяйственнымъ распоряженіямъ — губернскимъ управамъ, по полицейскимъ — исправнику.

Таково то простое, недорогое управленіе, которое предлагаетъ г. Платоновъ, объявляя себя врагомъ „дорогихъ и часто безцѣльныхъ благодѣяній, какими подарили насъ земскія

учрежденія". Находя уѣздъ „въ смыслѣ народнаго хозяйства (какъ онъ выражается) слишкомъ малою единицею" онъ не видитъ препятствія возложить на еще меньшую единицу всѣ тяжести, теперь разложенныя на цѣлый уѣздъ. Волость будетъ содержать на свой счетъ медиковъ и ветеринаровъ, предпринимать постройки, улучшать пути сообщенія и проч. Трудно думать, чтобъ изъ этого могло произойти обѣщаемое намъ „облегченіе общественнаго бюджета" если только, вмѣстѣ съ земствомъ, не предполагается кстати уничтожить и все имъ сдѣланное. А сдѣлано, чтобы ни говорили, не мало: школы, больницы, сколько нибудь сносныя дороги, все это началось только при земскихъ учрежденіяхъ и почти не существовало въ ту эпоху „сосредоточенія власти" о которой жалѣетъ г. Платоновъ.

Но если новое „благодѣяніе" (употребимъ выраженіе г. Платонова) обойдется вовсе не дешево, то будетъ-ли по крайней мѣрѣ создана власть дѣятельная и крѣпкая? Судя по множеству дѣлъ возложенныхъ на волостнаго голову, въ этомъ позволительно усомниться. Однѣ обязанности становаго пристава способны поглотить все его время, особенно если закроются уѣздныя полицейскія управленія, которыхъ члены, наравнѣ съ приставами, исполняли предписанія полиціи. А г. Платоновъ предлагаетъ еще сдѣлать волостныхъ головъ и акцизными надзирателями, которые теперь, по нѣскольку недѣль, сидятъ на винокуренныхъ заводахъ, а въ иную пору года, съ утра до ночи, выдаютъ патенты. Эта мѣра могла-бы имѣть только одно послѣдствіе: заставить головъ пренебрегать службой, дающей 400 рублей, въ пользу другой, дающей нѣсколько тысячъ. Г. Платоновъ, очевидно, слишкомъ разсчитываетъ на доблести образованнаго класса Чтобы принять на себя изобрѣтенную имъ должность, мало одного гражданскаго мужества, нуженъ настоящій стоицизмъ. Кто же отдастъ три года своей жизни на такія мученія, безъ всякаго вознагражденія, да еще съ зависимостью отъ исправника?

Легко предвидѣть во что выработается должность волостнаго головы въ самомъ непродолжительномъ времени. Если прежніе, выборные исправники обыкновенно принадлежали къ худшей части дворянства и менѣе всего отличались трезвостью, то и надежды г. Платонова на трезвость волостныхъ головъ едвали оправдаются. Они непремѣнно сопьются. Волостные головы, съ жалованьемъ въ 400 рублей, не всегда останутся и честными людьми. При такомъ ничтожномъ содержаніи, или нельзя служить, или надо смотрѣть на свою службу какъ на кормленіе. Но волостные головы грозятъ и другою опасностью, которой не было ни отъ становыхъ, ни отъ исправниковъ, и о которой г. Платоновъ напрасно не подумалъ. Направленіе должностныхъ лицъ не всегда опредѣляется условіями ихъ выбора или назначенія. Оно гораздо болѣе зависитъ отъ той общественной среды, которая имѣетъ вліяніе на судьбу должностнаго лица, на его личное положеніе. Волостной голова, при какихъ бы условіяхъ онъ ни избирался, какъ бы эти условія ни сосредоточивали выбора между личными землевладѣльцами, не сдѣлается черезъ это выраженіемъ землевладѣльческихъ стремленій. Прежніе исправники выбирались дворянствомъ, но развѣ они представляли дворянскіе интересы, или даже направленіе своихъ избирателей? Они были простыми и покорными орудіями губернатора. Ихъ дворянскія тенденціи отражались развѣ только въ медленномъ взысканіи недоимокъ съ какого нибудь вліятельнаго дворянина, располагающаго большимъ числомъ шаровъ на выборахъ. Точно тоже будетъ и съ волостными головами, если, какъ надо ожидать, должность ихъ упадетъ, и они превратятся въ выборныхъ становыхъ приставовъ. Еслиже, какимъ нибудь чудомъ, образованные люди не будутъ уклоняться отъ этой должности, то, можетъ быть, и сохранится независимость отъ уѣздной полиціи; но тогда они скорѣе сдѣлаются выраженіемъ тѣхъ интересовъ, которымъ они обязаны своимъ выборомъ. Какое имъ дѣло до дворянства, которое не обезпечитъ имъ

переизбранія? Они будутъ отражать въ себѣ стремленія большинства, т. е. демократической, крестьянской массы, а своею образованностью только придадутъ имъ болѣе энергіи, иногда же, можетъ быть, и фальшивое направленіе. Едва ли въ подобной власти нуждаются личные землевладѣльцы.

Волостной голова, конечно, не можетъ исполнять всѣ свои разнородныя обязанности одинъ, безъ помощниковъ. Но г. Платоновъ не говоритъ кто будетъ назначать ихъ. Если они будутъ вольнонаемные, то можетъ ли правительство, вынужденное дѣйствовать черезъ нихъ, удовлетвориться такими ненадежными орудіями? Если же они будутъ выборные, то какимъ огромнымъ числомъ правителей всякаго рода наполнится волость! Какіе расходы падутъ на эту маленькую единицу! Какъ тутъ не обременить общественнаго бюджета!

Съ тою непослѣдовательностью, которою отличилась и коммиссія, г. Платоновъ, подвигаясь въ своей работѣ, постепенно перестаетъ разсчитывать на образованный элементъ. Но его способъ понижать требованія образованія совершенно иной и еще менѣе основательный. Коммиссія, понизивъ условія назначенія для земскихъ головъ, удержала для мировыхъ судей нынѣшній порядокъ. Г. Платоновъ, напротивъ, взыскателенъ къ волостнымъ головамъ и очень снисходителенъ къ судьямъ. Отъ власти судебной, нуждающейся въ спеціальной подготовкѣ, отъ власти единоличной, которой не съ кѣмъ посовѣтоваться, онъ требуетъ меньшей степени образованія. „У насъ, говоритъ онъ, въ Петербургской губерніи, между мелкими землевладѣльцами, управляющими и даже крестьянами каждой волости, найдется нѣсколько людей, пользующихся безукоризненной репутаціей и вполнѣ способныхъ отправлять судебныя обязанности“. Въ силу этого безпримѣрнаго счастія, выпавшаго на долю Петербургской губерніи, предполагается дать цѣлой Россіи судебную власть съ самымъ невысокимъ уровнемъ образованія. „Волостной судья избирается думой изъ среды лицъ, имѣющихъ право участія въ

волостномъ, избирательномъ сходѣ и окончившихъ курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже уѣзднаго училища, или выдержавшихъ соотвѣтствующее испытаніе". Этотъ судья изъ управляющихъ или крестьянъ будетъ имѣть, въ лицѣ волостнаго головы, судебнаго пристава съ гимназическимъ аттестатомъ: отношеніе напоминающее гминныхъ писарей изъ помѣщиковъ, при старостахъ изъ крестьянъ, въ Польшѣ. Жалованья онъ получаетъ всего 300 р. Канцеляріи ему не полагается, хотя при такомъ уровнѣ образованія она была-бы не лишняя. Жалобы на рѣшенія подаются въ губернскій мировой судъ, замѣняющій нынѣшніе мировые съѣзды.

Такова организація придуманная г. Платоновымъ. Очевидно, что его идеалы не принадлежатъ, какъ онъ и самъ сознается, нашему времени. Когда онъ начертывалъ свой проэктъ, передъ нимъ возставали образы далекаго прошедшаго, того времени, когда слагалась пословица: „до Бога высоко, а до царя далеко". Но, заимствуя хорошее отовсюду, г. Платоновъ не прочь отъ подражанія и Петровской эпохѣ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ нельзя поздравить его съ удачнымъ выборомъ. Ему вздумалось воскресить учрежденіе фискаловъ, которыхъ нѣкогда Стефанъ Яворскій обличалъ съ архіерейской каѳедры и которыхъ самъ Петръ Великій отмѣнилъ, признавъ ихъ вредъ и уступая общему негодованію. Опасаясь (и весьма основательно), что „правительство не найдетъ свои интересы достаточно обезпеченными настоящимъ проэктомъ", г. Платоновъ предлагаетъ завести „въ каждомъ уѣздѣ одного или нѣсколькихъ правительственныхъ прокуроровъ" безъ жалованья, изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Этимъ прокурорамъ землевладѣльцамъ дается право, во всякое время, разсматривать дѣла волостныхъ управленій и, въ случаѣ замѣченныхъ ими отступленій отъ закона, сообщать о томъ на распоряженіе подлежащаго начальства. Г. Платоновъ не имѣетъ возраженій и противъ того, чтобы правительство предоставило

прокурорамъ надзоръ за всѣми уѣздными мѣстами, т. е. чтобъ оно подчинило землевладѣльцамъ всѣ правительственныя должности, напр. уѣзднаго исправника, воинскаго начальника, директора гимназіи и т. д. При столь обширномъ управленіи, прокуроры будутъ тоже обходиться безъ канцеляріи. Это даже вмѣняется имъ въ обязанность. Они не ведутъ переписки, а просто дѣлаютъ надпись „на подлежащемъ протоколѣ, журналѣ, черновомъ предписаніи, или отношеніи“; должностныя же лица обязаны сами сообщать эти отмѣтки о своемъ поведеніи подлежащему начальству и притомъ подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности. Такимъ образомъ, весь уѣздъ будетъ подчиненъ землевладѣльцамъ. Сосредоточеніе власти, исчезнувшее со времени эмансипаціи, установится въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно не существовало и при крѣпостномъ правѣ. Sed quis custodiet ipsos custodes? Г. Платоновъ забылъ объяснить: кто будетъ смотрѣть за самими прокурорами?

По счастію, г. Платоновъ не желаетъ навязывать Россіи затѣянной имъ дезорганизаціи власти. Однако, онъ принимаетъ косвенныя мѣры, чтобъ облегчить повсемѣстное ея примѣненіе. Первою жертвою избирается Петербургская губернія. Предлагается, въ каждомъ уѣздномъ городѣ, открыть коммиссію, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ волостныхъ старшинъ и выборныхъ отъ каждой волости, слѣдовательно изъ крестьянъ, потомучто рѣчь идетъ еще о нынѣшнихъ учрежденіяхъ. Этотъ совѣтъ мудрецовъ долженъ выработать положеніе, на основаніяхъ указанныхъ въ проэктѣ, и представить его на обсужденіе Петербургскаго дварянского собранія. Остальная Россія получитъ новое устройство, если будетъ ходатайствовать о томъ устами своихъ землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ. Условіе по истинѣ успокоительное, потомучто подобнаго ходатайства конечно не будетъ.

Отъ этихъ измышленій нельзя не перейти съ нѣкото-

рымъ удовольствіемъ къ проэкту графа Орлова-Давыдова. Мы видѣли, что онъ не одобряетъ „извращенія всего существующаго". Дѣйствительно, онъ избѣгаетъ всеобщей ломки, хотя тоже считаетъ нужнымъ извратить кое-что изъ существующаго, съ похвальною цѣлью восполнить „недостатокъ власти".

Ходъ его аргументаціи слѣдующій. Положеніе 19 Февраля 1861 года измѣнило всѣ условія нашей общественной жизни, политической и экономической. Вслѣдствіе усложнившихся отношеній, чувствуется теперь недостатокъ власти, менѣе замѣтный въ городѣ, но чрезвычайно затрудняющій сельскую жизнь. Недостатокъ власти происходитъ, впрочемъ, не столько отъ малаго числа должностныхъ лицъ, сколько отъ неудачнаго распредѣленія ихъ обязанностей. По мнѣнію графа, сельскому жителю важнѣе „найти скорѣе законнаго рѣшителя его дѣла, чѣмъ вдаваться въ безплодныя сужденія о томъ, насколько названіе того или другаго должностнаго лица соотвѣтствуетъ дѣламъ ему порученнымъ." Средство избѣжать этихъ безплодныхъ сужденій о законности дѣйствующей власти заключается въ соединеніи всѣхъ видовъ власти въ однѣхъ рукахъ, т. е. въ уничтоженіи отдѣльности суда отъ администраціи. Эта власть должна принадлежать мѣстнымъ землевладѣльцамъ, разумѣется, при помощи управляющихъ, безъ которыхъ ни одинъ изъ составителей проэктовъ не можетъ представить себѣ мѣстную дѣятельность дворянства. Эти мѣры, по мнѣнію графа Орлова-Давыдова, нисколько не противорѣчатъ ни существующему порядку, ни видамъ правительства. Онѣ будутъ только развитіемъ того, что сдѣлано Положеніемъ 19 Февраля. Чтобъ объяснить какимъ образомъ сосредоточеніе власти въ рукахъ помѣщиковъ можетъ быть дополненіемъ къ освобожденію крестьянъ, авторъ прибѣгаетъ къ замѣчательному разсужденію. Въ порядкѣ установившемся въ 1861 году, говоритъ онъ, есть сторона вѣчная и сторона временная, преходящая. Основа

его, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, неизмѣняема, но *все остальное* есть законъ временной, законъ приноровленный къ извѣстнымъ отношеніямъ, къ нѣкоторому періоду". Къ этой преходящей сторонѣ онъ относитъ и поземельное устройство крестьянъ, которому тоже предназначено измѣниться по прошествіи *нѣкотораго* періода. Пока, впрочемъ, поземельное устройство измѣняется только въ административномъ отношеніи.

Изъ этого уже понятно, въ чемъ состоитъ предполагаемое развитіе учрежденія, безъ извращенія „существующаго строя". Надобно упразднить надзоръ правительства за крестьянскимъ самоуправленіемъ и замѣнить его надзоромъ помѣщиковъ. Тогда недостатокъ власти восполнится. Это та самая точка зрѣнія, которая преобладала въ Балтійскомъ краѣ и которая, въ наше время, заставила правительство вновь освобождать тамошнихъ крестьянъ.

Графъ Орловъ-Давыдовъ не думаетъ о безвозмездной службѣ землевладѣльцевъ, играющихъ въ администрацію. Онъ видитъ въ этомъ даже существенное отличіе своего проэкта отъ проэкта коммиссіи. Въ дворянскомъ собраніи онъ выразилъ даже удивленіе, какъ можно клеймить однимъ и тѣмъ же именемъ крѣпостничества столь различныя направленія. Мы не думаемъ, конечно, чтобъ жалованье было главнымъ признакомъ государственнаго характера службы и помнимъ, что въ Германіи наслѣдственные старосты получали особые денежные оброки, связанные именно съ ихъ должностью; но не можемъ однако не остановиться на этомъ возраженіи. Оно доказываетъ, что въ намѣреніяхъ автора было создать учрежденія, которыя были бы органами государства, а не частныхъ интересовъ. Посмотримъ же: какъ выполнена имъ эта задача.

Волостной голова, который, у графа Орлова-Давыдова, есть главный органъ волостнаго управленія, выбирается не волостною думой, а уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, на тѣхъ

же основаніяхъ какъ нынѣшніе мировые судьи. Въ его рукахъ соединяется и власть судебная и власть административная. Къ нему переходятъ всѣ обязанности волостнаго суда, а изъ дѣлъ полицейскихъ онъ вѣдаетъ слѣдующія: а) онъ объявляетъ законы и правительственныя распоряженія; б) задерживаетъ бродягъ, бѣглыхъ и дезертировъ, а также в) преступниковъ; г) наблюдаетъ за исполненіемъ паспортныхъ правилъ; д) распоряжается при пожарахъ и другихъ народныхъ бѣдствіяхъ; е) наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ о воинской повинности, и ж) за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ и перевозовъ. Изъ этого перечня видно, что къ волостному головѣ переходятъ всѣ обязанности волостнаго старшины. Дѣйствительно, въ проэктъ перенесены, почти буквально, ст. 81, 82, 83 и 84 Общаго Положенія о крестьянахъ. Но статья 85 почему-то опущена, а въ ней говорится, что волостной старшина *обязанъ исполнять всѣ требованія полиціи и судебной власти.* Повидимому, это постановленіе замѣнено ст. 12 проэкта, гдѣ сказано: онъ (волостной голова) оказываетъ *всякое содѣйствіе* правительственнымъ и сословнымъ учрежденіямъ, въ ихъ законныхъ требованіяхъ; подобное-же *содѣйствіе* всякая установленная закономъ власть оказываетъ волостному головѣ". Такимъ образомъ, расходясь съ дворянскою коммиссіей во всемъ остальномъ, графъ Орловъ-Давыдовъ сходится съ нею въ одномъ: онъ хочетъ, для землевладѣльцевъ принимающихъ на себя заботу мѣстнаго управленія, полной независимости отъ мѣстной, правительственной власти. *Исполненіе* замѣняется *содѣйствіемъ*, иначе: *подчиненность — равноправностью.* Въ этомъ отношеніи графъ Орловъ-Давыдовъ идетъ даже далѣе коммиссіи. Онъ подчиняетъ волостнаго голову не уѣздному присутствію по крестьянскимъ дѣламъ (которое онъ желаетъ уничтожить) а прямо губернатору, власти еще болѣе отдаленной. Въ судебномъ отношеніи, волостной голова подчиненъ съѣзду мировыхъ судей, который, такимъ образомъ, ста-

нетъ апелляціонной инстанціей для крестьянскаго суда. Этимъ же властямъ принадлежитъ и право привлекать волостнаго голову къ отвѣтственности, а судится онъ въ окружномъ судѣ.

Авторъ не пояснилъ что̀ будетъ дѣлать уѣздный исправникъ, если волостной голова не окажетъ ему *содѣйствія?* Онъ также не задаетъ себѣ вопроса: какимъ образомъ губернаторъ будетъ надзирать издали за 7-ю или болѣе мелкими административными единицами, на которыя распадется каждый уѣздъ, что составитъ, по крайней мѣрѣ, до 60 на губернію. Устраняя недостатокъ власти въ селѣ, онъ не боится ослабить ее въ государствѣ и награждаетъ волостнаго голову, нисшаго представителя въ составѣ уѣзднаго управленія, правомъ, которое принадлежитъ только главѣ губерніи — правомъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, входить въ непосредственныя сношенія со всѣми правительственными учрежденіями и лицами, слѣдовательно и съ высшими, помимо нисшихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ, то есть именно тогда когда всего болѣе требуется единство власти, голова можетъ даже парализировать распоряженія губернатора, сославшись на какое нибудь предписаніе, испрошенное помимо его, у министра. Централизація въ волости породитъ такую децентрализацію въ государствѣ, которая способна испугать самыхъ усердныхъ поборниковъ самоуправленія.

Позади волостнаго головы стоятъ другія власти, выбранныя уже не земскимъ собраніемъ, а волостнымъ сходомъ. Это десятники, на которыхъ волостной сходъ возлагаетъ исполненіе своихъ постановленій. Но эта скромная роль предоставлена имъ только въ ст. 25. Черезъ нѣсколько статей оказывается, что уполномоченный схода есть тоже начальство, и очень важное. На десятника возлагается: а) принимать мѣры къ устраненію между крестьянскимъ населеніемъ волости (только крестьянскимъ, и никакимъ болѣе) нарушенія порядка и благочинія и къ прекращенію ложныхъ слуховъ;

б) побуждать крестьянъ къ исправному содержанію путей сообщенія и къ своевременному платежу повинностей, и в) объявлять крестьянскому населенію приказанія волостнаго головы (ст. 32). Сверхъ того, онъже доноситъ волостному головѣ о всякомъ злоупотребленіи сельскаго управленія, а также о сопротивленіи крестьянъ законному требованію сельскаго старосты. Читая этотъ перечень обязанностей десятника, нельзя не подивиться, что уполномоченный *всесословнаго* схода не имѣетъ отношенія ни къ кому, *кромѣ крестьянъ*, какъ будтобы въ неплатежѣ податей оказывались виновными одни крестьяне, какъ будтобы только имъ нужно было знать законы, или предписанія волостнаго головы, какъ будто бы, наконецъ, имъ однимъ свойственно было нарушать благочиніе или распространять ложные слухи. Все это было бы совершенно непонятно, еслибъ изъ ст. 35 не оказывалось вдругъ и совершенно неожиданно, что подъ смиреннымъ названіемъ десятника укрывается ни болѣе ни менѣе какъ вотчинная полиція. Здѣсь, въ видѣ простаго дополненія къ предъидущему, сказано: „по отношенію къ лицамъ живущимъ въ предѣлахъ частныхъ имѣній, обязанности десятника возлагаются на помѣщика, его уполномоченнаго, или назначеннаго имъ старосту“. Итакъ, помѣщикъ есть десятникъ по праву рожденія, безъ всякаго выбора. Если сходу вздумается выбрать его же въ десятники надъ ближайшимъ сельскимъ обществомъ, то власть сосредоточится вся въ однѣхъ рукахъ. Никакого недостатка власти не будетъ и крестьяне не будутъ имѣть ни малѣйшаго повода къ безплоднымъ разсужденіямъ о томъ: соотвѣтствуютъ ли права должностнаго лица его названію?

Послѣ этого не въ правѣ-ли мы спросить: чтоже всесословнаго въ всесословной волости придуманной графомъ Орловымъ-Давыдовымъ? Власть вручается землевладѣльцамъ, ихъ управляющимъ и старостамъ; подчиняются ей одни крестьяне, и никто болѣе. Наивность, съ которою проводится этотъ принципъ, доходитъ до того, что даже не упо-

минается о томъ кто будетъ имѣть надзоръ надъ мѣстными землевладѣльцами? Неужелиже всесословный характеръ волости состоитъ тольто въ томъ, что всѣ сословія одинаково загорожены для правительства отдаленностью надзора?

Но всесословный элементъ однако имѣется. Онъ проявляется въ организаціи схода и здѣсь, къ крайнему изумленію, опять происходитъ извращеніе, но уже во вредъ личнымъ землевладѣльцамъ. Волостной сходъ состоитъ изъ представителей имущественныхъ цензовъ въ 500 десятинъ каждый. Лица, которыя владѣютъ такимъ количествомъ земли на правѣ частной собственности, пользуются на сходѣ личнымъ голосомъ; но ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ болѣе двухъ голосовъ, какимъбы количествомъ свыше ценза ни владѣли. Крестьянеже выбираютъ по одному уполномоченному на каждыя 500 десятинъ. Понятно что изъ этого выйдетъ. Если въ волости есть личный землевладѣлецъ, у котораго 10,000 десятинъ, и крестьянское общество въ 1000 душъ, съ надѣломъ по 4 десятины, то землевладѣлецъ будетъ имѣть два голоса противъ восьми крестьянскихъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого порядка будетъ, несомнѣнно, значительное возвышеніе волостныхъ сборовъ. Крестьяне, конечно, воспользуются случаемъ обложить помѣщичьи земли, и въ этомъ имъ не помѣшаютъ никакіе волостные головы, никакіе десятники изъ землевладѣльцевъ. Такоюто демократическою мѣрою увѣнчивается порядокъ предлагаемый графомъ Орловымъ-Давыдовымъ.

Нетрудно сдѣлать заключеніе о томъ какое дѣйствіе оказалобы на мѣстную жизнь подобное устройство. Оно, съ одной стороны, ослабитъ власть правительства въ пользу личныхъ землевладѣльцевъ; съ другой, отдастъ этихъ самыхъ землевладѣльцевъ на жертву демократической массѣ. Остается рѣшить: возможнали самостоятельная дѣятельность волостныхъ головъ и десятниковъ по отношенію къ крестьянамъ, которые, на сходѣ, могутъ всегда отплатить имъ за

всякое непріятное распоряженіе, тяжелымъ обложеніемъ ихъ земель? Не будутъ ли новые администраторы поставлены между своими обязанностями и экономическими интересами, въ ущербъ и хорошему управленію, и своему нравственному значенію? Намъ кажется, что графъ Орловъ-Давыдовъ пришелъ къ томуже результату какъ и г. Платоновъ. Онъ подорвалъ собственное дѣло, какъ скоро коснулся экономической стороны его, доказавъ всю несовмѣстность всесословной организаціи, основанной на преобладаніи дворянства, съ собственными интересами этого сословія.

Петербургское дворянство, почему-то, не рѣшилось балотировать своихъ проэктовъ. Выразивъ благодарность своей коммиссіи, оно „воздержалось отъ дальнѣйшаго обсужденія вопроса“. Но, въ тоже время, собраніе отвергло два предложенія, клонившіяся къ окончательному его устраненію. Оно не захотѣло признать вопроса ни подлежащимъ „ближайшему обсужденію земства“, ни законодательнымъ. Дворянское собраніе продолжаетъ, слѣдовательно, считать себя учрежденіемъ наиболѣе компетентнымъ въ дѣлѣ устройства всесословной волости, не признавая ни за правительствомъ, ни за земствомъ способности дать ему надлежащее направленіе. Эти постановленія, состоявшіяся при значительномъ большинствѣ голосовъ, очень знаменательны. Они доказываютъ, что въ глазахъ дворянства, всесословная волость есть интересъ дворянскій.

Но именно эта сословная точка зрѣнія и была главною причиною несостоятельности проэктовъ. Она-то и положила одинаковую печать безсилія на всѣ модификаціи волостнаго устройства, основаннаго на преобладаніи личнаго землевладѣнія. Сословная точка зрѣнія есть исключительная, мѣшающая, по своей односторонности, разумной оцѣнкѣ общихъ интересовъ. Вотъ почему Петербургскіе консерваторы, за-

думавъ „идти въ народъ“, впали въ туже ошибку, какъ и несчастная молодежь, которой примѣру они послѣдовали. Кто не помнитъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое въ послѣднихъ политическихъ процессахъ, производили эти юноши, вообразившіе себя прирожденными учителями массы и пошедшіе въ народъ, не зная хорошенько зачѣмъ они идутъ, и что могутъ принести съ собою? Спустившись въ народъ, они увидѣли, что не понимаютъ его и сами имъ не поняты. Какъ это ни странно, но Петербургскіе землевладѣльцы тоже думаютъ, что имъ стоитъ появиться среди народа и лучшій порядокъ возникнетъ самъ собою. Оттого имъ и показалось, что народъ, который такъ нуждается въ нихъ, можетъ приладиться къ ихъ привычкамъ и сдѣлать тѣ уступки, безъ которыхъ землевладѣльцамъ трудно поднять на плеча бремя общественнаго блага. Оттогото ихъ и ожидало одинаковое разочарованіе. Оказалось, что среди народа, какъ онъ сложился исторически, нѣтъ для нихъ мѣста. Передъ ними возникла страшная дилемма: имъ приходилось или передѣлать весь народный бытъ, или самимъ исчезнуть въ демократической массѣ. Такимъ образомъ, консерватизмъ привелъ ихъ прямо къ революціонному способу дѣйствій, къ насильственной ломкѣ существующаго. Порою, у самихъ ораторовъ собранія, вырывалось полусознаніе въ этомъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ прямо указываетъ на „многихъ, которые, исходя изъ совершенно различныхъ побужденій, желаютъ *извратить* весь общественный строй“. Нельзя не быть признательнымъ за такое смѣлое сближеніе консерваторовъ съ радикалами, несмотря на ихъ различныя побужденія. Да, затѣянныя преобразованія суть, дѣйствительно, извращеніе, т. е. революція, и г. Платоновъ подтверждаетъ это, когда, въ самомъ собраніи, сознается съ благородною откровенностью, что его „предложеніе идетъ въ разрѣзъ съ реформами нынѣшняго времени“.

Революція не признаетъ правъ жизни. Политическая ея программа есть для нея догматъ, которому жизнь должна

безусловно подчиняться. Отсюда тотъ признакъ, который отличаетъ всякую революціонную дѣятельность — стремленіе расчистить мѣсто для тѣхъ общественныхъ силъ, въ которыхъ нуждается идея, стремленіе подавить тѣ, которыя ей враждебны. Этой черты не избѣгнули Петербургскіе проэкты. Чтобъ удержать перевѣсъ за высшимъ классомъ, консерваторамъ потребовалось посягнуть на ту сторону общественнаго быта, которая вездѣ есть по преимуществу продуктъ исторіи, на сельскій, экономической бытъ. Имъ нужно передѣлать крестьянскую общину, единственное наслѣдіе вѣковъ, которое уцѣлѣло у насъ, разорвать ее на двое, создать сельскую аристократію и сельскій пролетаріатъ. Но и въ этой формѣ крестьянская община не кажется еще достаточно надежною наиболѣе послѣдовательнымъ реформаторамъ: они не рѣшаются поставить крестьянъ лицемъ къ лицу съ землевладѣльцами на волостномъ сходѣ и благоразумно избѣгаютъ его. У крестьянъ отнимается и собственный судъ, несовмѣстный съ полнотою власти потребной для землевладѣльцевъ. Что же даютъ землевладѣльцы за всѣ эти жертвы крестьянскаго сословія? Они даютъ что̀ могутъ, свое свободное время, свой досугъ. Образованный классъ выдвигаетъ впередъ свою самую необразованную часть, да и на ту не смѣетъ вполнѣ разсчитывать. Землевладѣльцы, классъ представляющій традицію, не можетъ управлять безъ помощи людей лишенныхъ всякой традиціи, безъ управляющихъ и арендаторовъ. Дворянство, которое презрительно отзывается о чиновникахъ, называя ихъ „наемными лицами“ (см. записку коммиссіи) понуждалось въ другихъ наемникахъ, нанятыхъ не правительствомъ, а частными людьми. Тѣ изъ реформаторовъ, у которыхъ не хватило духа отречься отъ всякой справедливости, впадаютъ въ противорѣчіе съ собою: они предаютъ на жертву демократической массѣ экономическіе интересы землевладѣльцевъ, предоставляя крестьянамъ право облагать ихъ по произволу. Неумолимая логика жизни доказываетъ имъ всю не-

совмѣстимость съ крестьянской общиной того положенія, которое дается въ ней помѣщикамъ.

Кто-то сказалъ, что нигилизмъ есть не столько тенденція, сколько состояніе ума, неспособность понимать общіе принципы и подчинять имъ свою личность, а вслѣдствіе этого и неспособность понимать принципъ власти. Въ самомъ дѣлѣ, крайнія партіи никогда не понимаютъ условій власти. Власть, пока она не находится у нихъ въ рукахъ, представляется имъ помѣхой для ихъ идеи. Отсюда, сознательное или безсознательное стремленіе ослабить ее, ускользнуть отъ ея надзора. Мы видѣли, что и въ этой чертѣ нѣтъ недостатка у нашихъ консерваторовъ? Они не задаютъ себѣ вопроса: можетъ-ли правительство дѣйствовать при тѣхъ условіяхъ, въ которыя они его ставятъ. Имъ нужно, чтобъ землевладѣльцы могли дѣйствовать безпрепятственно, а правительству они предоставляютъ прилаживаться къ новому порядку, какъ оно знаетъ. Захватывая въ руки своихъ головъ и старшинъ всю мѣстную полицію, они, въ сущности, упраздняютъ полицейскую власть правительства. Еслибъ реформы ихъ могли осуществиться, правительству пришлось бы со временемъ уничтожить большую часть собственныхъ органовъ, безполезныхъ зрителей помѣщичьей администраціи. Но консерваторамъ не слѣдовало-бы забывать, что нельзя ослаблять власть безнаказанно. Они имѣютъ передъ собой поучительный примѣръ другой страны и другой эпохи. Точно также, въ 1879 году, либерально консервативная часть учредительнаго собранія ослабила правительственную власть во Франціи. Послѣдствія извѣстны. Ослабленная власть оказалась безсильною защищать консервативные интересы и крайняя децентрализація смѣнилась тою централизаціею, которой имя есть терроръ.

Отрицательное отношеніе къ жизни ведетъ и къ отрицанію исторіи, которая есть таже жизнь. Можетъ быть, поэтому, нашимъ консерваторамъ не дается тотъ живой, исто-

рическій смыслъ, который составляетъ силу консервативныхъ классовъ. Они не понимаютъ ни чужой, ни своей исторіи. Еслибъ они вглядѣлись поближе въ то, что даетъ сословіямъ политическое значеніе, то они не стали-бы приписывать могущества Англійской аристократіи вліянію законодательныхъ мѣръ. Ея сила состоитъ въ томъ, что она не мѣшаетъ развитію массъ, умѣетъ приноровляться къ новому и не вздыхаетъ о падшихъ привилегіяхъ. Еслибъ наши консерваторы вспомнили исторію русскаго дворянства, то поняли-бы на чемъ, въ былые годы, держалось его значеніе. Оно было живою силою когда, подобно другимъ сословіямъ, тянуло тягло государства, когда Нижегородскій мѣщанинъ зналъ гдѣ отискать князя Пожарскаго, когда не было „бѣгства землевладѣльцевъ въ города и за границу“. Пусть явится та готовность жертвовать своимъ временемъ на общественную пользу, объ отсутствіи которой скорбитъ дворянская коммиссія, и не нужно будетъ никакой искусственной организаціи, чтобъ подчинить общественную жизнь вліянію образованнаго класса. У нашихъ крестьянъ нѣтъ систематическаго недовѣрія къ высшему сословію. Они охотно подчиняются руководящей мысли, съумѣвшей доказать себя на дѣлѣ. Они уступятъ землевладѣльцамъ подобающее имъ вліяніе, хотя никогда не поступятся имъ свободой, которой столько вѣковъ довѣрчиво ожидали отъ всесословной власти, созданной единствомъ русскаго духа и въ свою очередь создавшей русское государство.

Радикализмъ мысли ведетъ и къ радикализму выраженія. Не оттого-ли Петербургскіе ораторы, пріемами своей діалектики, такъ часто напоминаютъ радикаловъ? У князя Лобанова-Ростовскаго вырываются выраженія, невольно напоминающія Прудона. Подобно знаменитому коммунисту, изобрѣтшему порядокъ, которому онъ самъ далъ названіе анархіи, предсѣдатель дворянской коммиссіи любитъ ссылаться на Евангеліе, и одинаково безцеремонно перетолковываетъ его по своему.

Онъ проситъ собраніе не вѣрить гласу народа, потому-что „гласъ народа требовалъ распятія Спасителя“ и забываетъ прибавить, что народъ, когда дѣйствовалъ по собственному вдохновенію, встрѣчалъ Спасителя съ пальмовыми вѣтвями и что когда тотъже народъ требовалъ распятія, онъ дѣйствовалъ по наущенію князей и архіереевъ. Странное обращеніе съ Христіанствомъ: требовать порабощенія народа именемъ Христа, котораго религія принесла свободу!

Составители проэктовъ толкуютъ много о „неблагонадежныхъ лицахъ“, будто-бы имѣющихъ вліяніе на сельскую общину; они принимаютъ мѣры противъ распространенія какихъ-то вредныхъ слуховъ. Не будемъ доискиваться побужденій и видѣть въ этихъ опасеніяхъ, которыя повторялись и въ собраніи, желаніе запугать правительство, увѣривъ его, что въ нѣдрахъ крестьянской общины кроется революція. Но чѣмъ искреннѣе эти опасенія, тѣмъ менѣе обнаруживаютъ они знанія Россіи. „Распространители вредныхъ слуховъ“ исходятъ не изъ крестьянскаго сословія. Они принадлежатъ къ высшему классу, иногда даже къ семействамъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крестьяне не легко увлекаются ими. Они, какъ видно изъ политическихъ процессовъ, обнаруживаютъ естественную наклонность отвести распространителей въ полицію. Крестьянина не взволнуешь никакими вредными слухами, кромѣ одного: онъ дорожитъ землей, на которой родился и выросъ, съ которой такъ долго составлялъ одно цѣлое. Коснитесь его надѣла, его права распоряжаться своимъ клочкомъ земли, и „вредные слухи“ начнутъ перелетать какъ молніи; тогда и вотчинная полиція не успѣетъ задерживать распространителей. Землевладѣльцы первые пострадаютъ отъ этихъ слуховъ. Крестьянинъ не вѣритъ, чтобъ православный царь не берегъ православныхъ; все что нарушаетъ его интересы онъ приписываетъ чужому вліянію, успѣвшему стать между нимъ и государемъ. Принимаясь передѣлывать крестьянскую общину, землевладѣльцы берутъ

на себя страшную задачу, которая легко можетъ обрушиться на ихъ головы.

Правительство не увлечется Петербургскими проэктами — дворянство дало ему спасительное предостереженіе. Оно сказало, своимъ постановленіемъ, что не видитъ въ всесословной волости ни земскаго, ни правительственнаго интереса. Уступить послѣ этого его внушеніямъ значило бы, для верховной власти, сложить свое земское призваніе въ пользу небольшой группы людей. Если въ волостномъ устройствѣ должна произойти реформа, то она будетъ основана не на этихъ мнимо-консервативныхъ тенденціяхъ, нарушающихъ и истинные интересы дворянства, а на разумномъ развитіи тѣхъ учежденій, которыми русское общество вызвано, во всѣхъ своихъ слояхъ, къ самодѣятельности. Для такой реформы правительство найдетъ опору и въ томъ большинствѣ русскаго дворянства, которое умѣетъ сидѣть на мѣстѣ, умѣетъ жертвовать своимъ временемъ на общественную пользу, и не ставитъ своихъ личныхъ выгодъ выше интересовъ государства и общества.

Ѳедоръ Дмитріевъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Читай:*
Стран.	2	строк.	26	свобду	*свободу*
„	5	„	17	связахъ	*связяхъ*
„	11	„	30	въ выборѣ	*отъ выбора*
„	13	„	31	единственныя	*единственный*
„	14	„	16	изъ	*изъ нея*
„	16	„	33	прислуживаясь	*прислушиваясь*
„	16	„	33	тогоже	*такогоже*
„	17	„	5	такъ	*никакъ*
„	18	„	8	всего	*своего*
„	18	„	9	всего	*своего*
„	19	„	12	самыхъ	*самихъ*
„	22	„	8	плуватымъ	*плутоватымъ*
„	23	„	30	миѣть	*имѣть*
„	24	„	28	нарядчики	*нарядчика*
„	26	„	1	давались	*давалась*
„	29	„	10	разрѣшилось	*разрѣшалось*
„	31	„	7	(прим.) самимъ	*самымъ*
„	57	„	32	ва	*на*
„	81	„	4	взятыми	*взятымъ*
„	81	„	30	удовлетвореніа	*удовлетвореніе*
„	82	„	9	заставляло	*заставило*
„	101	„	20	какъ	———
„	108	„	11	вліянія	*вліяніе*
„	108	„	12	поѣздкими	*поѣздками*
„	114	„	7	Сверъ	*Сверхъ*
„	117	„	22	на	*ни*
„	123	„	32	са	*за*
„	124	„	7	начитается	*начинается*
„	127	„	2	хозяйсява	*хозяйства.*

Типографія Альберта Левента въ Берлинѣ.
Landsbergerstrasse 32.